

Научно-исследовательский центр имени П.А. Румянцева «Мысль»
Московский финансово-юридический университет МФЮА

ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 19

THE PROBLEMS OF CONNECTIONS BETWEEN REGIONS

№ 19

Москва - Калининград

2022

П78

Проблемы межрегиональных связей = Problems of connections between regions: научный журнал / Научно-исследовательский центр имени П. А. Румянцева «Мысль», Московский финансово-юридический университет МФЮА, Калининград: Аксиос, 2022 — Вып. 19 В. И. Кулаков [и др.]; сост. и ред. В. А. Шахов. — Москва; Калининград, 2022. — 74 с. - 500 экз. ISSN 2414-57344

УДК 08(082)

ББК 1.41жа54

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Забелин А. Г., ректор АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; Забелин О.А., первый проректор АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», кандидат технических наук, доцент; Филиппов В. Н., первый заместитель директора Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»; Галыга В. В., заместитель директора института инженерной педагогики и гуманитарной подготовки Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, кандидат исторических наук, профессор; Капитальчук И. П., проректор по научно-инновационной работе Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, кандидат географических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Шахов В. А., доктор культурологии, доцент, председатель правления Научно-исследовательского центра им. П. А. Румянцева «Мысль», заслуженный работник культуры РФ (РЕДАКТОР); Кулаков В. И., доктор исторических наук, начальник Балтийской экспедиции Российского института археологии РАН; Берестнев Г. И., доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; Минаева О. А., кандидат экономических наук, проректор по организационной работе АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»; Пекина А. М., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Научные статьи журнала включаются в базу данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей.
Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Проблемы межрегиональных связей»,
допускается только с письменного разрешения редакции.

Настоящий журнал подготовлен в рамках этнокультурной программы
«Развитие межнационального и межконфессионального согласия и мира».

Учредитель:

Региональная общественная организация «Общество культуры Принеманья»

Соучредитель:

Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА».

ISSN 2414-5734

№ 19 / 2022

Издаётся с 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Составитель: Шахов В.А.

Компьютерный набор, верстка: Астапкович Е.В.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «АКСИОС».

Россия, Калининград, ул. Генерал-лейтенанта Озерова, 176. Подписано в печать 29.11.2022. Зак. 126. Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

1. Кулаков В.И.
Меровингские мотивы в материальной культуре обитателей Мазур и Самбии VI-VII вв 5
2. Соколов В.И., Хвесюк Д.И.
Крепость Осовец. Атака мертвецов: историография событий 12

Экономические науки

3. Скрыпник В.П.
Приоритеты региональной транспортной политики на примере Калининградской области 18
4. Юферов А.Г.
Информационные и энтропийные оценки в задачах планирования НИОКР 22

Культурологические науки

5. Пекина А.М., Гумина С.Н.
Традиции воспитания студентов в годы «Оттепели» на примере деятельности академического хора Петрозаводского государственного университета 28
6. Красакова А.В.
Актуальность изучения языковой игры: современные исследования 33
7. Комарова И.И.
Концепты «толерантность» и «терпимость» в контексте обеспечения национальной культурной безопасности России 39
8. Леонтьева Е.А.
Экспликация фонографических средств украиноязычных писателей Приднестровья 45
9. Берестнев Г.И.
Чёрный юмор с точки зрения социальной семиотики 50
10. Четверикова Н.А.
Духовное и телесное в эротизме: сравнение мировосприятия античного и средневекового человека 62
11. Николаева Л.Ю.
Спираль истории 66
12. Яшина С.Л.
Методология постмодернизма в осмыслении современной культуры 70

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Берестнев Геннадий Иванович – доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия / berest-gen@mail.ru

Гумина Светлана Николаевна – студентка Института педагогики и психологии Петрозаводского государственного университета, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск / mk3181@rambler.ru

Комарова Ирина Ивановна – кандидат культурологии, доцент Калининградского филиала Московского финансово-юридического университета МФЮА, Россия / irdii@mail.ru

Красакова Анастасия Владимировна – аспирант, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия / nina.07653@mail.ru

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, начальник Балтийской экспедиции института археологии РАН, г. Калининград, Россия / drkulakov@mail.ru

Леонтьева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, ПМР / lenastarke@mail.ru

Николаева Лариса Юрьевна – доктор философских наук, профессор, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / rur1949@mail.ru

Соколов Владимир Иванович – почётный атаман национальной общины «Балтийский Союз казаков», есаул, г. Калининград, Россия / kazaki@list.ru

Хвесьюк Дмитрий Игоревич – атаман национальной общины «Балтийский Союз казаков», старший урядник, г. Калининград, Россия / kazakhvesiuk@mail.ru

Скрыпник Владимир Павлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации перевозок, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / skrypnik.vp@bgarf.ru

Пекина Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия / annamp23@yandex.ru

Четверикова Надежда Александровна – доктор философских наук, профессор, профессор Выборгского филиала Российского педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия / chetverikova.nadezhda@bk.ru

Юферов Анатолий Геннадьевич – кандидат физико-математических наук, преподаватель, Калужский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Малоярославец, Россия / anatoliy.yuferov@mail.ru

Яшина Светлана Львовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / ysl58@mail.ru

Меровингские мотивы в материальной культуре обитателей Мазур и Самбии VI-VII вв.

Merovingian motifs in the material culture of the inhabitants of Mazur and Sambia of the VI-VII centuries

В предлагаемой статье будет показана динамика торговых и матримониальных контактов между балтами Мазурского Поозерья и, позднее и несколько в меньших масштабах, Янтарного берега. Насчитывающие не одну сотню лет, такие контакты балтов и германцев получили новый импульс с прибытием в юго-восточную Балтию в нач. V в. видвариев. К нач. VI в. интересы пруссов и жителей Мазур распространяются на западную часть континента (низовья р. Рейн и Ютланд). В VI-VII в. идёт активный товарный и, соответственно, культурный обмен жителей западного рубежа балтского мира и обитателей восточной части державы Меровингов, второго после Византии культурного центра в Европе. Этот обмен привнёс много позитивного в различные стороны жизни западных балтов и оставил след в их сказаниях, отражённых в «Прусской хронике» Симона Грунау.

The proposed article will show the dynamics of trade and matrimonial contacts between the Balts of the Masurian Lake District and, later and on a somewhat smaller scale, the Amber Coast. More than one hundred years old, such contacts between the Balts and the Germans received a new impetus with their arrival in the southeastern Baltic in the beginning. 5th century vidvarii. To the beginning 6th century the interests of the Prussians and the inhabitants of Masury extend to the western part of the continent (the lower reaches of the Rhine and Jutland). In the VI-VII centuries. there is an active commodity and, accordingly, cultural exchange between the inhabitants of the western border of the Baltic world and the inhabitants of the eastern part of the Merovingian state, the second cultural center in Europe after Byzantium. This exchange brought a lot of positive things to various aspects of the life of the Western Balts and left a trace in their legends, reflected in Simon Grunau's Prussian Chronicle.

Ключевые слова и фразы: позднеримское время, эпоха Великого переселения народов, эстии, пруссы, Мазуры, Самбия.

Keywords and phrases: Late Roman period, Migration period, Aestii, Prussians, Mazury, Sambia.

Владимир КУЛАКОВ

Vladimir Kulakov

*Института археологии РАН Калининград-Москва,
Россия*

Institute of archaeology RAS Kaliningrad-Moscow, Russia

Адепты старой прусской археологической школы Аещё в кон. XIX в. обратили внимание на бросающуюся в глаза тенденцию мазурских ювелиров копировать и развивать формы и декор меровингских украшений VI-VII вв. [16, S. 79]. Современный немецкий исследователь мазурских пальчатых фибул указанного времени Фолькер Хильберг считает, опираясь на анализ прусских (этноним «прусы» здесь условен) фибул с тремя «лучами», что западные балты активно контактировали с германцам, обитавшими на земле совр. Мекленбурга во второй пол. V – нач. VI вв. По его мнению, пруссы в это время не торговали янтарём с западом Европы и контактов с Меровингским ареалом у них не было [17, S. 207]. Ф. Хильберг фиксирует балто-восточномеровингские контакты позднее, во второй пол. VI в., что засвидетельствовано находкой в погребениях мазурских могильников Daumen/Tumiany и Kellaren/Kielary 6 пальчатых фибул, изготовленных на территории совр. северо-

восточной Франции [17, S. 209]. Учитывая осуществляющуюся в 531 и 568 гг. тенденцию Меровингской державы к захвату земель к востоку от границ бывш. римской Галлии и присоединению к Австразии ареалов расселения тюрингов, алеманнов и байюваров, Ф. Хильберг считает естественным появление на Мазурах восточномеровингских пальчатых фибул, сменивших здесь застёжки, импортировавшиеся из Подунавья, и позднее распространение дериватов меровингских изделий на берег Вислинского залива [17, S. 287, 288]. Немецкий коллега обращает внимание на представленность меровингских фибульных импортов и их дериватов в основном лишь на двух мазурских могильниках Daumen/Tumiany и Kellaren/Kielary [17, S. 287], но не объясняет странный на первый взгляд интерес западнобалтских ювелиров к украшениям населения далёкой от Балтии западной окраины континента. Попробуем в предлагаемой статье найти решение указанной проблемы.

Археологический материал юго-восточной Балтии уже с I в. н.э. показывает заметную роль германского этно-культурного элемента в жизни населения западной окраины балтского племенного ареала. Стремление германцев к участию в янтарной торговле привело к налаживанию стабильных межэтнических контактов и к влиянию центрально-европейских традиций на развитие древностей эстиев, предков позднейших прус-

сов [8, с. 154]. В частности, значительное число фибул эстиев восходило к древнегерманским образцам, что позволяло женщинам и мужчинам Янтарного края находится в мейнстриме моды тогдашнего *Barbaricum* [13, с. 51]. К концу античной эпохи эти контакты распространяются и на западную часть континента. Одно из свидетельств этого феномена – появление в Балтии декоративного стиля *Sösdala*, являющегося упрощённой версией позднеимского чеканного декора [18, S. 208]. В частности, этот декор украшает центральные части наградных гривен из *Velp* (Нидерланды) кон. IV в. (рис. 1). Западные балты могли познакомиться с образцами прототипов такого декора в процессе событий ранней фазы эпохи великого переселения народов.

После крушения Западной Римской Империи и относительной стабилизации военно-политической обстановки в Центральной Европе янтарная торговля у потомков эстиев становится основой для налаживания дипломатических отношений. Свидетельство тому – известное письмо Теодориха к «эстиям», составленное примерно в 524 г. Кассиодором [4, с. 114]. Видимо, янтарная торговля связывала потомков эстиев как с Северной Италией по Вислинскому Янтарному пути, освоенному ещё в I в. н.э., так и по Балтийскому морю с Западной Европой [2, с. 266]). Кроме того, западные балты знакомились с новациями материальной культуры западных германцев на полях битв гуннских войн. Именно таким путём прусские оружейники переняли в своём производстве некоторые черты германских скрамасаксов [1, с. 115], используя их (в частности – «ровики для стока крови», нем. *Blutrinnen*) в оформлении клинков ножей-кинжалов V в. (рис. 2).

Один из ведущих артефактов древностей видвариев и пруссов на ранней фазе развития прусской археологической культуры – фибулы со звёздчатой ножкой типов *Bitner-Wróblewska* IV и V – являются упрощённой копией провинциально-римских и скандинавских фибул фаз C2-D1 [6, с. 25] с утраченными вставками полудрагоценных камней (рис. 3). Так же к западноевропейским прототипам восходят прусские версии фибул серии *Krefeld* (рис. 4). Как уже упоминалось выше, Ф. Хильберг считает знакомство прусских ювелиров с фибулами типа *Krefeld* результатом влияния на древности западных балтов традиций англо-саксов. Рифление на ножках прусских дериватов упомянутых фибул восходит к алеманнским традициям восточных окраин меровингской Австразии [17, S. 287].

Известно, что лишь 6 фибул, найденных на мазурских могильниках, были произведены мастерами восточной части Австразии. Остальные многочисленные находки пальчатых фибул, сделанные в основном на могильниках *Daumen/Tumiany* и *Kellaren/Kielary* и в их окрестностях (рис. 5), считаются дериватами меровингских фибул (рис. 6). Этапы имитаций (точнее – деградации) пальчатых фибул типа *Mühlhofen*, выделенные Ф. Хильбергом (рис. 7), свидетельствуют о

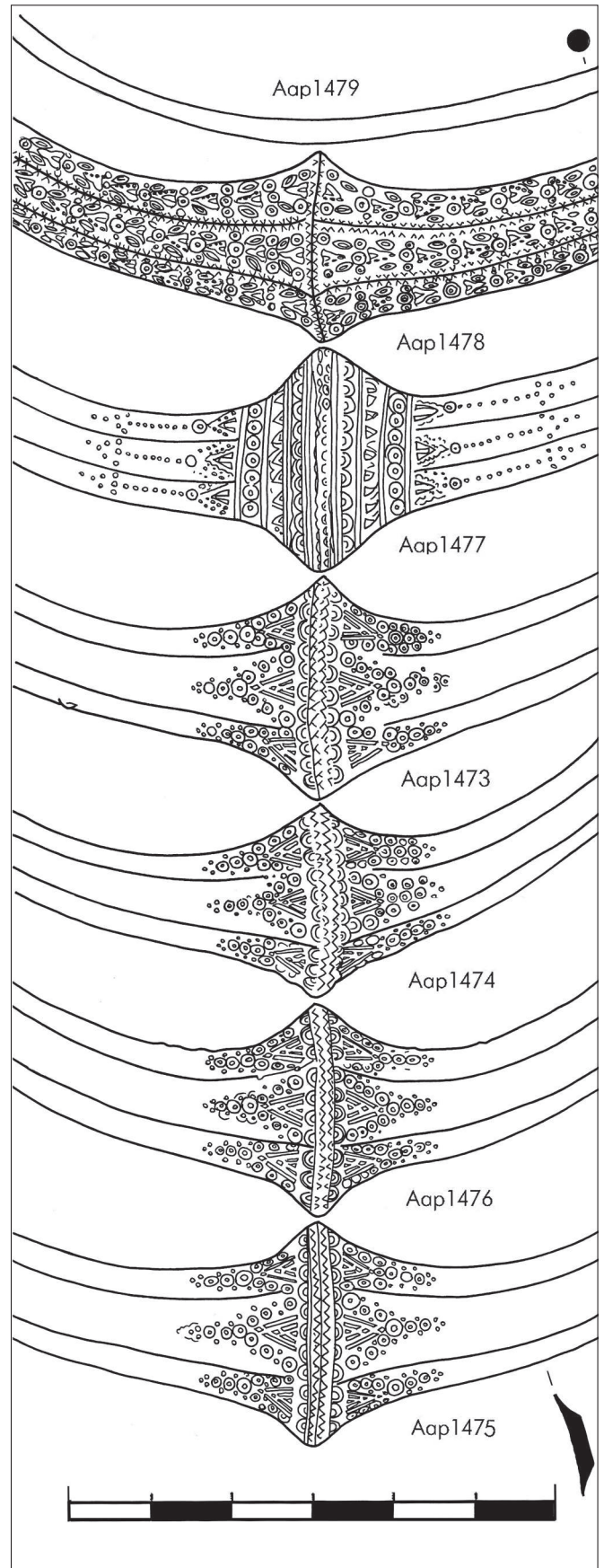

Рис. 1. Орнамент на золотых наградных гривнах из Фелп (Нидерланды) [18, Abb. 4].

Fig. 1. Ornament on gold award neck ring from Velp (Netherlands) [18, Abb. 4].

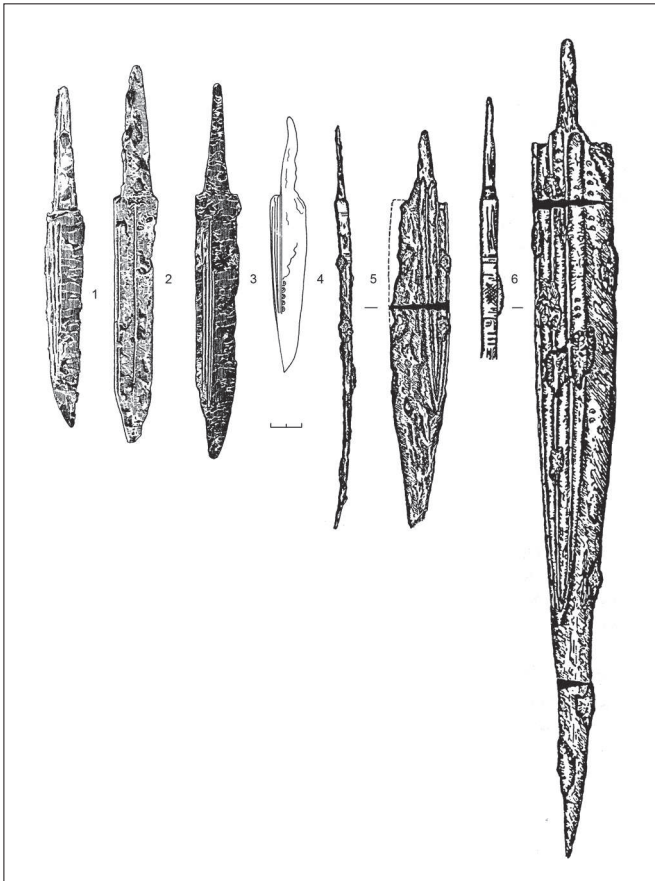

Рис. 2. Скрамасаксы (1-3) северной Италии (Ломбардия) и ножи-кинжалы (4-6) юго-восточной Балтии: 1 – погр. 122 могильника Nocera Umbra, 2 – погр. 170 могильника Castel Trosino, 3 – погр. 176 могильника Castel Trosino, 4 – погр. 124 могильника Dollkeim/Коврово, 5 – погр. 8 могильника Kleinheyde, 6 – погр. 7 могильника Kleinheyde [1-3 – по: 20, fig. 11,1-3; 4 – по: 5, рис. 50; 5, 6 – по: 21, pav. 10, 11].
Fig. 2. Scramasaks (1-3) of northern Italy (Lombardy) and knives-daggers (4-6) of the southeastern Baltic: 1 – burial. 122 Nocera Umbra burial grounds, 2 – burial. 170 of the Castel Trosino burial ground, 3 – burial. 176 of the Castel Trosino burial ground, 4 – burial. 124 Dollkeim/Kovrovo burial grounds, 5 – burial. 8 of the Kleinheyde burial ground, 6 – burial. 7 of the Kleinheyde burial ground [1-3 - after: 20, fig. 11,1-3; 4 - after: 5, fig. 50; 5, 6 - after: 21, pav. 10, 11].

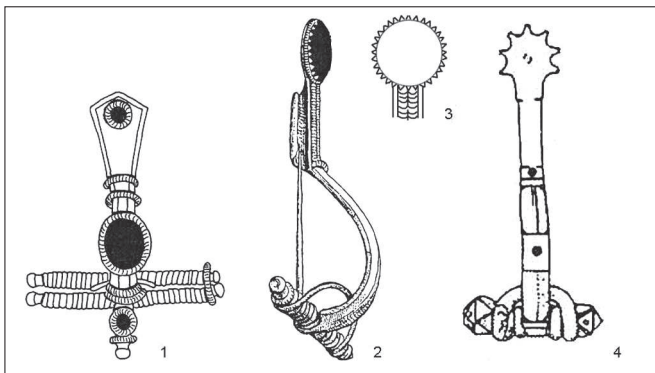

Рис. 3. Реконструкция процесса становления звездчатых ножек у фибул западных балтов: 1 – Stjernede (Дания), 2 – яма 300 на поселении Dębczyno (Польша), 3 – реконструкция гнезда на ножке скандинавской фибулы с утраченной вставкой; 4 – фибула из погр. 370 Dollkeim/Коврово [13, рис. 57].
Fig. 3. Reconstruction of the process of formation of star-shaped legs in brooches of the Western Balts: 1 – Stjernede (Denmark), 2 – pit 300 at the Dębczyno settlement (Poland), 3 – reconstruction of the socket on the stem of a Scandinavian fibula with a lost insert; 4 – fibula from burial. 370 Dollkeim/Kovrovo [13, fig. 57].

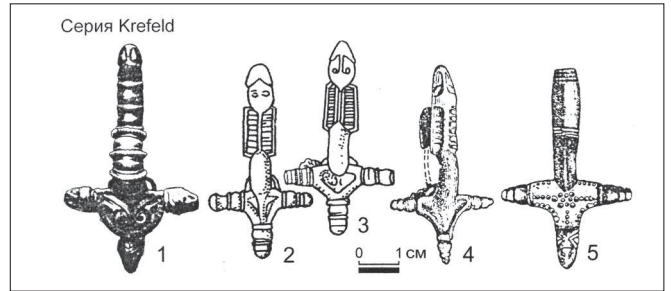

Рис. 4. Рис. 4. Фибулы серии Krefeld: 1 – Balgstädt, K. Erfurt (Ost-Deutschland); 2 – Hünenberg/«Гора Великанов», погр. H-15; 3 – Hünenberg/«Гора Великанов», погр. H-125; 4, 5 – Huntenberg/ Braniewo-Podgórze, woj. Warmińsko-Mazurskie Polski, случайные находки на грунтовом могильнике [13, рис. 70].
Fig. 4. Fibulae of the Krefeld series: 1 – Balgstädt, K. Erfurt (Ost-Deutschland); 2 – Hünenberg/“Mountain of the Giants”, burial. H-15; 3 – Hünenberg / “Mountain of the Giants”, grave. H-125; 4, 5 – Huntenberg/ Braniewo-Podgórze, woj. Warmińsko-Mazurskie Polski, chance finds in a ground burial [13, fig. 70].

том, что эти востребованные жителями западной части Мазурского Поозерья артефакты производились на протяжении значительного отрезка времени. Иными словами, при отсутствии аутентичного западноевропейского фибульного материала западнобалтские потребители, ориентировавшиеся на меровингские нормы убора (преимущественно – женского), стимулировали во второй пол. VI – VII вв. [17, S. 286] появление продукции местных ювелиров, максимально похожей на меровингские образцы. Примечателен факт появления дериватов пальчатых фибул типа Mühlhofen и в южной части прусского племенного ареала, в бассейне р. Alle/Łyna/Лава [13, с. 171].

Появившиеся среди носителей прусской археологической культуры ранней фазы во второй пол. V в. н.э. трёхлучевые фибулы типов Gursuf и Schönwarling-Dattenberg копировались прусскими ювелирами и являлись показателями существовавших до второй пол. VI в. матримониальных связей между жителями Мазур и окрестностей Самбии. Представители этих западнобалтских регионов, очевидно, ношением копий (правда, значительно ухудшенных относительно своих прототипов) германских фибул манифестировали своё считавшееся престижным происхождение от германцев-видвариев, участвовавших в сер. V в. в формировании прусской культуры [13, с. 153, 154]. Та же самая причина вызвала к жизни появление в указанных регионах дериватов пальчатых фибул, сменивших во второй пол. VI в. моду на трёхлучевые застёжки. Импульсом для появления указанных дериватов послужили меровингские фибулы, поступившие на западную окраину балтского мира как в результате торговли, так и (что предпочтительней) благодаря матримониальным контактам, явно бывших для жителей Балтии весьма престижными и поднимавших их самооценку.

В сер. VI в. в западную часть Мазурского Поозерья прибывают из пределов Аварского каганата группы подвластных аварам лангобардов и гепидов, своей целью имевшие обретение контроля над мазурским

Рис. 5. Зоны распространения в сер. VI в. меровингских пальчатых фибул [17, Abb. 7.51].
 Fig. 5. Distribution zones middle 6th century Merovingian finger fibulae [17, Abb. 7.51].

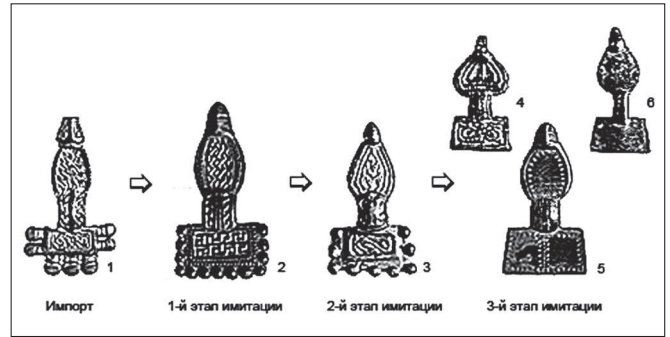

Рис. 6. Этапы деградации (по Ф. Хильбергу — имитации) двухпластинчатых фибул на примере застежек типа Mühlhofen: 1 — Kellaren / Kielary, погр. 62; 2 — Daumen / Tumiany, погр. 11; 3 — Waplitz / Waplewo, погр. 6; 4 — Lehlesken / Leleszki, погр. 14; 5 — Daumen / Tumiany, погр. 98; 6 — Kellaren / Kielary, погр. 94 [13, рис. 81].
 Fig. 6. Stages of degradation (according to V. Hilberg — imitation) of two-plate brooches on the example of Mühlhofen-type clasps: 1 — Kellaren / Kielary, burial. 62; 2 - Daumen / Tumiany, burial. eleven; 3 - Waplitz / Waplewo, burial. 6; 4 - Lehlesken / Leleszki, burial. fourteen; 5 - Daumen / Tumiany, burial. 98; 6 - Kellaren / Kielary, grave. 94 [13, Fig. 81].

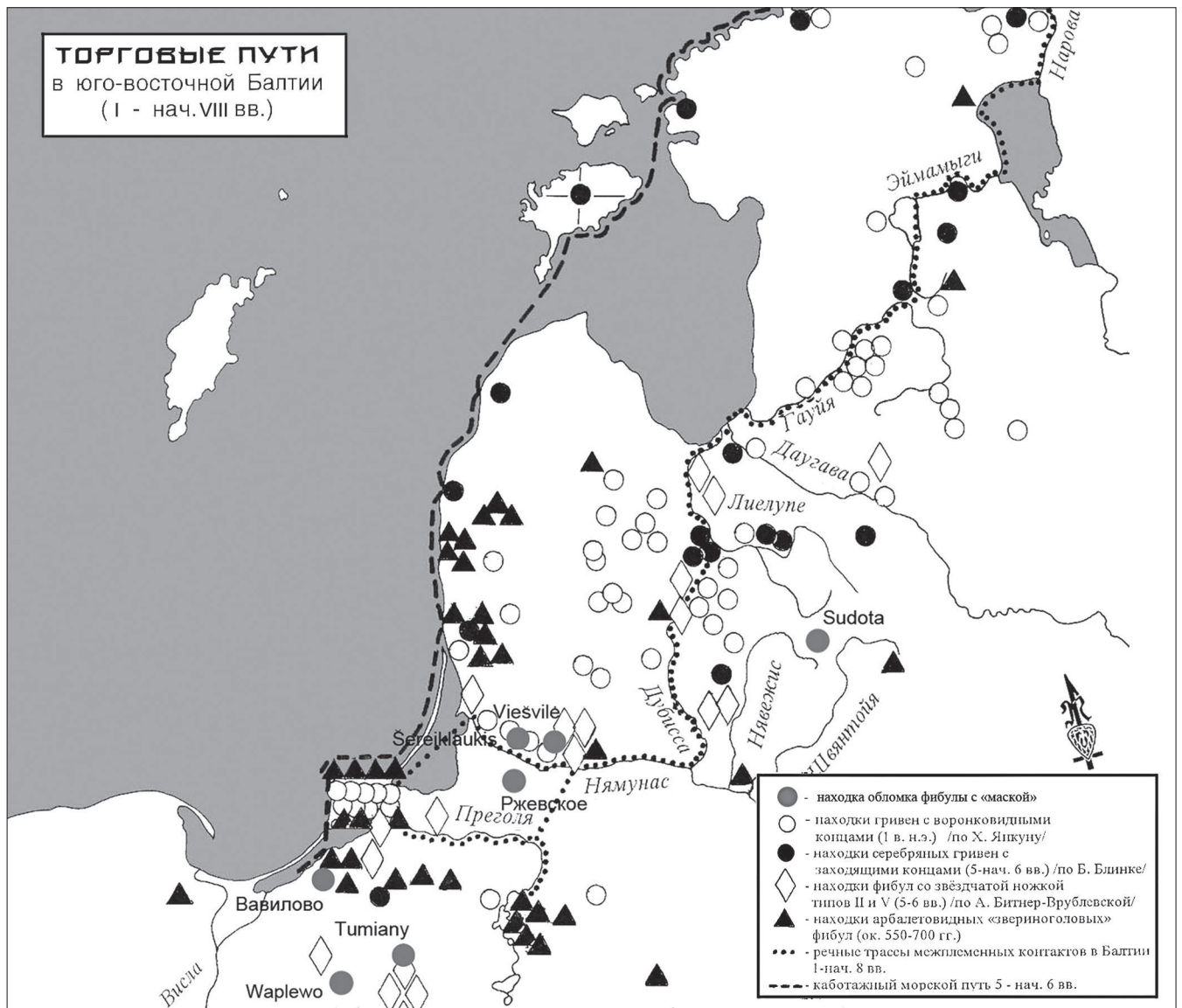

Рис. 7. Рис. 7. Находки обломков пальчатых фибул, свидетельств германского ритуала, на торговом пути «Самбия-Эйямыги-Вирумаа» [7, рис. 96].
 Fig. 7. Findings of fragments of finger fibulae, evidence of a Germanic ritual, on the trade route “Sambia-Eyamygi-Virumaa” [7, fig. 96].

вариантом янтарной торговли [3, с. 174]. Очевидно, приток германского населения на рубежи Балтии стимулировал сложение их контактов с родственным по языку и обычаям населением Австразии. На это указывает распространение в юго-восточной Балтии как к югу, так и к северу от р. Неман следов примечательного германского обычая [19, р. 236] – деструкции у пальчатых фибул их культовых оберегов – звериных голов на концах их ножек. Судя по распространению пунктов находок обломков фибул (рис. 7), их первоначальная зона – Мазурское Поозерье.

Кроме роскошных фибул (единичность этих предметов указывает на принадлежность к мужскому убору), поступавших из регионов Западной Европы на западную окраину Балтии, в кон. VI – сер. VII вв. на Самбии оказался комплекс золоченых деталей конского снаряжения вместе с золочёным серебряным навершием питьевого рога. Не исключена возможность их появления из мастерских прусских ювелиров, пользовавшихся меровингскими или скандинавскими образцами для роскошных изделий для военной аристократии [9, с. 176]. Другая версия интерпретации: указанные предметы поступили в пределы Балтии вместе с конём, в меровингской Европе считавшемся важным показателем высокого социального положения его хозяина.

В нач. VII в. янтароносный регион запада Мазурского Поозерья пополняется новой группой обитателей Среднего Подунавья. С их приходом на Мазуры начинают поступать пальчатые фибулы дунайских типов, преимущественно – парные, что указывает на их принадлежность женскому убору [3, с. 175]. Тем не менее контакты жителей Мазур с западом континента не прерываются. В VII в. продолжается использование в женском уборе деградированных вариантов «птичьих» подвесок-лунниц (рис. 8), восходящих к датским прототипам V в. н.э. [10, с. 19]. В VI-VII вв. мазурские и прусские ювелиры изготавливают копии (рис. 9) роскошных меровингских равноплечных фибул [11, с. 61, 62]. Пожалуй, дольше всего, до рубежа VII-VIII вв. у западных балтов использовались дериватизированные копии круглых меровингских фибул (рис. 10). У пруссов их покрытие золотой фольгой сменилось на серебряную фольгу, а полудрагоценные камни-кабошоны, которыми инкрустировались застёжки знатных франков и алеманнов, у пруссов были заменены умбоновидными выпуклостями. Феномен производства круглых фибул у пруссов явился не только результатом эвентуальных матримониальных связей, но и (возможно – в первую очередь) попыткой копирования высоко престижных меровингских изделий показать высокий статус своих прусских заказчиков [14, с. 91, 92].

Последним отзвуком некогда активных торговых и семейных контактов западных балтов с западом континента явился реализованный в IX в. англо-саксонским купцом Вульфстаном маршрут морского путешествия от Ютланда до Трусо (рис. 11). Целью этого

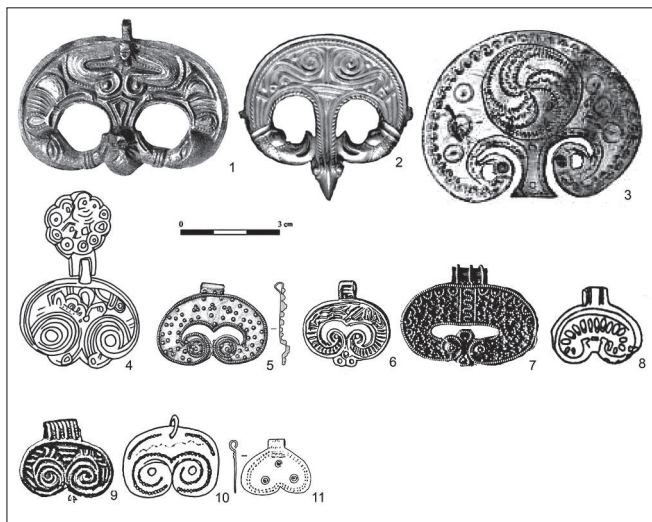

Рис. 8. «Трёхрогие» лунницы сер. I тысячел. н.э. и их дериваты: 1 – Weskeñ; 2 – Eysbul; 3 – Fultorfa (Дания); 4 – Warten/Шоссейное, погр. 36; 5 – Medenau/Логвино, «погр.» 1; 6 – Kellaren/Kielary, погр. 64; 7 – Rudau/Мельниково (Au); 8 – Lehlesken-Leleszki, погр. 24; 9 – Kellaren/Kielary, погр. 13; 10 – Daumen/Tumiany, погр. 72; 11 – Kellaren/Kielary, погр. 32 [10, рис. 3].

Fig. 8. “Three-horned” moons ser. I millennium AD and their derivatives: 1 – Weskeñ; 2 – Eysbul; 3 – Fultorfa (Denmark); 4 – Warten/Shosseynoye, burial. 36; 5 – Medenau/Logvino, “burial.” one; 6 – Kellaren/Kielary, grave. 64; 7 – Rudau/Melnikovo (Au); 8 – Lehlesken-Leleszki, burial. 24; 9 – Kellaren/Kielary, grave. 13; 10 – Daumen/Tumiany, burial. 72; 11 – Kellaren/Kielary, grave. 32 [10, Fig. 3].

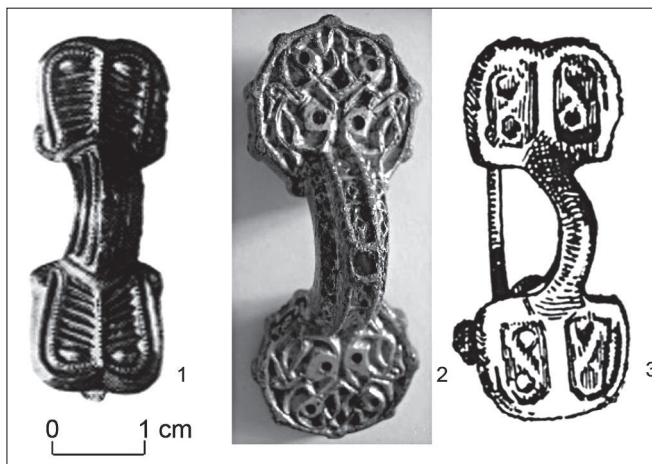

Рис. 9. Равноплечные дериваты фибул с подпрямоугольными пластинами: 1 – Werder/Zeliony Ostrów; 2 – Charnay-lès-Chalon (France); 3 – Boschwingken/Boczwiniki Nowe [11, рис. 4].

Fig. 9. Equal-shouldered derivatives of brooches with subrectangular plates: 1 – Werder/Zeliony Ostrów; 2 – Charnay-lès-Chalon (France); 3 – Boschwingken/Boczwiniki Nowe [11, Fig. 4].

возжа была попытка восстановить взаимовыгодные торговые контакты европейцев с населением Янтарного края. Очевидно, именно этим путём шла торговля балтов с меровингским западом Европы на два столетия раньше Вульфстана, который мог использовать нарративные или даже письменные сведения об этой торговле VI-VII вв.

Итак, в статье была показана динамика торговых и матримониальных контактов между балтами Мазурского Поозерья и, позднее и несколько в меньших мас-

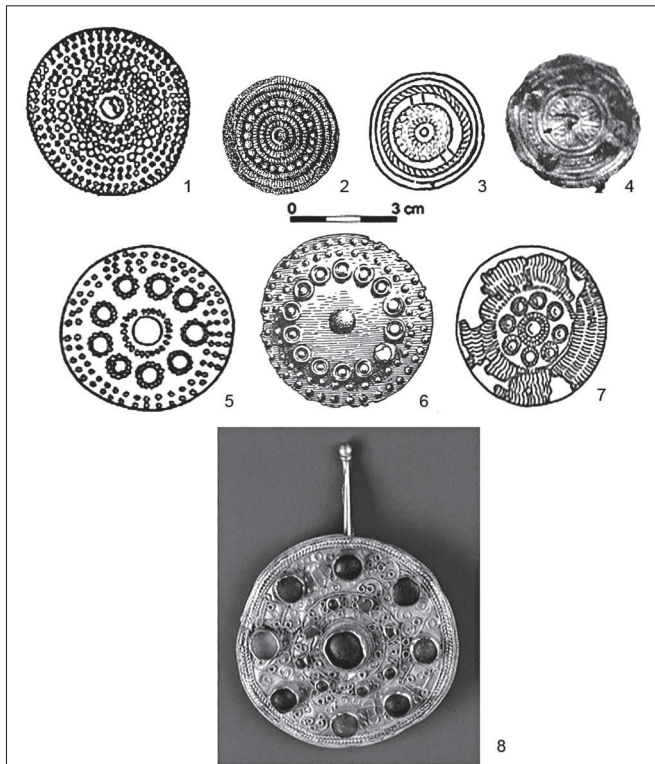

Рис. 10. Круглые фибулы с концентрическими окружностями: 1 – погр. б/№ могильника Kipitten/Холмогорье; 2 – погр. Le-76 могильника Freiwalde bei Lenzenberg/Лёцзе; 3 – погр. Da-104 могильника Daumen/Tumiany; 4 – погр. 82 могильника Preussenort/Wólka Prusinowska; 5 – погр. Zo-50 могильника Zohren/Суворово; 6 – погр. Ke-64 могильника Kellaren/Kielary; 7 – погр. Da-96 могильника Daumen/Tumiany; 8 – Montponf, France [14, Fig. 2].

Рис. 11. Маршруты путешествий по Балтике купца Вульфстана в IX в. [15, Taf. 1].

штабах, Янтарного берега. Насчитывающие не одну сотню лет, такие контакты балтов и германцев получили новый импульс прибытием в юго-восточную Балтию в нач. V в. видвариев. К нач. VI в. интересы

пруссков и жителей Мазур распространяются на западную часть континента (низовья р. Рейн и Ютланд). В VI-VII в. идёт активный товарный и, соответственно, культурный обмен жителей западного рубежа балтского мира и обитателей восточной части державы Меровингов, второго после Византии культурного центра в Европе. Это явление, крайне редкое в истории Балтии (единственный аналог – заимствование позднейшими ливами деталей скандинавской культуры эпохи викингов) привнёс много позитивного в различные стороны жизни западных балтов и оставил след в их сказаниях, отражённых в «Прусской хронике» Симона Грунау [12, с. 142].

Библиографические ссылки

1. Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // *Stratum plus*, № 5, СПб-Кишинёв-Одесса-Бухарест: Высшая антропологическая школа – 2012 - С. 111-124.
2. Казанский М.М. Эстии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени // *Археологические вести*, вып. 25, СПб: ИИМК РАН – 2017 - С. 265-274.
3. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V - начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878-1938 гг./ // *Barbaricum-1989*. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego – 1989 - С. 148-273.
4. Кулаков В.И. Прусы (V-XIII вв.), М.: «Геоэко» - 1994 - 214 С.
5. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г., Минск: Институт истории НАН Беларуси – 2004 - 135 С.
6. Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв., Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG – 2011 - 150 С.
7. Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов, Калининград: «ПЕН»-центр – 2012 - 222 С.
8. Кулаков В.И. Изменение на протяжении XX в. взгляда на роль древнегерманского компонента в культуре Самбии римского времени // *Исторический формат*, № 1-2, М. – 2018а - С. 144-159.
9. Кулаков В.И. Датировка уникального вещевого комплекса из могильника Skardelies Wald/Алейка-7 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, Nr 2 (300), Olsztyn: Ośrodek Badań naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego – 2018б - С. 378-387.
10. Кулаков В.И. Лунницы и подвески особых форм в древностях юго-восточной Балтии // *Проблемы истории, филологии, культуры*, вып. 4, Москва-Магнитогорск-Новосибирск: Институт археологии РАН – 2019а - С. 5-17.
11. Кулаков В.И. Равноплечные фибулы пруссов на балтском пограничье // *Журнал фронтирных исследований*, № 1, Астрахань: издательство ООО НПО «Генезис.Фронтир. Наука» – 2019б - С. 57-70.
12. Кулаков В.И. Видевут, Брутен и прусская археология начала эпохи Меровингов // *Гуманитарный вектор*, т. 15, № 3, Чита: Забайкальский госуниверситет – 2020 - С. 135-144.
13. Кулаков В.И. Фибулы народов Балтийского региона. I в. до н.э. – XI в. н.э. Очерки истории застёжек, СПб: «Алетейя» - 2022а - 345 С.
14. Кулаков В.И. Фибулы с умбонovidным декором в древностях пруссов эпохи Великого переселения народов // *Проблемы истории, филологии, культуры*, № 4, М.-Магнитогорск-Новосибирск: Отделение историко-филологических наук РАН, ИА РАН – 2022б - С. 84-95.
15. Ebert M. Truso // *Schriften der Königsberger Gelehrten*

Gesellschaft, 3. Jg., H. 1, Berlin: Deutsche Verlag für Politik und Geschichte – 1926 – S. 2-85.

16. Heydeck J. Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf dem Anfang einer deutsch-nationalen Kunst // Prussia, Bd. XIX, Königsberg – 1895 - S. 41-80.

17. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary, Bd. 2. Neumünster: Wachholtz Verlag – 2009 - 615 S.

18. Kulakov W.I. Halsringe vom Horizont Untersiebenbrunn aus Velp (Niederlande). Publikation und - 2009 - S. 201-217.

19. Magnus B. The broken brooches // Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. In Mittel- und Nordeuropa, Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag – 2009 – P. 231-239.

20. Martin M. Observations sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce // L'armée Romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle, tome V des memoires publiees, Paris: Musée des Antiquités Nationales – 1993 - P. 395 – 409.

21. Šimėnas V. Smailieji kovos peiliai-durklai baltų kraštuose I m. e. tūkstantmečio viduryje // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai, Vilnius: Leidykla Zalių Lietuva – 1996 - P. 41-70.

References

1. Kazanskij M.M. O proisxozhdenii skramasaksa // Stratum plus, № 5, SPb-Kishinyov-Odessa-Buxarest: Vysshaya antropologicheskaya shkola – 2012 - S. 111-124.

2. Kazanskij M.M. E'stii i Okean: o rasprostraneniі nekotory'x tipov fibul e'poxi pereseleniya narodov i merovingskogo vremeni // Arxeologicheskije vesti, vy'p. 25, SPb: IIMK RAN – 2017 - S. 265-274.

3. Kulakov V.I. Mogil'niki zapadnoj chasti Mazurskogo Poozer'ya koncza V - nachala VIII vv. /po materialam raskopok 1878-1938 gg./ // Barbaricum-1989. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego – 1989 - S. 148-273.

4. Kulakov V.I. Prussy' (V-XIII vv.), M.: «Geoe'ko» - 1994 - 214 S.

5. Kulakov V.I. Doll'kajm-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g., Minsk: Institut istorii NAN Belarusi – 2004 - 135 S.

6. Kulakov V.I. Dekorativnoe iskusstvo Yantarnogo kraja. Ornament fibul V-VII vv., Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG – 2011 - 150 S.

7. Kulakov V.I. Nemanskij yantarny'j put' v e'poxu vikingov, Kaliningrad: «PEN»-centr – 2012 - 222 S.

8. Kulakov V.I. Izmenenie na protyazhenii XX v. vzglyada na rol' drevnegermanskogo komponenta v kul'ture Sambii rimskogo vremeni // Istoricheskij format, № 1-2, M. – 2018a - S. 144-159.

9. Kulakov V.I. Datirovka unikal'nogo veshhevoogo kompleksa iz mogil'nika Skardelies Wald/Alejka-7 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie, Nr 2 (300), Olsztyn: Ośrodek Badań naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego – 2018b - S. 378-387.

10. Kulakov V.I. Lunnicy i podveski osoby'x form v drevnostyax yugo-vostochnoj Baltii // Problemy' istorii, filologii, kul'tury', vy'p. 4, Moskva-Magnitogorsk-Novosibirsk: Institut arxeologii RAN – 2019a - S. 5-17.

11. Kulakov V.I. Ravnoplechny'e fibuly' prussov na baltskom pogranich'e // Zhurnal frontirny'x issledovanij, № 1, Astraxan': izdatel'stvo OOO NPO «Genesis.Frontir.Nauka» – 2019b - S. 57-70.

12. Kulakov V.I. Videvut, Bruten i prusskaya arxeologiya nachala

e'poxi Merovingov // Gumanitarny'j vektor, t. 15, № 3, Chita: Zabajkal'skij gosuniversitet – 2020 - S. 135-144.

13. Kulakov V.I. Fibuly' narodov Baltijskogo regiona. I v. do n.e'. – XI v. n.e'. Ocherki istorii zastyozhek, SPb: «Aletejya» - 2022a - 345 S.

14. Kulakov V.I. Fibuly' s umbonovidny'm dekorom v drevnostyax prussov e'poxi Velikogo pereseleniya narodov // Problemy' istorii, filologii, kul'tury', № 4, M.-Magnitogorsk-Novosibirsk: Otdelenie istoriko-filologicheskix nauk RAN, IA RAN – 2022b - S. 84-95.

15. Ebert M. Truso // Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, 3. Jg., H. 1, Berlin: Deutsche Verlag für Politik und Geschichte – 1926 - S. 2-85.

16. Heydeck J. Das Gräberfeld von Daumen und ein Rückblick auf dem Anfang einer deutsch-nationalen Kunst // Prussia, Bd. XIX, Königsberg – 1895 - S. 41-80.

17. Hilberg V. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren – Tumiany i Kelary, Bd. 2. Neumünster: Wachholtz Verlag – 2009 - 615 S.

18. Kulakov W.I. Halsringe vom Horizont Untersiebenbrunn aus Velp (Niederlande). Publikation und - 2009 - S. 201-217.

19. Magnus B. The broken brooches // Glaube, Kult und Herrschaft. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. in Mittel- und Nordeuropa. Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. In Mittel- und Nordeuropa, Bonn: Dr. Rudolf Habelt Verlag – 2009 – R. 231-239.

20. Martin M. Observations sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce // L'armée Romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle, tome V des memoires publiees, Paris: Musée des Antiquités Nationales – 1993 - R. 395 – 409.

21. Šimėnas V. Smailieji kovos peiliai-durklai baltų kraštuose I m. e. tūkstantmečio viduryje // Vidurio Lietuvos archeologija. Etnokultūriniai ryšiai, Vilnius: Leidykla Zalių Lietuva – 1996 - R. 41-70.

Крепость Осовец. Атака мертвецов: историография событий

6 августа 2022 года исполнилось 107 лет со дня знаменитой «Атаки мертвецов» – события, уникального для истории войн: контратаки 13-й роты 226-го Землянского полка, пережившей немецкую газовую атаку при штурме германскими войсками крепости Осовец.

On August 6, 2022 has marked 107 years since the famous «Attack of the dead men» – an unique event to the history of warfare: counterattack of the 13th company of the 226-th Zemlyansky regiment, who survived in German gas attack during the assault of the German troops the fortress Osovets.

Ключевые слова и фразы: русская армия, крепость Осовец, атака мертвецов, газовая атака, Великая война.

Keywords and phrases: Russian army, Osowiec fortress, attack dead, a gas attack, the Great war.

Владимир СОКОЛОВ, Дмитрий ХВЕСЮК
Vladimir Sokolov, Dmitry Khvesyuk

Национальная община «Балтийский Союз казаков»

National community «Baltic Union of Cossacks»

Шёл второй год войны. Ситуация на Восточном фронте складывалась не в пользу России. 1 мая 1915 года после газовой атаки у Горлицы немцам удалось прорвать русские позиции, и началось широкомасштабное наступление немецких и австрийских войск. В результате были оставлены Царство Польское, Литва, Галиция, часть Латвии и Белоруссия. Только пленными императорская армия России потеряла 1,5 миллиона человек, а общие потери за 1915 год насчитывали около 3 миллионов убитых, раненых и пленных. Однако было ли великое отступление 1915 года позорным бегством? Нет.

О том же Горлицком прорыве видный военный историк А. Керсновский пишет следующее: «На рассвете 19 апреля IV-я австро-венгерская и XI-я германская армии обрушились на IX-й и X-й корпуса на Дунайце и у Горлицы. Тысяча орудий – до 12-дюймового калибра включительно – затопили огнем морем неглубокие наши окопы на фронте 35 верст, после чего пехотные массы Макензена и эрцгерцога Иосифа Фердинанда ринулись на штурм. Против каждого нашего корпуса было по армии, против каждой нашей бригады – по корпусу, против каждого нашего полка – по дивизии. Ободренный молчанием нашей артиллерии, враг считал все наши силы стёртыми с лица земли. Но из разгромленных окопов поднялись кучки полузасыпанных землею людей – остатки обескровленных, но не сокрушённых полков 42, 31, 61 и 9-й дивизий. Казалось, что они встали из своих могил. Своей железной грудью они спружинили удар и предотвратили катастрофу всей российской вооруженной силы».

Русская армия отступала, потому что испытывала

снарядный и ружейный голод. Русские промышленники, в большей своей части – либеральные ура-патриоты, кричавшие в 1914 году «Даёшь Дарданеллы!» и требовавшие предоставить общественности власть для победоносного окончания войны, оказались не в силах справиться с оружейным и снарядным дефицитом. На местах прорывов немцы сосредотачивали до миллиона снарядов. На сто немецких выстрелов русская артиллерия могла ответить лишь десятью. План по насыщению русской армии артиллерией был сорван: вместо 1500 орудий она получила... 88.

Слабо вооруженный, технически малограмотный в сравнении с немцем русский солдат делал что мог, спасая страну, личным мужеством и своей кровью искупая просчёты начальства, лень и корысть тыловиков. Без снарядов и патронов, отступая, русские солдаты наносили тяжёлые удары немецким и австрийским войскам, чьи совокупные потери за 1915 год насчитывали около 1200 тысяч человек.

В истории отступления 1915 года славной страницей

Немецкая газовая батарея готовится к атаке.

является оборона крепости Осовец. Она находилась всего в 23 километрах от границы с Восточной Пруссией. По словам участника обороны Осовца С. Хмелькова, основной задачей крепости было «преградить противнику ближайший и удобнейший путь на Белосток... заставить противника потерять время или на ведение длительной осады, или на поиски обходных путей». А Белосток — это дорога на Вильно (Вильнюс), Гродно, Минск и Брест, то есть — ворота в Россию. Первые атаки немцев последовали уже в сентябре 1914 года, а с февраля 1915 года начались планомерные штурмы, которые отбивались в течение 190 дней, несмотря на чудовищную немецкую техническую мощь.

Доставили знаменитые «Большие Берты» — осадные орудия 420-миллиметрового калибра, 800-килограммовые снаряды которой проламывали двухметровые стальные и бетонные перекрытия. Воронка от такого взрыва была 5 метров глубиной и 15 в диаметре. Под Осовец привезли четыре «Большие Берты» и 64 других мощных осадных орудия — всего 17 батарей. Самый жуткий обстрел был в начале осады. «Противник 25 февраля открыл огонь по крепости, довел его 27 и 28 февраля до ураганного и так продолжал громить крепость до 3 марта», — вспоминал С. Хмельков. По его подсчётам, за эту неделю ужасающего обстрела по крепости было выпущено 200–250 тысяч только тяжёлых снарядов. А всего за время осады — до 400 тысяч. «Страшен был вид крепости, вся крепость была окутана дымом, сквозь ко-

торый то в одном, то в другом месте вырывались огромные огненные языки от взрыва снарядов; столбы земли, воды и целые деревья летели вверх; земля дрожала, и казалось, что ничто не может выдержать такого ураганного огня. Впечатление было таково, что ни один человек не выйдет целым из этого урагана огня и железа».

Однако, крепость стояла. Защитников просили продержаться хотя бы 48 часов. Они выстояли 190 дней, подбив при этом две «Берты». Особенно важно было удержать Осовец во время великого наступления, чтобы не дать легионам Макензена захлопнуть русские войска в польском мешке.

Видя, что артиллерия не справляется со своими задачами, немцы стали готовить газовую атаку. Отметим, что отравляющие вещества были запрещены в своё время Гаагской конвенцией, которую немцы, однако, цинично презрели, как и многое другое, исходя из лозунга: «Германия превыше всего». Национальное и расовое превозношение подготовило почву для бесчеловечных технологий Первой и Второй мировых войн. Немецкие газовые атаки Первой мировой — предтечи газовых камер. Характерна личность «отца» немецкого химического оружия Фрица Габера. Он любил из безопасного места наблюдать за мучениями отравленных солдат противника.

Первая газовая атака на Русском фронте зимой 1915 года оказалась неудачной: слишком низкой была температура. В дальнейшем газы (прежде всего хлор) ста-

Гарнизон крепости Осовец.

Крепость Осовец.

Атака мертвецов. Художник Евгений Пономарев.

ли надёжными союзниками немцев, в том числе под Осовцом в августе 1915 года.

Газовую атаку немцы готовили тщательно, терпеливо выжидая нужного ветра. Развернули 30 газовых батарей, несколько тысяч баллонов. И 6 августа в 4 утра на русские позиции потёк темно-зеленый туман смеси хлора с бромом, достигший их за 5-10 минут. Газовая волна 12-15 метров в высоту и шириной 8 км проникла на глубину до 20 км. Противогазов у защитников крепости не было.

«Всё живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было отравлено насмерть, — вспоминал участник обороны. — Вся зелень в крепости и в ближайшем районе по пути движения газов была уничтожена, листья на деревьях пожелтели, свернулись и опали, трава почернела и легла на землю, лепестки цветов облетели. Все медные предметы на плацдарме крепости — части орудий и снарядов, умывальники, баки и прочее — покрылись толстым зелёным слоем окиси хлора; предметы продовольствия, хранящиеся без герметической укупорки — мясо, масло, сало, овощи, — оказались отравленными и непригодными для употребления».

«Полуотравленные брели назад, — это пишет уже другой автор, — и, томимые жаждой, нагибались к источникам воды, но тут на низких местах газы задерживались, и вторичное отравление вело к смерти».

Германская артиллерия вновь открыла массированный огонь, вслед за огнем валом и газовым облаком на штурм русских передовых позиций двинулись

14 батальонов ландвера — а это не менее 7 тысяч пехотинцев. Их цель была взятие стратегически важной Сосненской позиции. Им обещали, что они никого не встретят, кроме мертвецов.

Вспоминает участник обороны Осовца Алексей Лепешкин: «У нас не было противогазов, поэтому газы нанесли ужасные увечья и химические ожоги. При дыхании вырывался хрип и кровавая пена из лёгких. Кожа на руках и лицах пузырилась. Тряпки, которыми мы обмотали лица, не помогали. Однако русская артиллерия начала действовать, посылая из зелёного хлорного облака снаряд за снарядом в сторону пруссаков. Тут начальник 2-го отдела обороны Осовца Свечников, сотрясаясь от жуткого кашля, прохрипел: «Други мои, не помирать же нам, как пруссакам-тараканам, от отравы. Покажем им, чтобы помнили вовек!»

И поднялись те, кто пережил страшную газовую атаку, в том числе 13-я рота, потерявшая половину состава. Её возглавил подпоручик Владимир Карпович Котлинский. Навстречу немцам шли «живые мертвецы», с лицами, обмотанными тряпками. Кричать «Ура!» сил не было. Бойцы сотрясались от кашля, многие выхаркивали кровь и куски лёгких. Но шли.

Один из очевидцев сообщил газете «Русское слово»: «Я не могу описать озлобления и бешенства, с которым шли наши солдаты на отравителей-немцев. Сильный ружейный и пулемётный огонь, густо рвавшаяся шрапнель не могли остановить натиска рассвирепевших солдат. Измученные, отравленные, они бежали

Памятник Героям Первой мировой войны в Калининграде.

с единственной целью — раздавить немцев. Отсталых не было, торопить не приходилось никого. Здесь не было отдельных героев, роты шли как один человек, одушевлённые только одной целью, одной мыслью: погнать, но отомстить подлым отравителям».

В дневнике боевых действий 226-го Землянского полка говорится: «Приблизившись к противнику шагов на 400, подпоручик Котлинский во главе со своей ротой бросился в атаку. Штыковым ударом сбил немцев с занятой ими позиции, заставив их в беспорядке бежать... Не останавливаясь, 13-я рота продолжала преследовать бегущего противника, штыками выбила его из занятых им окопов 1-го и 2-го участков Сосненских позиций. Вновь заняли последнюю, вернув обратно захваченные противником наше противотанковое орудие и пулемёты. В конце этой лихой атаки подпоручик Котлинский был смертельно ранен и передал командование 13-й ротой подпоручику 2-й Осовецкой сапёрной роты Стрежеминскому, который завершил и окончил столь славно начатое подпоручиком Котлинским дело».

Котлинский умер к вечеру того же дня, Высочайшим приказом от 26 сентября 1916 года он был посмертно награждён орденом святого Георгия 4-й степени.

Сосненская позиция была возвращена, и положение было восстановлено. Успех был достигнут дорогой ценой: погибло 660 человек. Но крепость держалась.

К концу августа удержание Осовца потеряло всякий смысл: фронт откатился далеко на восток. Крепость была правильным образом эвакуирована: врагу не оставили не то что орудия — ни единого снаряда, патрона и даже консервной банки не досталось немцам. Орудия по ночам тянули по Гродненскому шоссе по 50 солдат. В ночь на 24 августа русские сапёры подорвали остатки оборонительных сооружений и ушли. И лишь 25 августа немцы рискнули войти в развалины.

К сожалению, часто русских солдат и офицеров Первой мировой упрекают в недостатке героизма и жертвенности, рассматривая Вторую Отечественную через призму 1917 года — крушения власти и армии, «измены, трусости и обмана». Мы видим, что это не так.

Оборона Осовца сравнима с героической защитой Брестской крепости и Севастополя во время Великой Отечественной войны. Потому что в начальный период Первой мировой войны русский солдат шёл в бой с ясным сознанием, за что он идёт, — «За Веру, Царя, и Отечество». Шёл с верой в Бога и крестом на груди, препоясанный кушаком с надписью «Живый в помощи Вышняго», полагая душу свою «за други своя».

Как это ни печально, но судьба крепости Осовец уже была решена: поступил приказ эвакуировать её. 23 августа здания и укрепления оставленной русскими войсками крепости взлетели на воздух, а через два дня немцы заняли ещё дымящиеся руины. Осовец был оставлен, но «атака мертвецов» 13-й роты не была бессмысленной: она стала нерукотворным памятником русскому солдату, который отдавал свою жизнь за свободу народов Европы, за то, чтобы они могли сами выбирать своё будущее.

Памятный венок от Союза казаков в Польше.

Медаль Осовец

В советское время Осовец не очень любили вспоминать, так как комендант крепости, генерал Бржозовский позже примкнул к Белому Движению и сражался с большевиками.

И вот, наконец, наступило время, когда память о героях Первой мировой войны, которая называлась Великой войной, вновь появляется в умах народа. Взят курс на восстановление и сохранение этой памяти.

В отличие от Великой Отечественной войны, Великая Война не имеет сакральной для нас даты — даты окончательной Победы, ибо Россия вышла, из-за внутреннего предательства, позорным и унижительным заключением мира. Вышла из Великой войны, за полшага до этой самой Победы. Но в этой войне была другая, не менее знаменательная Победа — Победа русского духа! Ибо русский дух явил себя фразой «Русские не сдаются!» в безнадежной, обречённой контратаке полуживых, отравленных газом русских солдат. Позже, эту контратаку назовут «Атака мертвецов».

Библиографические ссылки:

1. История первой мировой войны. 1914-1918 [Текст] : В 2 т. / Под ред. д-ра ист. наук И. И. Ростунова ; АН СССР. Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. - Москва : Наука, 1975.

2. Атака Мертвецов, или Русские не сдаются! Варя Стрижак. <http://varyastrizhak.ru/music-video/1577>.
3. Диакон Владимир Василик. Атака мертвецов. К 100-летию подвига защитников крепости Осовец. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/81193.htm>
4. Залесский Константин <http://foma.ru/atakamertvetsovpervaya-mirovaya-istoriya-uzhasa-i-podviga.html>
5. Македонов А. Творческий путь А. Твардовского. Дома и дороги. - М., 1981.

References

1. Istorija pervoj mirovoj vojny'. 1914-1918 [Tekst] : V 2 t. / Pod red. d-ra ist. nauk I. I. Rostunova ; AN SSSR. In-t voen. istorii M-va oborony' SSSR. - Moskva : Nauka, 1975.
2. Атака Мертвецов, или Русские не сдаются! Варя Стрижак. <http://varyastrizhak.ru/music-video/1577>.
3. Диакон Владимир Василик. Атака мертвецов. К 100-летию подвига защитников крепости Осовец. <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/81193.htm>
4. Zaleskij Konstantin <http://foma.ru/ataka-mertvetsov-pervaya-mirovaya-istoriya-uzhasa-i-podviga.html>
5. Makedonov A. Tvorcheskij put' A. Tvardovskogo. Doma i dorogi. - M., 1981.

Приоритеты региональной транспортной политики на примере Калининградской области

Priorities of regional transport policy on the example of the Kaliningrad region

Исследуются основные направления транспортной политики Калининградской области. Рассмотрены проблемы современного состояния транспортного комплекса Калининградской области. Проведён анализ неблагоприятных факторов использования и развития морских портов региона. Результатом исследования являются предложения по совершенствованию реализации региональной транспортной политики. Актуальность исследования обусловлена тем обстоятельством, что с точки зрения реализации национальных стратегических задач Калининградская область относится к числу важнейших регионов, обеспечивающих экспорт российских грузов в дружественные страны.

The main directions of the Kaliningrad Region's transport policy are investigated. The problems of the current state of the transport complex of the Kaliningrad region are considered. The analysis of unfavorable factors of use and development of seaports of the region is carried out. The result of the study is proposals for improving the implementation of regional transport policy. The relevance of the study is due to the fact that from the point of view of the implementation of national strategic objectives, the Kaliningrad region is one of the most important regions that ensure the export of Russian goods to friendly countries.

Ключевые слова и фразы: приоритеты транспортной политики, транспортно-логистические технологии, конкурентоспособность транспортной системы, «экславные издержки».

Keywords and phrases: priorities of transport policy, transport and logistics technologies, competitiveness of the transport system, «exclave costs».

Владимир СКРЫПНИК

Vladimir Skrypnik

*Балтийская государственная академия
рыбопромышленного флота, ФГБОУ ВО «Калининградский
государственный технический университет», Россия*

*Baltic State Fishing Fleet Academy, Kaliningrad State
Technical University, Russia*

Транспортная политика государства направлена на создание единой устойчивой транспортной системы, обеспечивающей надёжные предсказуемые транспортные связи между территориями страны и всего мира в соответствии со стандартами доступности, качества и безопасности перевозок, а также экологичности транспорта [1].

Основные направления транспортной политики включают: создание инфраструктуры единого транспортного пространства, обеспечивающего доступные и безопасные транспортные связи между территориями страны и всего мира; повышение конкурентоспособности, доступности и качества грузо- и пассажирских перевозок.

Роль транспорта в социально-экономическом развитии Калининградской области обусловлена рядом объёмных, стоимостных и качественных характеристик уровня транспортного обслуживания. От географической и технологической доступности транспортных услуг зависит территориальное развитие эконо-

мики и социальной сферы Калининградской области. Доступность транспортных услуг и их объём влияют на полноту реализации экономических связей внутри Калининградской области и за её пределами, а также дают возможность перемещения всех слоёв населения для удовлетворения производственных и социальных потребностей.

Развитие транспортной системы Калининградской области становится в настоящее время необходимым условием реализации инновационной модели экономического роста Калининградской области и улучшения качества жизни населения.

Одним из параметров выбора направлений развития транспортной системы Калининградской области является включение в единую систему отдельных видов транспорта с учётом следующих приоритетов:

1) обеспечение комфортных условий жизнедеятельности населения Калининградской области путём развития устойчиво функционирующей, экономически эффективной, привлекательной и доступной для всех слоёв населения системы пассажирского транспорта в сочетании с развитием морского и железнодорожного транспорта;

2) внедрение новых транспортных (перевозочных) и транспортно-логистических технологий, обеспечивающих повышение качества и доступности транспортных услуг;

3) повышение конкурентоспособности транспортной системы и реализация транзитного потенциала;

4) обеспечение комплексной безопасности и устой-

чивости функционирования транспортной системы, включая повышение транспортной безопасности, безопасности судоходства и безопасности дорожного движения;

5) обеспечение коренного улучшения информационного обслуживания пассажиров на основе новейших информационных технологий с применением электронных информационных табло, спутниковой навигации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», мобильной телефонной связи, масс-медийных средств распространения информации [2].

Поставленные цели достижимы при решении следующих задач:

1) увеличения пропускной способности автомобильных дорог общего пользования регионального, межмуниципального, местного значения в Калининградской области;

2) строительства новых автомобильных дорог общего пользования регионального, межмуниципального, местного значения;

3) повышения безопасности дорожного движения и сокращения дорожно-транспортных происшествий на автомобильных дорогах общего пользования регионального, межмуниципального, местного значения;

4) строительства обходов крупных населённых пунктов Калининградской области и реконструкции существующей сети автомобильных дорог общего пользования регионального, межмуниципального, местного значения;

5) создания условий для повышения экологической эффективности транспортной инфраструктуры Калининградской области.

Основные направления транспортной политики Калининградской области включают: повышение конкурентоспособности, доступности и качества грузо- и пассажирских перевозок; международную интеграцию и продвижение интересов России в сфере транспорта на целевых рынках по всему миру, повышение безопасности и экологичности регионального транспорта; обеспечение устойчивого инновационного развития транспортной системы Калининградской области [2].

Активная интеграция в систему международных транспортных коридоров создаст дополнительные возможности для развития транспортной системы Калининградской области и дальнейшего совершенствования её производственной, информационной и технологической инфраструктуры, обеспечит интеграцию Калининградской области в глобальную транспортную систему.

Однако, несмотря на благоприятные тенденции в работе отдельных видов транспорта, транспортная система не в полной мере отвечает существующим потребностям и перспективам развития Калининградской области.

Экономико-географическое положение Калининградской области имеет ряд особенностей, влияющих на развитие её транспортного комплекса: географическая изолированность от остальной территории страны;

близость к развитым странам Европы; действие режима Особой экономической зоны; наличие единственного, принадлежащего Российской Федерации на Балтийском море незамерзающего портового комплекса; прохождение по территории Калининградской области ответвлений международных транспортных коридоров. Калининградская область, будучи анклавом для Европейского союза, является эксклавом для Российской Федерации. В связи с этим возникает множество проблем, касающихся развития транспортного комплекса региона. В результате эксклавного положения экономика области несёт ряд издержек, получивших в научной литературе термин «эксклавные издержки».

Калининград - единственный порт, куда грузы идут через четыре таможни. А это дополнительные затраты и время, потерянное при пересечении границ, дополнительные транспортные расходы из-за более высокого транспортного тарифа при транзите грузов по территории сопредельных государств по сравнению с транспортировкой на аналогичное расстояние по территории России; на автомобильном транспорте — дополнительные затраты на водителей и обслуживание техники, приобретение более мощного автопарка и расходы, уплачиваемые на территории иностранных государств (страховка, экологический сбор и т.д.).

Дорожная сеть, существующая в Калининградской области, по своему состоянию не соответствует современным стандартам. Эксперты отмечают основные недостатки существующей автодорожной сети Калининградской области: несоответствие технических параметров многих участков автодорог фактической интенсивности транспортного потока; прохождение транспортных потоков по жилым зонам населённых пунктов; часть мостовых переходов, расположенных на автодорогах области, не предназначена для пропуска большегрузного транспорта общей массой более 20 тонн; недостаточная пропускная способность автомобильных пунктов пропуска через государственную границу.

Важнейшей особенностью региона является наличие незамерзающих морских портов, в связи с чем они могут принимать и обрабатывать различные суда в течение всего года. Кроме того, порты региона в сравнении с другими российскими портами располагаются ближе к странам Западной Европы.

К неблагоприятным обстоятельствам использования и развития морских портов региона относится необходимость дальнейшего транзита обрабатываемых грузов через территорию других государств (Литвы и Белоруссии) с вытекающими из этого особенностями таможенного и транспортного оформления на железнодорожном и автомобильном транспорте.

Указанные факторы снижают в определенной мере народно-хозяйственную ценность портов Калининградской области.

Помимо этого, существуют ещё и инфраструктурные проблемы, которые связаны с более низким техническим уровнем развития и оснащения портов Калининградской области по сравнению с портами

- конкурентами прибалтийских государств. Сюда же относится проблема низкой мощности портового комплекса Калининграда по перевалке грузов. В целях обеспечения дальнейшего развития портового комплекса Калининградской области необходимо ускорить принятие решения о строительстве глубоководного порта в г. Балтийске. Вместе с тем в регионе есть понимание того, что нужно сделать для повышения конкурентоспособности калининградских портов. В первую очередь необходимы правительственные решения по упрощению процедур оформления судов и грузов.

В течение последних 26 лет, с момента принятия первого Закона об Особой экономической зоне в Калининградской области, те преимущества, которые формировались для сокращения отставания в социально-экономическом развитии региона и улучшения качества жизни калининградцев, постоянно корректируются. В связи с этим Особая экономическая зона региона утратила свои конкурентные преимущества, а большинство льгот упразднены в 2008-м и 2016 году. Особо это сказалось на состоянии сферы транспорта.

Калининградская область больше других регионов Российской Федерации зависит от внешней геополитической обстановки. Соответственно и внимание федерального центра этому стратегическому региону необходимо приоритетное. Удалённость области от остальной территории России, окружённой границами недружественных стран, ставит автоперевозчиков региона в неравные условия по сравнению с предпринимателями остальной части страны.

В 2022 году автомобильные грузоперевозчики Калининградской области оказались на грани банкротства. Стоимость разрешения для проезда через иностранные государства с 1 июля 2022 года возросла с 400 до 2000 рублей. Сложившаяся ситуация характеризует состояние отрасли международных перевозок грузов автомобильным транспортом как критическое, что создаёт риски для всей экономики региона. На грани закрытия крупное градообразующее предприятие «Автотор». Из-за транспортной блокады автомобильных и железнодорожных перевозок грузопоток санкционных экспортно-импортных товаров упал почти до нуля.

Калининградскому региону нужен в нынешних непростых условиях Федеральный закон «О Свободной экономической зоне в Калининградской области», который даст новый импульс развития. В первую очередь должны быть возвращены таможенные льготы для калининградских предприятий и предпринимателей, введён региональный коэффициент, который даст возможность получать надбавки к заработной плате и пенсиям. В пакет предложений необходимо включить дополнительные меры поддержки для действующих резидентов ОЭЗ, отменить все таможенные платежи для региона, выравнять условия производства товаров на территории Калининградской области по сравнению с основной территорией России. Области должен быть предоставлен статус региона реально опережающего развития.

Среди предложений, которые могут снизить остроту кризисного положения транспортных перевозок, можно выделить следующие:

1. Предоставить возможность для грузовых транспортных средств, растаможенных на область, осуществлять перевозки в течение 6 месяцев без заезда в Калининградскую область и осуществлять перевозки внутри Таможенного союза. Рассмотреть возможность эксплуатации грузовых транспортных средств, растаможенных на область, без уплаты таможенных пошлин и утилизационного сбора.

2. Обратиться в Правительство Российской Федерации с предложением о снижении ставки транспортного налога до нуля для грузовых транспортных средств, имеющих допуск к международным перевозкам, на срок действия ограничений транзита через Литву.

3. Субсидировать расходы автотранспортных предприятий, связанные с простоем транспорта в связи с ограничением транзита через Литву. К таким расходам следует отнести: фонд заработной платы работников, расходы на оплату стоянки, проценты по лизингу и кредитам на приобретения транспортных средств.

Таким образом, необходимо повысить конкурентоспособность калининградских транспортных предприятий, обеспечить государственную поддержку их интересов при осуществлении перевозок российских грузов, особенно экспортных.

Особое внимание необходимо уделить морскому транспорту: государственная поддержка должна включать субсидирование и льготное кредитование строительства и эксплуатации тоннажа. А также его льготное налогообложение, разрешение государственного участия в частном капитале судоходных компаний.

И ещё одна проблема, связанная с транспортной политикой, которая требует незамедлительного решения. Калининградская область — регион стратегического значения, и газ является наиболее важной составляющей в покрытии региональных потребностей в энергии. В Калининградскую область газ идёт по транзитному трубопроводу «Минск-Вильнюс-Каунас-Калининград». Риск остановки транзита через Литву нельзя исключить на фоне роста геополитической напряжённости.

Российское правительство на протяжении многих лет строило инфраструктуру для полной энергетической независимости региона на случай, если Литва перекроет транзит газа в регион. В случае непредвиденных обстоятельств газовозы при необходимости могут полностью покрыть потребности региона. Регазификационное судно «Газпрома» «Маршал Василевский» впервые с апреля 2019 года встало на рейд Калининграда. Новый терминал позволяет полностью обеспечить спрос Калининградской области на газ за счёт поставок морским путём. Этот газ, конечно, дороже, чем трубный, но для обеспечения энергетической безопасности самого западного региона России он необходим. С другой стороны, доставка газа по трубопроводу является экономически более целесообразной.

Вопрос о газопроводном соединении Калининград-

ской области с Россией стал обсуждаться ещё в 2006 году, тогда впервые встал вопрос о разработке и реализации проекта соединения газопровода «Северный поток» с Калининградской областью (около 200 км). Теперь это проект может оказаться актуальным, поскольку приостановление в феврале 2022 года сертификации «Северного потока-2» и последовавшие за этим события заставляют задуматься о его судьбе. Расстояние от «Северного потока-2» до побережья Балтийского моря не превышает 200 километров, и укладка на дно относительно небольшого количества стальных труб (до 80-100 тыс. тонн) — технически несложная задача, решаемая в короткие сроки.

В данной связи можно, конечно, обойтись и сжиженным природным газом, доставляемым морскими кораблями, хотя логичнее усилить надёжность обеспечения Калининградской области совершенно иным способом — проложив отвод от «Северного потока-2» на территорию региона.

Соединение «Северного потока-2» с газотранспортной системой Калининградской области обеспечит стабильное снабжение региона голубым топливом и исключит его зависимость как от газопровода «Минск — Вильнюс — Каунас — Калининград».

Таким образом, несмотря на текущие международные вызовы, транспорт является одной из основных отраслей, играющих важную роль в развитии и экономике Калининградской области. Создание в регионе современной транспортной инфраструктуры, соответствующей мировым нормам и стандартам и способной расширить международные, государственные и региональные возможности, представляется возможным при реализации надлежащих подходов к осуществлению региональной транспортной политики и, главное, государственной поддержке федерального центра.

Для Калининградской области как эксклавного региона России, находящегося в центре Европы, необходимо чтобы технико-эксплуатационные характеристики транспортных магистралей, качество их содержания и сервиса, предлагаемого пользователям автодорог, соответствовали международному уровню. Это будет способствовать активизации процессов приграничного сотрудничества, обеспечит устойчивое экономическое развитие региону [4].

Существенная доля объёмов грузов, перемещаемых через границы Калининградской области в объёме перевозок, осуществляемых Россией в целом, является ещё одним аргументом в пользу развития Калининграда как многофункционального транспортного узла и перспективности прохождения международных транспортных коридоров по территории региона. Экономическая интеграция предполагает расширение и углубление производственно-технологических связей с дружественными странами, создание друг другу благоприятных условий осуществления экономической деятельности и снятие взаимных барьеров.

Решение этих вопросов будет способствовать росту грузопотоков, а следовательно, доходов предприятий,

работающих на рынке транспортных услуг.

При таких условиях Калининградский регион может стать крупным транзитным центром и обслуживать потребности в перевозках не только России, но и стран СНГ и дальнего зарубежья.

В этом аспекте исследование показало, что решение этих и многих других вопросов региональной транспортной политики, на наш взгляд, позволит развиваться транспортному комплексу Калининградской области более высокими темпами, а это, в свою очередь, обеспечит развитие всей экономики региона.

Библиографические ссылки

1. Транспортная стратегия РФ на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р.
2. Постановление правительства Калининградской области от 17 февраля 2014 года № 65 «О Государственной программе Калининградской области «Развитие транспортной системы». URL: <http://docs.cntd.ru/document/460288903>.
3. Распоряжение Правительства РФ от 13 июня 2017 г. № 1227-р «Об утверждении плана обеспечения транспортной доступности Калининградской области, направленного на развитие паромного сообщения». URL: <http://www.garant.ru>.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. М., 2017. С. 1028, 1034.
5. Гамзаев Б. А. Особенности деятельности транспортных предприятий Калининградской области в условиях анклава / Б. А. Гамзаев. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 11 (249). — С. 181-182. — URL: <https://moluch.ru/archive/249/57239/>
6. Скрыпник В.П. Разработка альтернативных транспортно-логистических схем доставки грузов и вывоза производимой продукции в условиях полуклавного региона. Евразийский союз ученых. 2018. № 8-4 (53). С.59-63.

References

1. Transport strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast for the period up to 2035. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated November 27, 2021 No. 3363-R.
2. Resolution of the Government of the Kaliningrad Region dated February 17, 2014 No. 65 «On the State Program of the Kaliningrad Region «Development of the transport system». URL: <http://docs.cntd.ru/document/460288903>
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1227-r dated June 13, 2017 «On approval of the plan for ensuring transport accessibility of the Kaliningrad Region aimed at the development of ferry services». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71598452/>
4. Region aimed at the development of ferry services". URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71598452/>
4. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017. M., 2017. pp. 1028, 1034.
5. Gamzaev B. A. Features of the activity of transport enterprises of the Kaliningrad region in the conditions of the enclave / B. A. Gamzaev. — Text : direct // Young scientist. — 2019. — № 11 (249). — Pp. 181-182. — URL: <https://moluch.ru/archive/249/57239/>
6. Skrypnik V.P. Development of alternative transport and logistics schemes for cargo delivery and export of manufactured products in a semi-enclave region. Eurasian Union of Scientists. 2018. No.8-4 (53). pp.59-63.

Информационные и энтропийные оценки в задачах планирования НИОКР

Information and entropy estimates in R&D planning tasks

Работа посвящена теоретическим и прикладным вопросам использования информационных и энтропийных оценок в задачах планирования НИОКР. Обсуждаются методологические вопросы и математические методы.

The work is devoted to theoretical and applied issues of using information and entropy estimates in R&D planning tasks. Methodological issues and mathematical methods are discussed.

Ключевые слова и фразы: планирование НИОКР, информационные оценки, энтропийные оценки, формула Байеса.

Keywords and phrases: R&D planning, information estimates, entropy estimates, Bayes formula.

Анатолий ЮФЕРОВ

Anatoliy Yufarov

Калужский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА, Россия

Kaluga branch Moscow University of Finance and Law MFUA, Russia

В работе рассмотрены некоторые возможности системного подхода к обоснованию, организации и проведению НИОКР на основе понятия количества информации. Целью работы является попытка *установления величин и построения модели* для описания ряда аспектов процесса НИОКР, которые на быденном языке выражаются в констатации того, что

- НИОКР начинаются на определённом информационном базисе;
- результатом НИОКР является увеличение «количества информации»;
- цель НИОКР есть достижение качественного скачка в накоплении информации, приводящего к возможности материального воплощения задуманной разработки.

Существует определённое несоответствие между понятием информации, употребляемым в задачах планирования в смысле статической совокупности сведений и знаний (фактов и алгоритмов), которые надо накопить или пополнить в процессе НИОКР, и понятием информации, формализованным в теории связи как количественная мера воспроизведения переданного образа в принятом [1-4]. Однако это различие обусловлено только тем, что в первом случае принимается во внимание главным образом статический аспект «информационных явлений», во втором преимущественно динамический. Применяв введенные в динамической теории информации понятия и величины для описания процесса «передачи» информации от этапа к этапу НИОКР от формулировки цели до стадии внедрения, можно надеяться на достижение положительного эффекта, уже полученного при *иссле-*

довании операций в областях, где удалось преодолеть методологические трудности использования понятия количества информации.

Применительно к проектированию (с одной стороны, процессу творческому и существенно не формализуемому [5-10], а с другой жёстко регламентированному нормативными, технологическими, временными и экономическими ограничениями [10-14]) количественные информационные показатели могут быть полезны при оценке завершенности проекта или этапа разработки для характеристики:

- степени проработанности подсистем и изделия в целом,
- ошибок проектирования,
- соответствия формирующегося облика проекта требованиям ТЗ,
- согласованности и полноты результатов, получаемых на различных этапах проектирования,
- обоснованности возможных модификаций проекта.

Применительно к НИОКР как процессу установления новых закономерностей или теорий [15-18] информационные и энтропийные оценки представляют интерес, в частности, в следующих аспектах:

- в качестве альтернативы традиционно используемому при обработке экспериментов дисперсионным оценкам, применение которых в случае нелинейных многомерных моделей затруднено [19];
- как средство выявления и анализа критериев подобия в теории размерностей, опирающееся на специфическую комбинаторную природу степенных комплексов, представляющих критерии подобия [20];
- как средство структурного анализа теории в терминах иерархии используемых теорией понятий, суждений и умозаключений.

Таким образом, речь идёт о попытке сопроводить (параметризовать) традиционные документальные описания хода и результатов НИОКР, предусмотренные, например, в требованиях ЕСКД, *метрическими характеристиками в терминах количества информации* с целью более объективного (или обозримого)

сопоставления научно-технических идей (проектов, патентов, вариантов решения), прогнозирования работ, выявления проблемных вопросов и точек научно-технического роста.

Энтропия как оценка реализуемости проекта

Когда разработчик приступает к созданию нового проекта, неопределённость облика проектируемого изделия максимальна. Наличие неопределённости обусловлено двумя сопряженными факторами:

1) потенциальной приемлемостью ряда проектных вариантов, удовлетворяющих требованиям технического задания, но различающихся структурно или параметрически;

2) отсутствием в момент начала разработки полного набора известных значений для *проектных переменных*, фиксация которых и порождает конкретный проектный вариант.

Независимо от характера предметной области, в сфере которой выполняется проектирование, можно полагать, что на каждом этапе разработки проекта имеется конечное число K проектных вариантов (альтернатив) A_k , априорно равновероятных, так что для любого варианта исходная вероятность реализации $P(A_k) = 1/K$ и энтропийная оценка неопределённости в реализуемости проекта на заданном множестве альтернатив $\{A_k\}$ максимальна:

$$H^0 \{A_k\} = \text{Ln}(K) \quad (0)$$

Далее для краткости будем употреблять термин *реализуемость* как синоним термина *вероятность реализации*. Реализуемость проекта является характеристикой относительной, имеющей смысл только на конкретном наборе альтернатив, но опосредованно она отражает все факторы, определяющие возможность материального воплощения проекта. Практическая пригодность этого понятия обусловлена также тем, что многие современные методики экспертного анализа проектов могут быть сформулированы в терминах оценки реализуемости проекта.

Вероятностная трактовка экспертных оценок обеспечивается путём соответствующей нормировки. Так, если в результате экспертного анализа k -я альтернатива получает оценку (балл) c_k , то вероятность реализации $P(A_k)$ полагается равной $c_k / \sum_m c_m$, что в случае одинаковых оценок приводит к рассмотренному выше случаю равновероятных проектных альтернатив. *Энтропия используется при этом как удобный функционал для сопоставления распределений оценок, достигающий экстремального значения при равенстве оценок.*

Проведение дальнейших НИОКР уточнит реализуемость или предпочтительность каждого варианта, то есть изменит априорное равномерное распределение вероятностей $P(A_k)$. Это приведет к меньшему, по сравнению со случаем (0), значению энтропийной характеристики неопределённости, усредненной по

набору проектных вариантов:

$$H^1 \{A_k\} = \sum P^i(A_k) * [-\text{Ln} P^i(A_k)], \quad (1)$$

что трактуется как получение количества информации

$$I = \Delta H = \text{ln} K - H^1.$$

Величина

$$H(A_k) = - \text{Ln} P(A_k), \quad (2)$$

имеет смысл индивидуальной *неопределённости реализации альтернативы* A_k . В терминах экспертного анализа эту неопределённость можно задать просто как отношение числа поданных за альтернативу голосов к общему количеству голосов экспертов. Переход к логарифму необходим только для построения функционала (1), унимодального на множестве возможных распределений вероятностей $P(A_k)$.

В традиционной трактовке величина (2) интерпретируется как неопределённость события A_k , которая снимается в результате эксперимента и, таким образом, может приниматься как оценка количества информации, получаемой в эксперименте. Однако применительно к НИОКР здесь имеется специфика, состоящая в том, что исследования, касающиеся некоторой альтернативы A_k , могут привести как к увеличению, так и к уменьшению вероятности реализации данной альтернативы и, следовательно, к аналогичному изменению неопределённости. В отличие от ситуаций, обычно рассматриваемых теорией информации, здесь опыт не приводит однозначно к уменьшению неопределённости. Поэтому для обеспечения положительности значения количества информации, полученной на I -м этапе НИОКР по альтернативе A_k , следует использовать абсолютное значение изменения неопределённости за этап:

$$I = | -\text{Ln} P^{i-1}(A_k) + \text{Ln} P^i(A_k) |. \quad (3)$$

С другой стороны, сохранение знака (положительности или отрицательности) количества информации может быть полезно для индикации характера изменения (увеличение или уменьшение) величины неопределённости.

Практические выводы при использовании таких информационных оценок проектных вариантов и альтернатив могут касаться, в частности, следующих вопросов:

- принятие или отклонение проектного варианта с данной оценкой реализуемости;
- определение количества информации, необходимой для понижения неопределённости проекта до приемлемого значения;
- оценка стоимости получения необходимого коли-

чества информации;

- определение достоверности полученных оценок.

Оценки проектных ситуаций

Чтобы обеспечить развитие формального аппарата предлагаемой модели на основе содержательных интерпретаций, опишем предварительно три типичные *проектные ситуации*, конкретизирующие обрисованную выше схему в следующих отношениях:

- отражение в оценках реализуемости как взаимобусловленности этапов, так и их специфических взаимно независимых особенностей;

- оценка совместимости возможных подсистем в рамках одного изделия;

- учёт иерархичности этапов разработки.

1) **Взаимосвязь проектных этапов.** Пусть разрабатывается ряд вариантов B_m некоторого изделия и на текущем этапе проектирования решается вопрос о включении в изделие подсистем A_k . В рамках развиваемой модели можно предполагать, что уже известна реализуемость вариантов $P(B_m)$, которая отражает итог предшествующих исследований и поэтому не имеет отношения к проблеме создания подсистем A_k в проектах B_m . Предметом текущего этапа должно быть, таким образом, определение следующих величин:

$P(A_k)$ - реализуемость подсистемы A_k без учёта особенностей изделий, применяющих данную подсистему;

$P(B_m|A_k)$ - реализуемость варианта B_m при условии использования конкретной подсистемы A_k ;

$P(A_k|B_m)$ - предпочтительность подсистемы A_k в рамках конкретного проекта, т.е. при условии учёта специфики варианта B_m .

2) **Задача оценки совместимости подсистем** в изделии формулируется аналогичным образом. В этом случае A_k обозначает некоторый комплекс подсистем и, таким образом, их совместимость в данном комплексе может быть охарактеризована введёнными выше величинами реализуемости.

3) **Учет иерархичности этапов разработки.** Третья проектная ситуация возникает при рассмотрении процесса проектирования «в целом» как последовательности этапов или уровней проектирования и может быть описана как многократное повторение двух предыдущих ситуаций.

Иерархию этапов НИОКР удобно представить древовидным графом, отображающим структуру проектируемого изделия. Каждый уровень дерева соответствует очередной детализации проекта (этапу НИОКР), а ветви - возможным альтернативам реализации данного уровня. Установив распределение вероятностей реализации альтернатив на i -м уровне, мы, с одной стороны, можем принять решение о наиболее предпочтительных альтернативах на данном уровне, а с другой - отнести энтропию полученного распределения к характеристикам соответствующей альтернативы $i-1$ -го (предыдущего) уровня и трактовать её как неопределённость реализации данной альтернативы.

Байесовский выбор проектных альтернатив и информационные оценки

Чтобы связать оценки реализуемости, относящиеся к двум последовательным уровням, и учесть факторы, присущие только уровню $(i-1)$, то есть не обусловленные непосредственно проектными альтернативами i -го уровня, применим к описываемой ситуации байесовскую процедуру принятия решения [21-23], основанную на известной формуле для совместной вероятности двух событий A и B :

$$P(B,A) = P(B|A) * P(A) = P(A|B) * P(B) \quad (4)$$

Пусть B и A обозначают проектные альтернативы (подсистемы) на двух последовательных уровнях детализации проекта. Тогда вероятности в формуле (4) можно интерпретировать в терминах введенных выше оценок реализуемости или предпочтительности. В частности, величину $P(A|B)$ далее будем трактовать как *оценку предпочтительности* альтернативы A для реализации в условиях проектного варианта B .

Формула (4) есть вероятностный (количественный) аналог простого логического тождества

$$B = (B \cap A) \cup (B \cap \bar{A}),$$

что и обеспечивает её универсальность и возможность разнообразных прикладных интерпретаций. В данном случае это тождество означает, что «проект B реализуется на основе альтернативы A или на основе любой из прочих возможных альтернатив, образующих множество \bar{A} - «не A »».

Из (4) получаем основное соотношение байесовской процедуры выбора:

$$P(A|B) = P(B|A) * P(A) / P(B). \quad (5)$$

В отличие от традиционных интерпретаций формулы Байеса, фигурирующие здесь вероятности в общем случае нельзя разделить на априорные или апостериорные. Они характеризуют текущее состояние проекта, отражая *логическую взаимосвязь множества сформированных к текущему моменту проектных вариантов и множества альтернативных путей дальнейшего уточнения проекта*. По результатам очередного этапа проектирования эти вероятности могут измениться в той или иной степени на всех уровнях детализации проекта, а искомой величиной может оказаться любой из сомножителей в (5). Таким образом, в общем случае в формуле (5) должна присутствовать зависимость от времени t

$$P(A|B,t) = P(B|A,t) * P(A,t) / P(B,t) \quad (5^*)$$

Оценка предпочтительности приобретает практическую необходимость, когда с каждым проектным вариантом B_m текущего уровня связано *несколько* альтернатив A_k , принадлежащих следующему уровню.

В таком случае для полной вероятности реализации проектного варианта B_m на множестве альтернатив A_k получаем выражение

$$P(B_m) = \sum_k P(B_m, A_k) = \sum_k P(B_m | A_k) * P(A_k), \quad (6)$$

которое можно рассматривать как систему линейных алгебраических уравнений с матрицей $P(B_m | A_k)$, связывающую проектные варианты уровней (этапов) B и A через вероятности их реализации.

Теперь предпочтительность альтернативы A_k для реализации варианта B_m будет выражаться формулой

$$P(A_k | B_m) = [P(B_m | A_k) * P(A_k)] / \sum_k P(B_m | A_k) * P(A_k) \quad (7)$$

Знаменатель $P(B)$ используется здесь только для нормировки вероятностей, так что можно ввести интуитивно понятное определение: *предпочтительность альтернативы есть произведение вероятности реализации проектного варианта при условии использования данной альтернативы, на вероятность реализации альтернативы.*

В результате очередного этапа НИОКР на множестве проектных альтернатив A_k находятся или уточняются вероятности $P(B_m | A_k)$ и $P(A_k)$, и по формуле (7) пересчитывается оценка предпочтительности альтернативы $P(A_k | B_m)$. Для дальнейшей проработки выбирается альтернатива с наибольшей предпочтительностью, причем *вероятность ошибки выбора* даётся величиной

$$1 - P(A_k | B_m).$$

Формула Байеса в данном случае использована для характеристики движения «от общего к частному» от ранее установленной по результатам предшествующей проработки реализуемости проектного варианта к оценке предпочтительности возможных путей дальнейшей детализации этого варианта. Возможно использование формулы (5) и в обратном отношении для оценки реализуемости проекта при использовании той или иной подсистемы.

Применимость описанной методики в конкретных случаях обусловлена возможностью явно указать все (в том или ином смысле) проектные варианты, их вероятности реализации и, самое главное, изменение этих вероятностей в процессе НИОКР. Эта проблема аналогична ситуации с методиками теории надёжности, использование которых требует предварительного накопления статистики и оценивания распределений параметров проектируемого изделия.

Основные соотношения проектных неопределённостей

Под логарифмом в (2) могут фигурировать любые вероятности - индивидуальные, совместные, услов-

ные. Логарифмируя соотношения (5,7) и выполняя подстановки согласно (2), получим *основное соотношение проектных неопределённостей*:

$$H(B_m) - H(B_m | A_k) = H(A_k) - H(A_k | B_m), \quad (8)$$

- *уменьшение неопределённости реализации проекта B_m при конкретизации некоторой проектной альтернативы (компоненты) A_k равно уменьшению неопределённости реализации (компоненты) A_k в условиях данного проекта.*

Обозначим $I(A_k, B_m)$ каждую часть равенства (8) и перепишем его в виде

$$H(A_k | B_m) = H(A_k) - I(A_k, B_m) \quad (9)$$

или

$$H(B_m | A_k) = H(B_m) - I(A_k, B_m) \quad (10)$$

Согласно этим соотношениям и обычной интерпретации количества информации как уменьшения неопределённости следует трактовать величину $I(A_k, B_m)$ как *количество информации, приобретаемое на одном шаге байесовской процедуры принятия решений.*

В терминах рассматриваемых проектных задач величина $I(A_k, B_m)$ может быть определена как уменьшение индивидуальной неопределённости реализации проекта B_m при конкретизации проектной альтернативы A_k .

В вероятностных обозначениях эта величина представима в форме:

$$\begin{aligned} I(A_k, B_m) &= \text{Ln}[P(B_m | A_k) / P(B_m)] = \\ &= \text{Ln}[P(B_m, A_k) / (P(B_m) * P(A_k))] \end{aligned} \quad (11)$$

Применяя формулу (4), получим ещё одно соотношение неопределённостей

$$H(A_k, B_m) = H(A_k) + H(B_m | A_k) \quad (12)$$

- *неопределённость реализации проекта с системами A_k, B_m равна сумме индивидуальной неопределённости реализации подсистемы A_k и неопределённости реализации подсистемы B_m при условии использования системы A_k .*

Выполнив в (12) подстановку согласно (10), найдем, что

$$I(A_k, B_m) = H(A_k) + H(B_m) - H(A_k, B_m) \quad (13)$$

Эта формула показывает, что величина $I(A_k, B_m)$ характеризует количество информации, получаемое на этапе рассмотрения пригодности альтернативы A_k для дальнейшей проработки проектного варианта B_m : *достигнутая к текущему этапу неопределённость реализуемости проекта $H(B_m)$ увеличивается на неопределённость реализации подсистемы $H(A_k)$, но умень-*

шается на неопределённость совместной реализации $H(A_k, B_m)$.

В конкретных ситуациях в качестве искомой может выступать любая из рассмотренных величин $H(B_m|A_k)$, $I(A_k, B_m)$, $H(A_k)$, $H(B_m)$, $H(A_k, B_m)$.

Представление формулы Байеса в терминах энтропии преобразует её в аддитивную форму, что целесообразно по следующими соображениями:

- непосредственно отражается вклад каждого источника неопределённостей в текущее состояние проекта;

- упрощается анализ распределений неопределённостей, рассматриваемых как статистические оценки;

- в частности, при достаточно большом числе этапов НИОКР распределение суммы энтропийных оценок будет близко к нормальному закону, согласно центральной предельной теореме,

- аддитивное изменение функционалов соответствует процессам достижения экстремумов в последовательных процедурах принятия решений;

- в частности, при добавлении условий условная энтропия не увеличивается, согласно известной теореме [3], так что при последовательной конкретизации альтернатив в процессе НИОКР в терминах условной энтропии можно описать процесс минимизации неопределённости;

- полученные соотношения сохраняют форму при усреднении по ансамблю альтернатив.

Энтропийные критерии предпочтительности

Формулы (8 - 13) предназначены для сопоставления альтернатив, связанных с одним проектным вариантом. При этом возможны различные критерии предпочтительности альтернатив в зависимости от прагматического представления о существенности тех или иных источников неопределённости для оценки реализуемости проекта:

- выбирается альтернатива с минимальной индивидуальной неопределённостью реализуемости $H(A_k)$;

- выбирается альтернатива с минимальной неопределённостью (с максимальной предпочтительностью) реализуемости в условиях рассматриваемого проектного варианта $H(A_k|B_m)$;

- выбирается альтернатива с минимальной неопределённостью реализуемости проектного варианта - выбирается альтернатива, обеспечивающая максимум информации, т.е. максимальное уменьшение первоначальной неопределённости проекта, характеризуемой величиной $H(A_k) + H(B_m)$.

Соотношение (2) вводит шкалу неопределённости (энтропии) с интервалом от нуля до бесконечности на основе шкалы вероятности с интервалом от нуля до единицы. Ясно, что событие с вероятностью нуль следует считать столь же «определённым», сколь и событие с вероятностью единица, т.е. эти события должны находиться в одной (нулевой) точке на шкале неопределённости. Поэтому шкала энтропий работает без патологии «ухода в бесконечность» только при

рассмотрении полного ансамбля альтернатив, т.е. для средних оценок типа (1) на ансамбле альтернатив.

В частности, усреднение соотношения (12) дает:

$$\begin{aligned} H(B_m, A) &= \sum_k P(B_m, A_k) * H(B_m, A_k) = \\ &= \sum_k P(B_m, A_k) * H(A_k) + \sum_k P(B_m, A_k) * H(B_m|A_k) \\ &= H_m(A) + H(B_m|A), \end{aligned} \quad (14)$$

- неопределённость реализации проекта с учётом достигнутого этапа B_m и планируемой проработки множества альтернатив A равна сумме средней неопределённости реализуемости альтернатив множества A и условной неопределённости реализуемости проектного варианта B_m , использующего альтернативы множества A , т.е., соответственно, величин

$$H_m(A) = \sum_k P(B_m, A_k) * H(A_k)$$

$$\text{и } H(B_m|A) = \sum_k P(B_m, A_k) * H(B_m|A_k).$$

В силу линейности операции усреднения здесь остаются справедливыми аналоги соотношений (8-13) для усредненных оценок, так что

$$H_m(A) - H(A|B_m) = H(B_m) - H(B_m|A), \quad (15)$$

$$I(A, B_m) = H_m(A) + H(B_m) - H(A, B_m). \quad (16)$$

Формулы (14 - 16) предназначены для сопоставления проектных вариантов B_m с точки зрения неопределённости их дальнейшего развития и для оценки информации, полученной на очередном этапе НИОКР. Они учитывают «в целом» множество альтернатив дальнейшей детализации проектных вариантов, то есть *позволяют сопоставить предпочтительность имеющихся проектных вариантов на текущей стадии разработки без детализации подсистем.*

Некоторые выводы

С прагматической точки зрения информационная (энтропийная) мера представляет собой удобный скалярный функционал, позволяющий характеризовать трансформацию тех или иных структур, например, сопоставлять априорные и апостериорные вероятностные распределения. Одноэкстремальность этого функционала дает возможность охарактеризовать степень трансформации и описать различные оптимизационные процедуры трансформации в терминах уменьшения неопределённости или получения информации.

В данной работе на основе понятий информации и энтропии реализован вариант формализации и «установления величин» для ряда достаточно типичных процедур и приемов, которые явно или неявно всегда присутствуют в деятельности проектировщика:

описано применение байесовской процедуры принятия решений для отражения взаимосвязи проектных этапов в терминах реализуемости и предпочтительности проектных вариантов и альтернатив;

введены информационные оценки для характеристики взаимосвязи проектных этапов на основе формулы Байеса.

Предложенная формализация отражает реальную ситуацию в практике проектирования и экспертного анализа проектов, когда реализованные варианты и возможные альтернативы их дальнейшей детализации рассматриваются независимо и получают некоторые оценки реализуемости, а затем эти оценки корректируются при рассмотрении альтернатив в условиях конкретного варианта. Байесовская схема решения представляется здесь наиболее соответствующей сути задачи, а ее информационная трактовка обеспечивает полезные усовершенствования и возможность содержательных интерпретаций получаемых соотношений.

Библиографические ссылки

1. Темников Ф.Е., Афонин В.А., Дмитриев В.И. Теоретические основы информационной техники. М.: Энергия, 1979. - 512 с.
2. Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. М.: ЛЕНАНД, 2022. - 512 с.
3. Галлагер Р. Теория информации и надежная связь. М.: Сов. радио, 1974. - 720 с.
4. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М. Высш. шк., 1989. - 367 с.
5. Александров Е.А. Основы теории эвристических решений. М.: Сов. радио, 1975. - 256 с.
6. Глазунов В.Н. Параметрический метод разрешения противоречий в технике. М.: Речной транспорт, 1990. - 150 с.
7. Глазунов В.Н. Поиск принципов действия технических систем. М.: Речной транспорт, 1990. - 112 с.
8. Мюллер И. Эвристические методы в инженерных разработках. М.: Радио и связь, 1984. - 144 с.
9. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: Сов. радио, 1979. - 184 с.
10. Хилл П. Наука и искусство проектирования. М.: Мир, 1973. - 264 с.
11. Таленс Я.Ф. Работа конструктора. Л.: Машиностроение, 1987. - 255 с.
12. Амиров Ю.Д. Основы конструирования. М.: Издательство стандартов. - 1991. - 392 с.
13. Метрологическое обеспечение, взаимозаменяемость, стандартизация. М.: Машиностроение, 1992. - 384 с.
14. Моисеева Н.К. Функционально-стоимостной анализ в машиностроении. М.: Машиностроение, 1987. - 255 с.
15. Добров Г.М., Коренной А.А. Наука: информация и управление. М.: Сов. радио, 1977. - 256 с.
17. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. Ново-сибирск, Наука, 1982. - 256 с.
18. Растринин Л.А., Марков В.А. Кибернетические модели познания. Рига: «Зинатне», 1976. - 181 с.
19. Новицкий П. В., Зограф И. А. Оценка погрешностей результатов измерений. Л.: Энергоатомиздат, 1991. - 304 с.
20. Бологов П.М., Бологов Е.П., Юферов А.Г. Размерностная и количественная информация в исследованиях и разработках. Препринт ФЭИ-2544. - Обнинск, 1996. - 15 с.
21. Закс Ш. Теория статистических выводов. М.: Мир, 1975. - 776 с.
22. Статистические методы в экспериментальной физике. М.: Атомиздат, 1976. - 335 с.
23. Моррис У.Т. Наука об управлении. Байесовский подход. М.: Мир, 1976.

References

1. Temnikov F.E., Afonin V.A., Dmitriev V.I. Teoreticheskie osnovy' informacii-onnoj tehniki. M.: E`nergiya, 1979. - 512 s.
2. Yaglom A.M., Yaglom I.M. Veroyatnost' i informaciya. M.: LENAND, 2022. - 512 s.
3. Gallager R. Teoriya informacii i nadezhnaya svyaz'. M.: Sov. radio, 1974. - 720 s.
4. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. Vvedenie v sistemny'j analiz. M. Vyssh. shk., 1989. - 367 s.
5. Aleksandrov E.A. Osnovy' teorii e`vristicheskix reshenij. M.: Sov.radio, 1975. - 256 s.
6. Glazunov V.N. Parametricheskij metod razresheniya protivorechij v texnike. M.: Rechnoj transport, 1990. - 150 s.
7. Glazunov V.N. Poisk principov dejstviya texnicheskix sistem. M.: Rechnoj trans-port, 1990. - 112 s.
8. Myuller I. E`vristicheskie metody' v inzhenerny'x razrabotkax. M.: Radio i svyaz', 1984. - 144 s.
9. Al'tshuller G.S. Tvorchestvo kak tochnaya nauka. M.: Sov. radio, 1979. - 184 s.
10. Xill P. Nauka i iskusstvo proektirovaniya. M.: Mir, 1973. - 264 s.
11. Talens Ya.F. Rabota konstruktora. L.: Mashinostroenie, 1987. - 255 s.
12. Amirov Yu.D. Osnovy' konstruirovaniya. M.: Izdatel'stvo standartov. - 1991. - 392 s.
13. Metrologicheskoe obespechenie, vzaimozamenyaemost', standartizaciya. M.: Mashinostroenie, 1992. - 384 s.
14. Moiseeva N.K. Funkcional'no-stoimostnoj analiz v mashinostroenii. M.: Ma-shinostroenie, 1987. - 255 s.
15. Dobrov G.M.: Korennoj A.A. Nauka: informaciya i upravlenie. M.: Sov. radio, 1977. - 256 s.
17. Markov Yu.G. Funkcional'ny'j podxod v sovremennom nauchnom poznanii. Novo-sibirsk, Nauka, 1982. - 256 s.
18. Rastrigin L.A., Markov V.A. Kiberneticheskie modeli poznaniya. Riga: «Zi-natne», 1976. - 181 s.
19. Noviczkiy P. V., Zograf I. A. Ocenka pogreshnostej rezul'tatov izmerenij. L.: E`nergoatomizdat, 1991. - 304 s.
20. Bologov P.M., Bologov E.P., Yuferov A.G. Razmernostnaya i kolichestvennaya in-formaciya v issledovaniyax i razrabotkax. Preprint FE'I-2544. - Obninsk, 1996. - 15 s.
21. Zaks Sh. Teoriya statisticheskix vy`vodov. M.: Mir, 1975. - 776 s.
22. Statisticheskie metody' v e`ksperimental'noj fizike. M.: Atomizdat, 1976. - 335 s.
23. Morris U.T. Nauka ob upravlenii. Bajesovskij podxod. M.: Mir, 1976.

Традиции воспитания студентов в годы «Оттепели» на примере деятельности академического хора Петрозаводского государственного университета

Traditions of educating students during the «Thaw» an example of the activities of the Academic Choir of Petrozavodsk State University

В статье речь пойдёт о деятельности Академического хора Петрозаводского государственного университета в 60-е годы XX-го века. Авторы покажут роль руководителя хора Г.Е. Терацуйнца в привитии духовных ценностей мировой и русской культуры. На примере репертуара будет подчёркнута нравственная составляющая и уникальность студенческого коллектива, которому в 2022 году исполнилось 60 лет. На основе эмпирического материала и личных воспоминаний авторов будет сделана попытка обобщить положительный опыт воспитания студентов в советское время любви к Родине.

The article will focus on the activities of the Academic Choir of Petrozavodsk State University in the 60s of the XX century. The authors will show the role of the choir director G.E. Teratsuyants in instilling spiritual values of world and Russian culture. Using the example of the repertoire, the moral component and uniqueness of the student collective, which turned 60 in 2022, will be emphasized. Based on empirical material and personal memoirs of the authors, an attempt will be made to summarize the positive experience of educating students in Soviet times.

Ключевые слова и фразы: воспитание, духовность, русская культура, финно-угорская культура, Академический хор Петрозаводского государственного университета, Георгий Ервандович Терацуйнц.

Keywords and phrases: education, spirituality, Russian culture, Finno-Ugric culture, Academic Choir of Petrozavodsk State University, Georgy Yervandovich Teratsuyants.

Анна ПЕКИНА, Светлана ГУМИНА

Anna Pekina, Svetlana Gumina

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия*

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Republic of
Karelia, Russia*

В литературе, в средствах массовой информации в период перестройки в 80-е годы XX-го века, а, особенно, после распада СССР, неоднозначно писали о советских традициях, критиковали термины «советский человек», «советская культура», умаляя значение воспитания студенчества через постижение русской классической и народной музыки. Не ностальгируя по прошлому, необходимо к нему обращаться не только для констатации достижений, которые были, но и для использования положительного опыта в век коммерциализации искусства, утрате высоких нравственных ориентиров, бездуховности и потребительской культуры среди молодёжи.

Что такое воспитание в культурологическом контексте? В одном из глоссариев дано следующее определение. Воспитание – процесс становления и совершенствования субъективно-личностного и духовного мира человека. Воспитание реализуется посредством творческого овладения всей доступной ему культуры в конкретно-историческом контексте. Воспитание всег-

да представляет собой культивирование в индивиде человеческих качеств, ориентирует личность на безусловные ценности добра, истины и красоты [4, с.7].

Воспитать из студента не только грамотного специалиста, но и привить эстетический вкус, тягу к прекрасному, постижению вечных ценностей, приобщению к творчеству, гордости за отечественную историю и русскую культуру – такая задача стоит перед университетским сообществом.

В 1962 году при Петрозаводском государственном университете имени Отто Вильгельмовича Куусинена (далее ПетрГУ) впервые появился новый студенческий творческий коллектив, который до настоящего времени является визитной карточкой, брендом, как университета, так и Республики Карелии (далее РК). Это – Академический хор. Как известно, любой творческий коллектив начинается с его создателя.

Основателем Академического хора ПетрГУ был выпускник 1953 года философского факультета Ленинградского государственного университета Георгий Ервандович Терацуйнц (1929–2007). Достаточно набрать это имя в поисковике, и можно найти достаточно подробную информацию о его жизненном пути, его заслугах и наградах (Рис.1).

В 1958 году, в дополнении к уже высшему классическому образованию, он закончил дирижёрско-хоровое отделение Ленинградского музыкального училища при Ленинградской консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова [8, с.136].

Рис. 1. Г.Е.Терауцянец.
Автор фото неизвестен.

Рис. 2. Академический хор ПГУ, зал Государственной академической капеллы им.М.И.Глинки, г.Ленинград, 1960-е годы. Автор фото неизвестен.

До приезда в столицу Карельской Автономной Советской Социалистической Республики (далее КАССР) Г.Е. Терауцянец был одним из учеников советского хормейстера и педагога Григория Моисеевича Сандлера (1912–1994), который в 1949 г. создаёт студенческий хор Ленинградского государственного университета. Впоследствии, в 1994 г., Г. Сандлер даст такую оценку хору под руководством Г.Е. Терауцянца «Этот хор можно отнести к разряду лучших хоров страны» [5, с.21].

За концертные программы 1967–1969 гг. Академическому хору студентов ПетрГУ была присуждена Премия Комсомола Карелии в области литературы и искусства. Отмечалась заслуга художественного руководителя - заслуженного деятеля искусств КАССР Г. Терауцянца, концертмейстера Ларисы Георгиевны Бердино (1937–2013) хормейстера Ольги Ивановны Аммалайнен (1948–1999).

Как же удалось за достаточно короткий период, начиная с первого концерта 31 декабря 1962 г., достичь такого общественного признания, добившись постоянного концертирования хора в составе 80 – 100 человек? Обратимся к репертуару тех лет, который основательно продумывался, чтобы хористы постигали и акапельное пение, и серьёзную классическую музыку.

Карельский журналист Валерий Верхоглядов в очерке «И вновь рождается песня» привёл важные размышления Г. Терауцянца: «Вроде бы, чего проще, включить в концерт две-три современные популярные песенки. Их можно так исполнить – зал ахнет. Но классика потому и называется классикой, что в неё отбирается всё самое лучшее из созданного человечеством. Мы видим

своё назначение не столько в развлечении слушателей, сколько в их воспитании – в привитии студентам высокого музыкального вкуса [2, с.118].

В репертуаре хора наряду с русской классикой, произведениями зарубежных композиторов, современной музыкой, русскими народными песнями есть произведения карельских композиторов и песен, отражающих этнокультурное разнообразие края озёр и лесов и финно-угорскую тематику. Это такие песни: «И вырос я в лесном краю» на музыку и слова Н.Мишукова, карельская народная песня «Где ты, милый?», финская хороводная песня в обработке Г. Синисало «Красная лента», карельская народная песня в обработке Г. Синисало «Уткайне», карельская народная песня в обработке С. Карпа «Куллерво-каллерво», финская народная песня в обработке Г. Синисало «Старая повозка», карельская народная песня «Прилетел орёл с востока» в обработке Н. Мишукова.

Песни исполнялись на финском, карельском и русском языках. Карело-финский эпос «Калевала» также нашёл своё песенное прочтение и звучание [9, с.173–174].

Это было непросто, ведь в хор приходили и «лирики», и «физики», с разной музыкальной подготовкой, а то и просто талантливые молодые люди, но без знания нотной грамоты. Репетиции были и в аудиториях университета, и на дому у Маэстро, у Тера, как называли строгого в дисциплине, отзывчивого по натуре, педагога, ревнителя своего дела, ленинградца-интеллигента Георгия Терауцянца. Когда хор заканчивал концерты «Маршем энтузиастов И. Дунаевского, зал вставал и подпевал, как и авторы статьи, которые ра-

Рис. 3. Встреча выпускников 1960-х годов Академического хора в музее истории Петрозаводского государственного университета 18 октября 2022 г., слева направо сидят: Дворянова Т.П., Бараусова Г.А., Гостева И.И., Белковская А.А., Куликова Л.Г. слева направо стоят: Кобка А.И., Ануфриева М.Д., Осипов И.А., Малинов С.И. Фото Медиацентра ПетрГУ

ботали на кафедре культурологии с Г. Терацуянцем. С. Гумина была ответственной певицей альтовой партии, старостой в 1997-2000 гг. и первым директором хора в 2000-2004 гг.

Исходя из репертуара, представленного в Программе концерта в Ленинградской Государственной академической капелле им. М.И. Глинки от 8 апреля 1969 года, который отбирался руководителем особенно тщательно, первое отделение наполнено обработками народных песен карельских и финских, в переложениях карельских композиторов (рис.2).

Начинался этот концерт с исполнения произведения карельского композитора-любителя Н.М. Мишукова (1932) «И вырос я в лесном краю». Надо отметить, что хор с первого года своего существования был и остается площадкой для популяризации и пропаганды хороших произведений и народных песен, рожденных на земле Карелии. Хочется перечислить выдающихся русских и советских композиторов, чьи произведения были исполнены во втором отделении концерта: П.И. Чайковского и его ученика С.И. Танеева, М.И. Глинки и Н.А. Римского-Корсакова, Г.В. Свиридова и В.С. Калинникова, Д.Д. Шостаковича.

В этом историческом концерте прозвучало одно произведение из зарубежной классики – хор «О, Фортуна» из сценической кантаты «Кармина Бурана» Карла Орфа. Его исполнение говорит о музыкальных возможностях хора, о вкусе дирижера и его стремлении дать студентам прикоснуться к музыкальным мировым шедеврам. На тот момент в репертуаре хора уже были хоры из «Реквиема» Моцарта, хор из оперы «Набукко» Верди, финал из «Фантазии С-Дуг для фортепиано, хора и оркестра» Бетховена, произведения Генделя, Шумана, Кодая, Сенс-Санса, Лотти [7].

Г.Е. Терацуянц, выступая на отчетно-выборной конференции Хорового общества КАССР в 1963 году сказал: «Я работаю с хорами около 12 лет, то ли я не на правильных путях стою, то ли недопонимаю чего, но у меня ни разу в жизни не было такого положения, чтобы я страдал из-за отсутствия репертуара. Наоборот, страдал от того, что не мог охватить всё, уж слишком

много хороших произведений, которые бы хотелось исполнять.

Так, что, я не согласен с товарищами, что нечего исполнять» [6].

18 октября 2022 года с выпускниками хора 1960-х, состоялась встреча в музее истории ПетрГУ (Рис. 3). Раньше это была большая учебная аудитория № 220, в которой и проходили репетиции хора вплоть до 70-х годов. Бывшие участники хора, в дальнейшем, высококвалифицированные специалисты: 4 доктора, два математика-программиста, один биолог-ихтиолог, один инженер-электронщик, одна скрипачка, – пришли вспомнить свои студенческие годы, уточнить, заполнить пробелы тех славных 60-х [3, с.7].

Участниками этой памятной встречи стали:

Белковская Анна Александровна (1945) родом из Владимирской области, выпускница медицинского факультета ПГУ, гинеколог, акушер, пости 40 лет врач высшей категории Республиканской больницы им. В.А. Баранова, пенсионер.

Ануфриева Мария Дмитриевна (1942), родом из Коми АССР, выпускница физико-математического факультета ПетрГУ, была старостой хора, учитель математики, директор школы, сейчас гид-экскурсовод;

Осипов Игорь Александрович (1947), родом из Ленинградской обл., выпускник физико-математического факультета ПГУ, был старостой хора, математик-программист, Почётный работник ЖКХ Республики Карелия, пенсионер;

Кобка Анатолий Иванович (1944), родом из Ворошиловграда (Луганска) УССР, выпускник физико-математического факультета ПГУ 1969 года. Работал сначала на комсомольской затем на партийной работе. Начальник Управления научных исследований ПетрГУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ;

Малинов Станислав Иванович (1938) Лоухский район КАССР, выпускник биологического факультета ПГУ, биолог, ихтиолог, рыбовод, гидролог, пенсионер;

Дворянова Татьяна Павловна (1946), г. Севастополь, выпускница музыкального училища им. К.Э. Раутио, артистка симфонического оркестра Карельской государственной филармонии, пенсионер.

Гостева Ирина Ивановна (1946) г. Петрозаводск, выпускница медицинского факультета ПГУ, врач-акушер Родильного дома №1 им. К.А. Гуткина, пенсионер;

Куликова Людмила Георгиевна (1945), г. Петрозаводск, выпускница медицинского факультета ПГУ, врач акушер-гинеколог, 26 лет в качестве заведующего отделением Республиканского перинатального центра, пенсионер;

Бараусова Галина Андреевна (1942), г. Беломорск (КАССР), спортивный врач, пенсионер;

Из них в настоящее время продолжают творческую деятельность два человека. Осипов И.А не только поёт в мужском ансамбле «Роспев», но и даёт сольные

концерты. Малинов С.А. — участник одного из хоров Петрозаводска.

Конечно, все ветераны помнят основной репертуар хора в 60-е годы.

Обратим внимание на ответы участников на вопрос: в чём, на их взгляд, был воспитательный момент участия в хоре?

В своих анкетах открытого типа они написали:

«хор воспитал понимание чувства прекрасного в поэзии, музыке и живописи, помог найти хороших друзей» - Куликова Л.Г.;

«любовь к музыке, пению, научил дружбе» - Гостева И.И.;

«дисциплина, чувство коллективизма» - Дворянова Т.П.;

«чувство дружбы и единства» - Малинов С.И.;

«участие в хоре способствовало воспитанию коллективизма и ответственности» - Кобка А.И.;

«очень многогранное воздействие: понимание уровня культуры, умение руководить коллективом, приобрела много верных надёжных друзей» - Ануфриева М.Д. [10].

Член Союза писателей России Леонид Вячеславович Вертель (1940) в 1962г. учился на 2 курсе лесоинженерного факультета ПГУ. В своих воспоминаниях о тех годах он написал: «Помню, что впервые в жизни (а опыт пения в других хорах у меня всё же был) я прикоснулся к настоящей музыке, хотя предложенную нам простенькую народную песню «Грушица» в обработке для академического хора, по мнению самого Георгия Ервандовича, мы даже на единицу не спели. Сегодня за окном третье тысячелетие. Пришли новые времена с новыми ценностями, кумирами и даже моралью. Но настоящая музыка вечна. Толстой в «Крейцеровой сонате» задавался вопросами: «Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает?». Мне кажется, это одна из точек опоры, помогающая нам оставаться людьми, как бы трудно нам не было, какие бы испытания ни готовила судьба» [5, с.51, 53-54].

Инженер Нина Петровна Братанова (1943), студентка физико-математического факультета ПГУ в 1962-1964 гг.: «Современным молодым людям трудно представить 60-е годы. Тогда для нас, особенно в районах, были только кино и радио. Телевизоров в общежитии, конечно, не было. В Музыкальном театре Петрозаводска ставились только оперетты и балеты. Поэтому услышать полностью оперу для меня, например, было целым событием. Удивительны были рассказы Тера о музыке, либретто, исполнителях, истории создания произведения» [5, с.42].

Нина Леонидовна Зайцева, выпускница биологического отделения сельскохозяйственного факультета 1966 г, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института леса КарНЦ РАН: «Мы счастливые люди! Наша жизнь осветилась гениальной личностью, умным, образованнейшим музыкантом, талантливым хормейстером, тонким и деликатным человеком. Мы с гордостью говорим: «Мы - хористы Терацунца, мы пели у Георгия Ервандовича, мы воспитаны им. Он нас любил, а мы его обожали. Спасибо, дорогой Учитель!» [5, с.45].

Геннадий Викторович Заровняев (1946-2021), кандидат физико-математических наук, доцент ПетрГУ, Заслуженный работник образования Республики Карелия, поступил в ПГУ в 1964 году на физико-математический факультет и сразу стал активным хористом. Он писал: «Влияние на нас Терацунца было очень сильным: культура, образованность, музыкальная одаренность, искрометный юмор, уважение к хористу, сочетающееся с требовательностью, и ещё что-то неуловимо притягательное. В хоре мы научились уважительно относиться к делу, и к себе как исполнителям этого дела, ощущать себя достойной частью целого, понимать важность дисциплины, любить ближнего» [5, с. 50].

Таким образом, вне зависимости от специальности и профессии, хористы шестидесятых впитали в себя всю палитру классической музыки, научились ответственности и преданности своему делу, были и остаются

Рис. 4. Академический хор ПетрГУ с выпусками всех лет, зал Карельской Государственной филармонии, г. Петрозаводск, 15.06.2022г, Фото Медиацентра ПетрГУ

са патриотами своей малой родины Карелии, воспитывают любовь к финно-угорской и русской культуре. И примером для них всех был философ и просветитель, художественный руководитель Академического хора ПетрГУ Г.Е. Терацяунц, воспитавший за 45 лет своей творческой деятельности не одно поколение самодеятельных артистов, прививший тягу ко всему прекрасному через хоровое искусство.

В 2022 году прошли торжественные мероприятия, посвящённые 60-летию основания хора. На сайте ПетрГУ было отмечено: Академический хор ПетрГУ – старейший любительский коллектив Карелии, победитель и участник многих российских и международных фестивалей и конкурсов (рис.4).

Он продолжает привлекать внимание молодёжи к самому доступному виду творчества с глубокими историческими корнями – хоровому пению, которое развивается в современном мире и продолжает влиять на личность человека [1].

Отдельную статью можно посвятить ученику и воспитаннику Георгия Терацяунца – Николаю Евгеньевичу Маташину, который не только сохранил хор после кончины Маэстро, но и преумножил традиции высокой хоровой культуры. В 2000 году выпускник Петрозаводской государственной консерватории имени А.К. Глазунова был принят хормейстером в хор ПетрГУ при кафедре культурологии, а с 2007 г. он – руководитель и дирижер, признанный лучшим хормейстером России 2014 года. В репертуаре хора на сегодняшний день тридцать восемь произведений духовной музыки. География концертов обширная – от поездок по всей Карелии и России, так и зарубежные поездки. И на такой музыке воспитывалось и воспитывается не одно поколение студентов ПетрГУ [8, с.141].

В век массовой, часто низкосортной поп-культуры, захлестнувшей Россию в последние десятилетия, важно не утратить, а приумножить накопленный позитивный опыт, который есть у Академического хора Петрозаводского государственного университета, и применять его в воспитании будущих специалистов, выпускников ВУЗов.

Библиографические ссылки

1. Академическому хору ПетрГУ - 60! :: Петрозаводский государственный университет (petsu.ru). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petsu.ru/page/aggr/akademicheskomu-horu-petrgu--60> (дата обращения: 04.12.2022).
2. Грани творчества. Очерки о лауреатах премии комсомола Карелии - Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1976. – 166с. с ил. – С.118.
3. Гумина С. Встреча с «шестидесятниками //Петрозаводский университет, № 33(2675). 28 окт. 2022. –С.7. :: Петрозаводский государственный университет (petsu.ru) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://petsu.ru/files/newspaper/newspaper/KnuUlo9EMKClkPchu6nCt9dSaauZiKcG.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).
4. Культурология. Краткий словарь. Под редакцией И.Ф. Кефели. Изд-ие второе, дополненное и переработанное. – Санкт-Петербург: Изд-во Петрополис, 1995. - 45с. – С.7.

5. Марш энтузиастов: Академическому хору ПетрГУ посвящается – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. – 280с.; ил. – С.21, 42, 45, 51, 53, 54.
6. НА РК. Ф.Р-3219. Оп.1. Д.1/28. Л.34. Материалы второй отчетно-выборной конференции Карельского хорового общества от 24 марта 1963 года.
7. НА РК. Ф.Р-3219. Оп.1. Д.3/89. Л.54. Сведения о хоровых коллективах и его руководителях по республике и г.Петрозаводску на 1970-1971г.
8. Пекина А.М. Духовная музыка в репертуаре Академического хора Петрозаводского государственного университета//Десятилетие Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края: материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (23 марта 2022 г., г. Курск). – Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2022. – 307 с. – С.136, 141.
9. Пекина А.М. Сохранение финно-угорской культуры и традиций творческими коллективами Петрозаводского государственного университета//Северный регион в условиях социальных и экономических трансформаций Российского общества (Республика Коми. История и современность): сб. статей. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСИУ, 2022. – 223 с. - С.173-174.
10. Личный архив С.Н. Гуминой (С.Н. Смирновой).

References

1. Akademicheskomu xoru PetrGU - 60! :: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet (petsu.ru). [e'lektronnyj resurs]. – URL: <https://petsu.ru/page/aggr/akademicheskomu-horu-petrgu--60> (data obrashheniya 04.12.2022).
2. Grani tvorchestva. Oчерki o laureataх premii komsomola Karelii - Petrozavodsk: Izd-vo «Kareliya», 1976. – 166s. s il. – S.118.
3. Gumina S. Vstrecha s «shestidesyatnikami //Petrozavodskij universitet, № 33(2675). 28 okt. 2022. –С.7. :: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet (petsu.ru) . [e'lektronnyj resurs]. –URL: <https://petsu.ru/files/newspaper/newspaper/KnuUlo9EMKClkPchu6nCt9dSaauZiKcG.pdf> (data obrashheniya 06.12.2022).
4. Kul'turologiya. Kratkij slovar'. Pod redakciej I.F.Kefeli. Izd-ие второе, dopolnennoe i pererabotannoe. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Petropolis, 1995. – 45s. – С.7.
5. Marsh e'ntuziastov: Akademicheskomu xoru PetrGU posvyashhaetsya – Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2009. – 280s.; il. – S.21, 42, 45, 51, 53, 54.
6. NA RK. F.R-3219. Op.1. D.1/28. L.34. Materialy` vtoroj otchetno-vy`bornoj konferencii Karel'skogo xorovogo obshhestva ot 24 marta 1963 goda.
7. NA RK. F.R-3219. Op.1. D.3/89. L.54. Svedeniya o xorovy`x kolektivax i ego rukovoditelyax po respublike i g.Petrozavodsku na 1970-1971g.
8. Pekina A.M. Duxovnaya muzy`ka v repertuare Akademicheskogo хора Petrozavodskogosudarstvennogo universiteta//Devyatnadczaty'e Damianovskie chteniya: Russkaya pravoslavnyaya cerkov` i obshhestvo v istorii Rossii i Kurskogo kraja: materialy` Vseros. (nacional'noj) nach.-prakt. conf. (23 marta 2022 g., g. Kursk). – Kursk: Izd-vo Kursk. gos. s.-x. ak., 2022. – 307 s. – S.136, 141.
9. Pekina A.M. Soxranenie finno-ugorskoj kul'tury` i tradicii tvorcheskimi kolektivami Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta//Severnij region v usloviyax social'ny`x i e'konomichekix transformacij Rossijskogo obshhestva (Respublika Komi. Istoriya i sovremennost'): sb. statej. – Sy'kty'vkar: GOU VO KRAGSiU, 2022. – 223 s. - S.173-174.
10. Lichnyj arxiv S.N.Guminoj (S.N. Smirnojovj).

Актуальность изучения языковой игры: современные исследования

The relevance of studying the language game: modern research

В статье раскрывается взаимосвязь элемента игры с научными дисциплинами и с культурой в целом, даются определения понятий игра и языковая игра, определяются актуальные теоретические предпосылки исследования феномена языковой игры, рассматриваются основные направления в исследовании этого феномена. Кроме того, статья затрагивает проблему поведения языковой личности в зависимости от ситуации в конкретной сфере жизни и, как следствие, возникновения игрового элемента в процессе речепорождения, что показано на примере некоторых неологизмов. В результате проведенного анализа выделены основные функции языковой игры в контексте каждого из рассмотренных направлений, а также утверждается необходимость комплексного подхода к анализу явления языковой игры.

The article reveals the relationship of the game element with scientific disciplines and with culture in general, defines the concepts of game and language game, defines the current theoretical prerequisites for the study of the phenomenon of language game, considers the main directions in the study of this phenomenon. In addition, the article touches on the problem of the behavior of a linguistic personality depending on the situation in a particular sphere of life and, as a consequence, the occurrence of a game element in the process of speech generation, which is shown by the example of some neologisms. As a result of the analysis, the main functions of the language game in the context of each of the considered directions are highlighted, and the need for an integrated approach to the analysis of the phenomenon of language game is also argued.

Ключевые слова и фразы: неологизм, языковая игра, синергетика, функциональный подход, лингвокреативность, теория языка, игра, дискурс, социолингвистика, лингвистика, культура, культурология.

Keywords and phrases: neologism, language game, synergetics, functional approach, linguocreativity, language theory, game, discourse, sociolinguistics, linguistics, culture, cultural studies.

Анастасия КРАСАКОВА
Anastasia Krasakova

*Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта (БФУ им. И. Канта), Россия*

Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Russia

1. Введение

1.1. Определение основных понятий. Игра — это многогранное понятие, имеющее ряд важнейших функций в сфере социума и являющееся как средством постижения окружающего мира, так и формой человеческой деятельности, причём её ценность не в результате, а в самом процессе и выбранных средствах для её реализации. Благодаря работе основателя культурологии Й. Хейзинги «Homo Ludens» (1938), игра стала одним из ключевых понятий культуры в целом: исследователь определил, что «игра существует до всякой культуры» [16; с.8] и вправе считаться первопричиной последней, поскольку культура существует как игра и возникла вместе с человеческим обществом, переняв многие формы деятельности у животных, в том числе и игру. Таким образом, игра рассматривается Й. Хейзингой как исходный пункт научных исследований и суждений.

Основоположителем понятия языковой игры, которая является разновидностью игры в широком смысле, считается Л. Витгенштейн. В его исследовательской работе «Философские исследования» 1945 года

данный термин используется с целью описания характеристик системности языка и подразумевает, как выразился автор, «единое целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен» [2; с. 83].

Термин языковая игра выбран Л. Витгенштейном с целью акцентировать внимание на том, что процесс речевой деятельности всегда несёт под собой определённые намерения (функции). Примерами таких намерений, как пояснил исследователь, служат:

- «приказывать и исполнять приказы;
- описывать внешний вид предмета или его
- размеры;
- изготавливать предмет в соответствии с описанием (рисунком);
- докладывать о ходе событий;
- строить предположения о ходе событий;
- выдвигать и доказывать гипотезу;
- представлять результаты опыта в виде таблиц и диаграмм;
- сочинять рассказ и читать его;
- притворяться;
- петь хороводные песни;
- отгадывать загадки;
- шутить, рассказывать анекдоты;
- решать арифметические задачи;
- переводить с одного языка на другой;
- просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молиться» [2; с. 88– 89].

Л. Витгенштейн также добавлял, что существует бесконечное множество способов использования язы-

ка в речевой деятельности человека, а вместе с ними и видов языковой игры. Эта мысль была позднее оспорена американским исследователем логики Дж. Серлем, который возразил в своей статье «Классификация иллокутивных актов» следующее: «Иллюзия неограниченности употреблений языка порождена большой неясностью в отношении того, что составляет критерии разграничения для различных языковых игр или для различных употреблений языка» [13; с. 194]. Дж. Серль таким образом хотел сказать, что если ставить иллокутивную цель в качестве ядра формирования единой системы классификации всех существующих речевых актов и упомянутых выше методов использования человеком языка, то тем самым можно свести их функциональность к пяти строгим видам: «Мы сообщаем другим, каково положение вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берём на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; наконец, мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир» [13; с. 172].

Нами приведены далеко не все существующие трактовки, но даже на их примере становится заметно то, что подобные противоречия в формулировании понятия языковой игры показывают необходимость подробнее изучить и уточнить его, выявить и классифицировать все его виды проявления, конкретизировать их по функциональным особенностям речевой деятельности, что мы и постараемся сделать в рамках данной статьи.

2. Теоретические предпосылки исследования языковой игры

Проблематика исследования феномена языковой игры обусловлена необходимостью наблюдения за языковой личностью в процессе её развития в определённых условиях, а также стремлением к выявлению связей между развитием у личности необходимых языковых компетенций и способностью к языковой игре в целом.

В современном научном сообществе растёт тенденция к изучению механизмов возникновения и восприятия реципиентом языковой игры в контексте когнитивной лингвистики, затрагивая аспекты проблемы перевода этого явления, а также формирования и передачи этнокультурных коннотаций в контексте межкультурной коммуникации.

Причиной такого пристального внимания к явлению языковой игры среди исследователей разных стран является неугасающий интерес к человеческому языку. Он используется в том числе и для описания самого себя, т.е. выступает как в роли объекта внимания, так и средства своего изучения на метаязыковом уровне, что давно замечено лингвистикой. Следуя гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа, язык «влияет на мировосприятие и воззрения его носителей, а также на их когнитивные процессы» [1; с. 18] и в то же время подвержен влиянию окружающей

действительности. Среди современных тенденций, которые каким-либо образом воздействуют на язык, можно выделить:

- СМИ
- политика и идеология (политкорректность)
- безостановочное развитие Интернет–коммуникации
- заимствования
- стремление к упрощению языка у массовой культуры.

Сложно сказать, полезны ли эти тенденции для развития языка, но в любом случае их нельзя игнорировать, это важный процесс, требующий огромной доли внимания исследователей. И именно посредством вышперечисленных вмешательств в процессе речепорождения и речепонимания выявляются новые виды языковой игры, изучение аспектов которых определено тем фактом, что игры присутствует в речи человека на всех языковых уровнях: морфологическом, графическом, лексическом, синтаксическом, фонологическом. Игра при этом больше не является исключительно стилистическим приемом, как считалось в науке ранее, она стала одной из форм вербализации действительности.

Учитывая ведущую роль достичь «надязыкового, эстетического, художественного эффекта» [12; с. 92], как выразился Б.А. Плотников, в процессе использования языка выделяются следующие жанровые формы: «остроты, каламбуры, парадоксы, присловья, прибаутки, словесные дуэли, розыгрыши, детские дразнилки, разложение и обновление фразеологизмов, искажение орфографии, произношения, метафорические номинации, сравнения, шутки, насмешки, подтрунивание, загадки, модные словечки и фразы, аллюзии, пародии, ирония, сатира, рифмовки, повторы–отзвуки, анаграммы, акростиhi, кроссворды, мнемоника, лимерики, литературный нонсенс, настенные надписи (граффити), шутливые призывы, лозунги, заголовки, подписи под рисунками, карикатурами и т.п.» [11; с. 166]. Такое разнообразие жанров требует не только выявления и описания каких-либо отдельных форм или приёмов игры, что предлагается большинством исследователей в сугубо лингвистической сфере, но также и применения расширенного подхода к изучению данного вопроса, который касался бы природы поведения человека в речи и полностью раскрывал бы суть языковой игры. Поэтому логично рассматривать изучаемый объект в более объёмном ракурсе, причём задействуя и иные научные области гуманитарного исследования, такие как антропология, психология, социология и социолингвистика, что представлено в сборнике статей Университета штата Пенсильвания на примере работы Б. Киршенблатт–Гимблетт [18].

В пользу эффективности выбранного способа говорят факторы, выявленные совместными трудами современных учёных: социальная характеристика человека напрямую прослеживается сквозь призму его речевого поведения, поскольку оно является куль-

турным механизмом, который помогает обеспечить коммуникацию и взаимопонимание между людьми посредством «включения в языковое взаимодействие сознания и интеллекта, ценностно—нормативных регуляций, установок, интенций, воли, эмоций субъектов» [6; с. 503]. Языковое поведение отображает духовное состояние говорящего вместе с его мыслями, целями, эмоциональным состоянием, мировоззрением, жизненными установками и прочими составляющими, поскольку оно напрямую зависит от роли этого человека в социуме. Исходя из указанного параметра можно сделать вывод о том, что изучение языкового поведения говорящего (как психологической составляющей) подразумевает вместе с тем и изучение языковых средств, которые говорящий подбирает по ситуации, не исключая при этом использование в речи и некоторых форм языковой игры, которая присутствует практически на всех языковых пластах: в молодёжном сленге, в политических и публицистических текстах, в рекламных лозунгах, в жаргонах, в педагогических материалах и т.д. Как заявлял профессор В.Г. Гак, «язык должен быть организован так, чтобы на нём можно было все сказать, выразить даже то, для чего нет специального обозначения в языке» [3; с. 29]. В случае же, если обозначение данного предмета/явления в языке отсутствует, то человек играет нормами языка, либо создавая этим новые слова или фразы, либо придавая новые смыслы уже имеющимся.

Примером такого явления служат неологизмы, которые несут в себе оценку недовольства окружающей их действительностью, иронию или даже сарказм по поводу происходящих событий. В одном из интервью известный тележурналист 1990—х годов Олег Попцов сказал следующее: «нельзя искоренить, нельзя вырвать зубы свободы, которые уже посеяны в обществе» [17; с. 9]. Экспрессивно—оценочное словосочетание зубы свободы в данном случае несёт в себе смешение негативных и положительных коннотаций, это своего рода оксюморон, когда зубы ассоциируются с проявлением агрессии, с угрозой, с крепким захватом и последующим укусом, а свобода — со способностью действовать по личным интересам, с состоянием покоя и душевной лёгкости. Такие несочетаемые понятия, оказавшиеся рядом в авторском высказывании, обладают еще и памятью предшествующих контекстов, как назвал это явление Ю.М. Лотман. Будучи литературоведом и культурологом, Юрий Михайлович считал текст «не только генератором новых смыслов, но и конденсатом культурной памяти», когда «текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах» [10; с. 21]. Таким образом, в приведённом выше словосочетании прослеживаются ещё и коннотации контекстов, существовавших ранее (у слова зубы это, например, злость и вражда): «Зубы свободы — это про наших либералов и хозяев теперешней жизни. Раньше говорили о зубах дракона, т.е. о зубах злобы, вражды, разрушения. Не таковы ли зубы свободы по Попцову?» [17; с.9]. Интересен и тот факт,

что в названии статьи А.Боброва «Страшный свет», откуда взята указанная цитата, использован точно такой же приём. Подобные ёмкие фразы всегда несут в себе эмоциональную составляющую и ссылаются на предшествующие контексты. Если сравнивать такой акт коммуникации с игрой в её традиционном чистом виде, то перечисленные неологизмы создаются с помощью правил, когда обе стороны игры (коммуникативного акта) владеют определённой компетенцией и высоким уровнем развития интеллекта, чтобы, будучи вовлечёнными в процесс игры, смогли в результате лёгкостью понять смыслы подобных высказываний.

Цели у говорящего при этом могут быть абсолютно любые: выражение иронического отношения, получение удовольствия от подобной забавы со словами, выражение критической оценки происходящему в окружающей действительности, переживание и выражение своих эмоций (экспрессивности) с помощью придания им словесной формы. И для человека языковая игра всегда является не только отдыхом и развлечением, но и интеллектуальной разрядкой [17; с. 10].

3. Основные направления в исследовании языковой игры

3.1. Функциональный подход к изучению языковой игры

В современном научном дискурсе растёт количество работ, которые освещают различные аспекты изучения языковой игры, что говорит о богатом потенциале для исследований среди лингвистов. Конкретно в контексте такого направления, как теория языка, распространён функциональный подход анализа языка. В своём традиционном виде он сосредотачивает пристальное внимание на системе, которая состоит из определённых элементов, и на роли, которую эта система играет в каком—либо виде деятельности.

Функциональный подход уходит корнями в структурную лингвистику и нацелен на изучение проявления функции языка в качестве средства коммуникации, разделяя при этом речь и язык: «язык как нечто социальное по существу и независимое от индивида и речь как деятельность, включающая процесс говорения» [15; с.42]. Причём функции поведения в речи являются универсальными даже для представителей разных языковых групп, поскольку универсальны социальные и коммуникативные потребности коммуникантов и общества в целом. А цель коммуникативного акта становится первостепенной, в отличие от методов её достижения, по причине того, что для функционального подхода важно «исследовать, как различные функции кодируются и воплощаются в речевых действиях» [4; с. 36]. Причём эти цели могут быть и сугубо индивидуальными, что указывает на необходимость изучения их уникальности.

Таким образом, благодаря функциональному подходу подробно рассматриваются прагматические, семантические и стилистические языковые особеннос-

ти. А главная задача функционального подхода при исследовании языковой игры – выявить и подробно охарактеризовать цели её использования говорящим, когда употребляемая языковая единица с элементом языковой игры становится объектом наблюдения в конкретном контексте.

3.2. Психосоциолингвистический подход к изучению языковой игры

Данный подход связан с проблемами изучения становления языковой личности и процесса речетворения в целом. В монографии Ю.О. Коноваловой «Языковая игра в современной русской разговорной речи» впервые употребляется такой термин, как игровой компонент, под которым исследователь подразумевает «часть слова, слово, словосочетание, высказывание, в котором реализовалась установка говорящего на языковую игру, <...> конкретное речевое воплощение приёма языковой игры» [9; с.7]. По мнению Ю.О. Коноваловой, языковая игра является отражением проявления лингвокреативности мышления человека, его умений, способности к процессу словотворчества. Последнее, кстати, не является универсальной составляющей языковой личности и обязательной в наличии у любого носителя языка. А способность к словотворчеству тесно связана с уровнем «лингвистической компетенции и психологического типа личности» [9; с. 162– 163].

Рассматривая процесс формирования лингвокреативных умений у ребенка, что хорошо показано в психолингвистических исследованиях Г.Р. Добровой, становится заметно, что значительную роль в данном процессе играет как биологические и физиологические характеристики, так и «вариативность речевого онтогенеза» [5; с.35].

- а. социальный статус семьи
- б. психологические особенности характера
- с. культурное воспитание
- д. языковая среда, в которой он проводит большую часть жизни.

При изучении языковой игры с точки зрения психосоциолингвистики исследователи стараются охватить все позиции комплексно. Это её функциональные и лингвопрагматические особенности в качестве средства человеческой деятельности, целевая и ролевая направленность, индивидуальные характеристики языковой личности, критерии оценочности высказываний, эффективность применения в акте коммуникации и др. По данным позициям в рамках психосоциолингвистического подхода выделяются следующие свойства средств языковой игры: «условность, искусственность, вторичность, ассоциативность, способность являться заместителем важной информации, акцентуальность, рематичность, ассоциативность, индивидуальность» [9; с.61].

Таким образом, психосоциолингвистический подход к изучению языковой игры заключается в комплексном анализе особенностей носителя языка с

учётом его творческого потенциала, процессов восприятия языковой игры в коммуникации, проблем формирования и передачи культурных коннотаций в окружении языковой личности. Такой широкий круг затрагиваемых исследователями вопросов обусловлен тем фактом, что за пределами сугубо языковой человеческой деятельности существуют и экстралингвистические факторы, на которые следует обратить свое пристальное внимание.

3.3. Синергетический подход к изучению языковой игры

Современные научные исследования многих областей знания активно применяют принципы механизмов системности и нелинейности синергетики с целью интерпретации дискурса в позиции процесса самоорганизации. Такая тенденция свойственна и гуманитарным наукам, что позволяет изучать явление языковой игры как систему и учитывать её когнитивную и дискурсивную направленность. При обращении к когнитивной стороне изучения языка, как отмечает А.А. Кибрик, следует помнить, что «языковая форма является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания» [7; с. 126].

Основой анализа при синергетическом подходе является изучение вербальной коммуникации с точки зрения объединения нескольких парадигм в единую систему с обращением к современным идеям синергетики: структурной, когнитивной, коммуникативно–функциональной. Благодаря такой интеграции «раскрывается взаимовлияние системы и среды» [8; с. 5], как выразилась Е.Н. Князева.

Источником самоорганизации дискурса в речевой деятельности служит нацеленность на возможность реализовать свой творческий потенциал в ходе самостоятельного структурирования матриц дискурса, а последний, в свою очередь, выступает в роли системы модификации языковых конструкций. И явление языковой игры в данном контексте не результат случайного высказывания, а «суть случайность, дополняющая необходимость» [15; с. 60], поскольку она появляется в речевом высказывании в осознанном виде, как специальная аномалия с определёнными целями организации коммуникативного акта. И реципиент, и исследователи, таким образом, нацелены посредством выхода за лингвистические рамки текста выявить и охарактеризовать имплицитные смыслы языковой игры, которые туда внёс автор, что возможно только при условии наличия у первых необходимых компетенций. Затрагивая фундаментальные исследования Й. Хейзинги, В.З. Санникова, Т.А. Гридиной, следует помнить, что человеческая речевая деятельность практически всегда строится на основе стереотипов.

Исследование подобного рода в парадигме синергетики раскрывает сам механизм использования языка в функции игры, поскольку феномен языковой игры как деятельности обладает свойством дихото-

мии, когда норма противопоставляется системности и нелинейности. Это позволяет выявить целевую направленность появления игр в качестве объекта речевого высказывания и проанализировать формальную структуру языкового знака по принципу вариативности выбора и дальнейшего пути развития.

В качестве междисциплинарного направления научных исследований синергетика изучает явление языковой игры с разных сторон. Помимо сугубо лингвистического аспекта это и социолингвистика, и психолингвистика, и когнитивные аспекты. Автор речевого высказывания в процессе задействования механизмов языковой игры переходит на другой регистр с помощью нетрадиционного толкования языковой единицы – вышеупомянутая аномалия. Целью автора при этом выступают традиционные коммуникативные цели: поддержать или завершить речевой контакт, привлечь внимание адресата и др.

4. Выводы

Приведенный анализ предпосылок исследования и подходов к изучению феномена языковой игры позволяет сделать вывод о том, что языковая игра – это очень многоплановое явление, которое освещается в научной среде с помощью многих направлений и концепций. Она рассматривается с позиций структуры и семантики в аспекте теории языка, в свете функционального подхода подробно анализируются прагматические, семантические и стилистические языковые особенности. В рамках синергетики изучаются лингвокультурологические, психолингвистические и когнитивные особенности: такие как языковая личность говорящего, его языковые знания и умения, представление об окружающем через призму языковой картины мира и др.

Из данной работы следует, что необходим комплексный подход к анализу порождения и интерпретации языковых явлений, именуемых языковой игрой. Такой разносторонний охват дополняет и уточняет знания и представления научного мира о феномене языковой игры, показывая, какое это масштабное и универсальное явление.

Библиографические ссылки

1. Бородай С. Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания: журнал. – 2013. – № 4. – С. 18.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы (Часть 1). – М., 1994. – 612 с.
3. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 763 с.
4. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века: дискурс, речь, речевая деятельность. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–136.
5. Доброва Г.Р. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза // Лингвистика креатива: Коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. – С. 33–48.

6. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзэфович; под ред. М.Г. Лебедево и З.Г. Прошиной. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 632 с.
7. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. 1994. №5. с. 126–137
8. Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир. Новые представления о самоорганизации в природе и обществе // Философия и жизнь, 1991. – №7. – С.3 – 31
9. Коновалова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи [Текст]: монография / Ю.О. Коновалова. – Владивосток: Издательство ВГУЭС, 2008. – 196 с.
10. Логман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
11. Нухов С. Ж. Языковая игра: возможные подходы и трактовки явления [Текст] / С. Ж. Нухов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1. – С. 165–170
12. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. Минск, 1989. – 252 с.
13. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170 – 194.
14. Сниховская И.Э. Механизмы, средства и приёмы языковой игры в современном английском языке. – Рукопись. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки. – Житомирский государственный университет имени Ивана Франко. – Житомир, 2004. – 218 с.
15. Соссюр Ф. Труды по языкознанию // Пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича. – Москва: Прогресс, 1977. – 695 с.
16. Хейзинга Й. «Homo Ludens»; Статьи по истории культуры. / Пер. с гол. Д. В. Сильвестрова – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.
17. Шаховский В. И. Словообразовательная игра как вербальная упаковка социальных интеракций человека и общества / В. И. Шаховский // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2006. – т. 1. – № 4. – С. 8–12.
18. Kirschenblatt-Gimblett B. Speech play: Research and resources for studying linguistic creativity. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1976. – 307 p.

References

1. Boroday S. Yu. Sovremennoye ponimaniye problemy lingvisticheskoy otноситelности: raboty po prostranstvennoy kontseptualizatsii // Voprosy yazykoznaniiya: zhurnal. – 2013. – №4. – S. 18.
2. Vitgenshteyn L. Filosofskiye issledovaniya // L. Vitgenshteyn. Filosofskiye raboty (Chast 1). – M., 1994. – 612 s.
3. Gak V.G. Yazykovyye preobrazovaniya. – M.: Shk. «Yaz. rus. kul'tury». 1998. – 763 s.
4. Demiankov V.Z. Funktsionalizm v zarubezhnoy lingvistike kontsa KhKh veka: diskurs. rech. rechevaya deyatelnost. – M.: INION RAN. 2000. – S. 26–136.
5. Dobrova G.R. Kreativnost yazykovoy lichnosti v aspekte variativnosti rechevogo ontogeneza // Lingvistika kreativa: Kollektivnaya monografiya / otv. red. T.A. Gridina. – Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t». 2012. – S. 33–48.
6. Zhukova I.N. Slovar terminov mezhkulturnoy kommunikatsii / I.N. Zhukova, M.G. Lebedko, Z.G. Proshina, N.G. Yuzefovich; pod red. M.G. Lebedko i Z.G. Proshinoy. – M.: Flinta: Nauka. 2013. – 632 s.
7. Kibrik A.A. Kognitivnyye issledovaniya po diskursu // Voпр. yazykoznaniiya. 1994. №5. с. 126–137

8. Knyazeva E.N. Sluchaynost. kotoraya tvorit mir. Novyye predstavleniya o samoorganizatsii v prirode i obshchestve // *Filosofiya i zhizn*. 1991. – № 7. – S.3 – 31
9. Konovalova Yu.O. Yazykovaya igra v sovremennoy russkoy razgovornoj rechi [Tekst]: monografiya / Yu.O. Konovalova. – Vladivostok: Izdatelstvo VGUES. 2008. – 196 s.
10. Lotman Yu. M. *Kultura i vzryv*. M.: Gnozis; Izdatelskaya gruppa «Progress». 1992. – 272 s.
11. Nukhov S. Zh.Yazykovaya igra: vozmozhnyye podkhody i traktovki yavleniya [Tekst] / S. Zh. Nukhov // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. – 2012. – T. 17. № 1. – S. 165–170
12. Plotnikov B.A. *O forme i sodержanii v yazyke*. Minsk. 1989. – 252 s.
13. Serl Dzh. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. M.: Progress. 1986. Vyp. 17. S. 170 – 194.
14. Snikhovskaya I.E. *Mekhanizmy sredstva i priyemy yazykovoy igry v sovremennoy angliyskom yazyke*. – Rukopis. Dissertatsiya na soiskaniye nauchnoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk po spetsialnosti 10.02.04 – germanskiye yazyki. – Zhitomirskiy gosudarstvennyy universitet imeni Ivana Franko. – Zhitomir. 2004. – 218 s.
15. Sossyur F. *Trudy po yazykoznaniyu* // *Per. s fr. yaz. pod red. A.A. Kholodovicha*. – Moskva : Progress. 1977. – 695 s.
16. Kheyzinga Y. «Homo Ludens»; *Stati po istorii kultury*. / *Per. s gol. D. V. Silvestrova* – M. : Progress – Traditsiya. 1997. – 416 s.
17. Shakhovskiy V. I. *Slovoobrazovatel'naya igra kak verbal'naya upakovka sotsialnykh interaktsiy cheloveka i obshchestva* / V. I. Shakhovskiy // *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. – 2006. – t. 1. – № 4. – S. 8–12.
18. Kirschenblatt-Gimblett B. *Speech play: Research and resources for studying linguistic creativity*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 1976. – 307 p.

Масонская мистика и святоотеческий аспект предпосылок формирования русского самосознания (на рубеже XVIII-XIX веков)

Masonic mysticism and the patristic aspect of the prerequisites for the formation of russian identity (at the turn of the XVIII-XIX centuries)

В статье рассматривается важный период в развитии русской культуры, период зарождения и становления национального самосознания русского народа, период предшествующий расцвету русской культуры XIX века, именуемого «золотым веком русской культуры». В работе характеризуются предпосылки формирования русского самосознания на рубеже XVIII-XIX веков, делается акцент на их мистической составляющей, которая проникает во все сферы русского общества, исследуются её истоки и причины. Делается вывод, что в исследуемый период предпосылки русского самосознания формировались под влиянием святоотеческой мистики, причём проникновение её происходило парадоксальным образом – через распространение в России модного в Европе масонства.

The article examines an important period in the development of Russian culture, the period of the origin and formation of the national identity of the Russian people, the period preceding the heyday of Russian culture of the XIX century, referred to as the “golden age of Russian culture”. Russian identity formation prerequisites at the turn of the XVIII-XIX centuries are characterized in the work, emphasis is placed on their mystical component, which penetrates into all spheres of Russian society, its origins and causes are investigated. It is concluded that in the period under study, the prerequisites of Russian self-consciousness were formed under the influence of patristic mysticism, and its penetration occurred in a paradoxical way - through the spread of Freemasonry fashionable in Europe in Russia.

Ключевые слова и фразы: национальное самосознание, мистика, пасхальная культура, рождественская культура, антиномии, бинарность русской культуры, бинарные оппозиции, означающее, означаемое, масонство, старчество.

Keywords and phrases: national identity, mysticism, Easter culture, Christmas culture, antinomies, binary of Russian culture, binary oppositions, signifier, signified, Freemasonry, «Starchestvo» (Monasticism).

Ирина КОМАРОВА

Irina Komarova

Калининградский филиал Московской финансово-юридической академии, Россия

Kaliningrad Branch of the Moscow Academy of Finance and Law, Russia

В постсоветский период в обществе наблюдается усиление интереса к мистике. Это можно рассматривать как реакцию на излишнюю рационализацию и секуляризацию жизни, прагматическое и утилитарное отношение к использованию результатов духовной деятельности, которое принизило значение религиозных чувств в функционировании культуры. Подобное увлечение мистикой часто связано с неустойчивостью общественных процессов в кризисные периоды социокультурного развития. С учётом цикличности и чередования устойчивых и неустойчивых этапов социокультурной динамики, для современного состояния общества актуализируются культурно-исторические аналоги прежних периодов. В данном свете интерес представляет период рубежа XVII – XIX веков, предшествующий «золотому веку русской культуры». Предпосылки становления русского само-

сознания раскрываются в контексте диалога культур, а именно через взаимодействие неосознаваемого ещё, латентного русского субстрата, и сознательно заимствуемого европейского элемента. В сопоставительном аспекте исследуются культурно-исторические и религиозно-философские черты, влияющие на процесс становления русского национального самосознания и оформление феномена бинарности русской культуры; выявляются структурно-лингвистические основы его функционирования. Затем данный феномен рассматривается на примере бинарной оппозиции «масонство – старчество», воспринимаемой на уровне означающего (формальный акустический план) как антиномии, но на уровне означаемого (содержательный план) имеющие сущностно общие мистические корни.

Культурно-исторические и религиозно-философские предпосылки становления русского национального самосознания

К концу XVIII века в духовной жизни России назрело определенное противоречие между активно проникавшими в её культурное пространство идеями эпохи Просвещения, и отсутствием внутренних причин для столь же динамичного собственного развития. В данном случае столкнулись экстравертно развивающееся

европейское общество, активно распространяющее свою философию и культуру на окружающее пространство и интровертное русское общество, имеющее имманентные отличия от Европы, но ещё не осознающее особенные положительные качества своей культуры, то есть общество, не имеющее глубинного опыта самосознания. Модернизационный элемент, выступающий в качестве основополагающего механизма, способствующего динамичному интенсивному развитию западноевропейской культуры, активно проникнул в российское социокультурное пространство, и способствовал развитию осмысленного отношения к своей истории и культуре русскими интеллектуалами.

Зарождение активного процесса самосознания русского народа традиционно связывается с Отечественной войной 1812 года. А до этого, с момента петровских преобразований, целое столетие происходило расщепление русского общества и растягивание его к двум полюсам, слабо осознаваемое мыслящей частью этого общества. На одном расположился народ, представляющий консервативную массу, преимущественно крестьянского сословия, у которого быт и ценностные ориентации не менялись веками. На другом полюсе находилось дворянство, привилегированное сословие, которое развивалось под серьёзным влиянием европейского общества, жадно перенимающее культурно-бытовые особенности инокультурного происхождения. Модернизационный элемент, лежащий в основе развития европейского общества, оплодотворяющий культуры европейских стран, равномерно воздействовал на различные слои населения в европейских странах, в силу органичности его природы европейской культуре, выросшей на базе христианства рождественского типа. В данном случае используется классификация В.С. Непомнящего, в соответствии с которой западное христианство относится к рождественской культуре, а восточное - к пасхальной.

На русской почве модернизационный элемент имел влияние только на правящее сословие. Именно этот привнесённый в русскую жизнь модернизационный элемент формировал активные преобразовательные процессы в дворянской среде. Консервативная ценностная парадигма была свойственна низам общества, имеющим традиционные, медленно изменяющиеся, а на нравственном уровне вовсе стабильные свойства, присущие христианству пасхального типа. Таким образом, при высоком уровне секуляризации передового европейского общества, идущие оттуда процессы обмирщения имели глубокое воздействие только на дворянское сословие, и совсем незначительно воздействовали на низшие слои русского общества.

Так как петровские преобразования XVIII века дали сильный толчок к дивергентным процессам в русской культуре, то перманентно развивающийся процесс расщепления русского общества привёл к 1812 году к такому состоянию, что на внешнем уровне в России наблюдался явный раскол. Как отмечает В.В. Зеньковский «Русское высшее общество к этому времени

[с середины XVIII века] уже окончательно отошло от родной старины» [1].

Период с начала XIX века до 1812 года – это вершина разделения русского общества на две части: на дворянское общество, живущее устремлениями подражания европейским образцам, и на крестьянство, опирающееся на патриархальную старину. До этого времени происходило зарождение русского самосознания в скрытой, латентной форме (см. например, наблюдения в трактате князя М.М. Щербатова «О повреждении нравов», или в «Критических замечаниях» И.Н. Болтина), которое ещё не имело серьёзного влияния на русское общество в целом.

В процессе наполеоновских войн происходил довольно тесный контакт русской армии, в которой служили казаки и бывшие крестьяне, с европейцами. Поэтому с 1812 года активизировался процесс развития русского самосознания уже не в латентной, а в явной форме. Этому способствовали, во-первых, совместные действия народа и дворянства во время первой отечественной войны. У всего русского общества появились общие цели, дающие шанс к возникновению единства общества. Во-вторых, посещение в 1814 году Парижа русской армией, дало многим возможность узнать «иной» быт, что породило интерес и к своему русскому миру, заставило русское общество по-новому взглянуть на себя, свою историю и культуру.

Соединение этих двух причин, в конечном итоге, чуть позже спровоцировало споры западников и славянофилов, которые наиболее явно обнажили бинарность позиций, свойственных русской культуре [2, 3]. Эти споры, в свою очередь, озаменовали начало самостоятельного философствования на русской почве. О наличии философских идей в русской культуре свидетельствуют многие исследователи, например, Новиков, Евлампиев и др., но развитие русской философии как науки начинается именно со славянофилов.

Структурно-лингвистические основы бинарности русской культуры

Именно в этот период стало оформляться мировоззренческое обоснование бинарности русской культуры [4], во многом определяемое религиозными особенностями русской духовной жизни. Бинарность русской культуры – это выражение бинарности человеческой личности в целом, перенесённое на культуру. Динамика русской культуры – это аналог борения страстных и бесстрастных начал любой личности. Западноевропейское «рождественское» христианство (тернарные культуры, по-Лотману) нашло примирение в концепции оправдания и в состоянии «снижения», в результате чего вырабатывается компромиссное отношение к действительности. Русская православная традиция («пасхальная») не отказалась от устремленности к надмирному идеалу и отсюда идет двойственное восприятие одних и тех же категорий даже в рамках одной культуры. Человек, стремящийся к удовлетворению

своих страстей, и человек, стремящийся к Божественному Свету, используют единую терминологию, примирившую их на внешнем уровне, но имеющую разные смыслы внутреннюю дифференциацию. Именно христианская, пасхальная сущность русской культуры активизирует борение противоположных начал.

Непримиримость антиномий обусловлена постоянным поиском русской души, её устремленностью к Богу. Отсюда — обостренное стремление к нахождению полюсов каждой из бинарной оппозиции, граней божественного смысла. Например, покорность (смирение) воспринимается как покорность воле Божией, а также как обречённость и нежелание что-либо делать, и даже лень. Аналогичным образом можно охарактеризовать присущее русскому человеку свободолюбие, которое выступает также в двух своих ипостасях: свободолюбие как свобода от страстей, от любой привязанности, кроме привязанности к Богу, и, как свобода от ответственности.

Именно расхождение между означаемым и означающим наиболее значимых понятий и концептов порождает несводимость оппозиций. Антиномии русской культуры часто выступают как две формы одной сути. А каждая из оппозиций имеет различающееся между собой содержание. Например, и западничество и славянофильство, по сути (означаемое), пытались определить наиболее счастливый путь для России, но они расходились по форме (означающее), предлагая различные пути реализации своей, на уровне означающего, цели. Западники абсолютизировали и идеализировали западный путь, как ведущий к экономическому и политическому развитию, а славянофилы — самобытность, привлекая внимание к лучшему в собственном культурно-историческом развитии. Общим для обоих взглядов, уровнем означаемого, является использование всего положительного на благо России. Можно предположить, что аналогичным образом в антиномических отношениях на рубеже XVIII-XIX веков находились между собой масонство и старчество. В качестве примеряющего крайности бинарной оппозиции элемента они имели означаемое «мистическое делание», обусловленное стремлением к истинному христианству. Обоснованию данного тезиса посвящена следующая часть настоящей работы.

Масонство как «мост» для проникновения святоотеческой мистики в русское самосознание

В результате русско-европейского общения конца XVIII — начала XIX века происходила трансформация русской культуры на базе общего диалогового поля. Причем процесс взаимодействия носил односторонний характер, так как на начало XIX века русская культура не обладала опытом самосознания, и, соответственно, не имела ярко выраженного своеобразия, способного не только воздействовать на европейскую культуру, но и противостоять ей. В это время она была подражательной: искажающей на русской почве и европейский образец, и трансформирующей свой род-

ной культурный образ. Выразительное своеобразие русской культуры проявилось только во второй половине и, особенно, к концу XIX века.

Наиболее активное европейское влияние на развитие русского общества этот период происходило из Франции. Общее диалоговое поле рубежа XVIII-XIX веков было смещено во французскую культуру, поэтому культурные заимствования происходили, в основном, в русскую дворянскую среду. Посещение России французами в 1812 году не повлияло значительно на мировосприятие и самосознание самих французов, так как Россия для них выглядела отсталой страной, не имеющей особого положительного своеобразия, сколько-нибудь значимого для иностранцев.

Следует заметить, что диалог с Европой всегда на Руси, в России давал неожиданный эффект: никогда заимствованные явления не повторяли свои европейские аналоги полностью, как правило, они приобретали трансформированный характер, обрастали своими специфическими особенностями. Если рассуждать о периоде рубежа XVIII — XIX столетий, то, наиболее интересным явлением европейской жизни, которое повлияло на развитие духовной жизни русского просвещенного общества, представляется масонство. Оно было широко распространено в рассматриваемый период в русском дворянстве. Надо заметить, что в Европе и в России обращение к масонству породило различные движения в духовном развитии. Интерес к масонству в Европе был следствием модернизационных процессов, поиска новых форм религиозного сознания. Это было формой существования для духовно-ищущего индивидуума и являлось продолжением религиозной модернизации, выступало в едином перманентно-расщепляющемся ряду: католичество — протестантизм — протестантские секты. И если данный ряд имел направленность в сторону уменьшения роли мистического элемента, то масонство стало возрождать утерянное мистическое чувство, без которого религиозное сознание выхолащивается. Масонство отвечало потребности религиозно устремленной части общества, жаждущей духовного и нравственного совершенства. То есть одна часть европейского общества стремилась к рационализации, в духе европейского Просвещения, а мистически настроенная часть общества, не найдя утешения в традиционных религиозных формах, устремилась к мистике, разлитой в масонском мировоззрении.

Подобные процессы наблюдались и в дворянском обществе России, практически поголовно воспринявшим модные масонские идеи. Как свидетельствует Н.О. Лосский, принятие в России XVIII века масонства связано со стремлением «проникнуть в сокровенные глубины религии, найти сущность «истинного христианства» и воплотить его в жизнь. ... Под истинным христианством масоны понимали развитие духовной жизни, нравственное самоусовершенствование и проявление действенной любви к ближним» [4]. На стремление масонов к «истинному христианству»

указывается и в других источниках [5].

М.О. Коялович сделал вывод, что Россия XVIII века настолько глубоко приняла в себя основы западноевропейского существования, что стала страдать теми же болезнями что и европейское общество «и сознав свое разращение, стала искать западноевропейские врачевства. В те времена таким врачевством считалось масонство...» [6]. Особенно это проявилось в просвещенном мистицизме эпохи правления Александра I. В. Сахаров отмечает, что воздействие Александровского мистицизма на русскую культуру встречается «в самых разных формах и на самых неожиданных уровнях, в самых разных сферах духовной деятельности, научного знания и изящных искусств» [7, С.198]. При этом указывается на то, что в пространстве масонских лож возникает новый уровень «общения и совместных исканий высшего знания, горизонталь духовного единения» [7, С.199], не зависящая от чинов и имущественного положения. Интересно отметить, что к масонам в разное время относились самые разнообразие исторические и культурные деятели русского общества: И.П. Елагин, Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков, С.И. Гамалея, Г.Р. Державин, М.М. Щербатов, А.Н. Радищев, П.Я. Чаадаев, князь А.Н. Голицын, М.М. Сперанский, С.С. Уваров, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин и т.д. Практически нет известных имен рассматриваемого периода, не связанных с масонством. По утверждению В. Сахарова с масонством были связаны даже многие деятели русской Церкви, «начиная с митрополитов Платона и Евгения и архимандрита Аполоса» [7, С. 205]. Первую русскую Библию для «простого грамотного люда» издал именно розенкрейцер Н.И. Новиков. По утверждению В. Сахарова к розенкрейцерам относился и митрополит Филарет, связанный с ложей А.Ф. Лабзина «Умирующий сфинкс». При этом исследователем указывается и на категорическое неприятие масонства другими деятелями Православной Церкви, например, архимандритом Фотием [7, С. 206].

По-видимому, данные диффузные явления в дворянской среде и в среде высшего духовенства связаны с общим влиянием европейского богословия, в недрах которого и зародилась сама европейская философия, серьезно повлиявшая на духовное развитие европейского общества. Как отмечает И. Экономцев, «западноевропейская схоластика, даже критически воспринимаемая, была более доступна русским богословам, чем святоотеческое учение, а находящаяся под влиянием протестантской схоластики богословская школа готовила учёную элиту, оторванную от истоков православия и национальной жизни, свободно говорящую на мёртвом языке и не способную выразить свои мысли на живом языке народа, которому она должна была разъяснять истины христианского учения. Выход из этого положения был в одном: в отказе от «буквы», которая «убивает», и в возвращении к животворящему Духу, к реальности Священного Писания и святоотеческого учения, к реальности жизни» [8, С. 115]. Примечательно, что изменения в системе богословского

образования в России связаны с именем вышеупомянутого митрополита Платона (Левшина), который с 1775 г. был директором и проректором Московской Духовной Академии.

Эти утверждения свидетельствуют, что в рассматриваемый период даже внутри Православной Церкви имелось неоднозначное отношение к масонству, а в среде русского дворянства практически не существовало альтернативы масонскому просвещенному мистицизму: «Мистика открывала дорогу личной вере в чудо. Таков был ответ русского образованного общества на засилье «века разума», гнёт просветительских идей, к тому времени ставших сковывающими личное сознание либеральными штампами» [7, С. 209].

На поворот к мистике как закономерную особенность богословского поиска к концу XVIII века указывает И. Экономцев: «Он был неизбежен в свете отказа от схоластического рационализма и как реакция на рационалистическую критику» [8, С. 116], и отмечает параллельность аналогичных процессов в Европе и в России. При этом акцентируется отличие: «если в Западной Европе указанный феномен был связан с пробуждением интереса к средневековой мистике, питавшейся богомилскими и неоплатоническими идеями, то у нас он характеризовался обращением к святоотеческому учению и духовному наследию исихазма» [8, С. 116].

В России мистический элемент, свойственный масонским организациям, его гностическое мировоззрение, не противоречит русскому характеру, а, напротив, очень созвучно ему. Как считает И.И. Евлампиев: «гностические и мистические элементы можно обнаружить и в самом русском православии. Достаточно вспомнить, что в восточном христианстве мистический элемент всегда был выражен гораздо сильнее, чем в западном» [9]. Чему способствовало распространение исихазма еще в конце XIV-XVI веках, которое позже практиковали «нестяжатели» и большинство монашествующих. Хотя надо заметить, что проявления святости, к которым приводит подобная практика, в течение следующего XVII столетия постепенно сходили на нет. Это стало результатом борьбы «нестяжателей» и иосифлянства. Опираясь на статистические данные по канонизации святых русской церковью, Г.П. Федотов делает вывод, что в это время происходит «утечка» святости. К концу XVII века, к моменту начала правления Петра I, мистическое направление в русском иночестве угасает и количество канонизированных святых равно нулю [10, С.238-239]. Причиной подобного упадка святости Г.П. Федотов считает полную победу иосифлянства: «оно явно оказывается неблагоприятным для развития духовной жизни» [10, С.239]. Мало того, он утверждает, что во времена юности Петра происходит «омертвление русской жизни, душа которой отлетела» [10, С.240]. Получается, что своей деятельностью новый царь просто довершил начатое до него предшественниками дело реформирования русской Церкви. Церковные реформы Петра

И привели «нестяжателей» в своеобразное подполье, так как в официальной Церкви была сделана опора на иосифлян. И исихастская практика, как мистическая деятельность, нацеленная на неизменное совершенствование, ведущая личность к Абсолюту, «обожению», еле теплилась в духовной жизни русского общества, и была ограничена узкими монашескими кругами. На возрождение монашества в XVIII веке указывает историк церкви А. Шмеман, отмечая, что в России в это время происходил «незабываемый расцвет святости» [11, С.362], связанный с именами Тихона Задонского, Паисия Величковского, а к концу XVIII века и Серафима Саровского, наиболее прославленного русского святого, почившего уже в первой трети XIX века.

Можно сказать, что в России XVIII веке официальная Церковь определённым образом сдерживала массовое проявление мистических чувств. Аналогичные и даже более активные процессы наблюдались и в Европе в связи с развитием процесса секуляризации общества и рационализации общественной жизни. Поэтому стремление личностей к индивидуальному личностному совершенствованию, оплодотворяемое религиозными чувствами и неудовлетворенное существующим положением в нравственной жизни общества, способствовало их обращению к мистике. Но, если в Европе мистическая практика под воздействием ценностной парадигмы «рождественской» модернизации создавала еретические формы мистического делания, то, можно предположить, что в русской практике, помимо заимствованного из Европы дворянскими кругами масонского гностицизма и мистицизма, общий интерес к мистике активизировал процесс распространения мистики, органичной православной, «пасхальной» культуре, соответственно, не имеющей модернизационного, то есть чужеродного начала. Неслучайно, что вслед за Тихоном Задонским, Паисием Величковским, последователями исихастской практики в России, произошло широкое возрождение православной мистической традиции, которая породила движение старчества, глубоко православного феномена, наиболее знаменитым проявлением которого в XIX веке оказалось старчество Оптиной пустыни.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, на русском этнокультурном субстрате заимствованные из европейской культуры явления не дублировали исходные аналоги полностью, но трансформировались и приобретали специфические черты, органически сопоставляемые с глубинными культурно-историческими ценностями.

Во-вторых, как следствие из первого вывода, обращение к общему источнику — масонской мистике — вызвало разнонаправленные тенденции в Европе и в России. В Европе произошло усиление модернизационного характера развития (общество еще больше удалилось в своих духовных устремлениях от традиционной религии). В России, при всей антиномич-

ности её развития, активизировалась глубинная консервативная, стабильная стержневая линия духовной жизни, актуализированная в движении старчества. Общее побуждение объединяло эти две мистические практики, масонство и старчество — стремление к истинному Христианству. Нельзя утверждать, что одно из этих движений спровоцировало развитие другого — они развивались параллельно. Ясно только, что первопричиной интереса к мистической практике стала реакция на излишнюю рационализацию жизни в Европе и усилившееся обрядоверие, доминирующее в церковной практике из-за победы иосифлячества над «нестяжателями» в России. Но на русской почве всеобщее увлечение мистицизмом, преобразовалось в культурспецифический феномен старчества, не имеющий аналогов в европейской культуре, так как это явление наложилось на свою родную почву и в паре с масонским мистицизмом стало очередным проявлением бинарности русской культуры. Масонское увлечение мистикой на этом этапе оплодотворило духовное развитие русского общества.

В-третьих, если сопоставить эпоху двухсотлетней давности с современностью, то можно предположить, что увлечение мистикой, по-видимому, также свидетельствует об активизации духовной культурной деятельности российского общества в настоящий период. Но эффективность и качество результата этого увлечения будет зависеть от органичности этих процессов имманентному состоянию отечественной культуры.

Библиографические ссылки

1. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. — М.-Ростов-на-Дону, 1999, т.1, С. 118.
2. Бердяев Н.А. Душа России. / Н.А. Бердяев. — Л.: Сказ, 1990, С. 12-18.
3. Конрадков И.В. Введение в историю русской культуры. / И.В. Конрадков. — М.: Аспект-пресс, 1997, С. 483 - 484.
4. Лосский Н.О. История русской философии. / Н.О. Лосский. — М.: Советский писатель, 1991, С. 6.
5. Русское масонство. М.: Эксмо, 2006. С. 272.
6. Коялович М.О. История русского самосознания. / М.О. Коялович — Минск: Лучи Софии, 1997, С. 185.
7. Сахаров В. Русское масонство в портретах. / В.Сахаров. — М.: АиФ Принт, 2004.
8. Экономцев И. Православие. Византия. Россия. / И. Экономцев— М.: Христианская литература, 1992.
9. Евлампиев И.И. История русской философии. / И.И. Евлампиев. — М.: Высшая школа, 2002, С. 39-40.
10. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. / Г.П. Федотов. — СПб.: Сатись Держава, 2004.
11. Шмеман А. Исторический путь Православия./ А. Шмеманн. — М.: Православный паломник, 2003, С. 362.

References

1. Zenkovsky V.V. Russian Rostov-on-Don, 1999, vol. I, p. 118.
2. Berdyayev N.A. The Soul of Russia. / N.A. Berdyayev. — L.: Skaz, 1990, pp. 12-18.
3. Konradkov Russian Russian Culture History Introduction to the History of Russian culture. / I.V. Kondakov. — M.: Aspect-press, 1997, pp. 483 — 484.

4. Lossky N.O. History of Russian Philosophy. / N.O. Lossky. – M.: Soviet Writer, 1991, p. 6.
5. Russian Freemasonry Russian Russian Freemasonry in portraits. / V. Sakharov. – M.: AiF Print, 2004. 8. Ekonomtsev I., Moscow: Eksmo, 2006. P. 272.
6. Koyalovich M.O. History of Russian Self-consciousness. / M.O. Koyalovich - Minsk: Rays of Sofia, 1997, p. 185.
7. Sakharov V. Russian Freemasonry in portraits. / V.Sakharov. – M.: AiF Print, 2004.
8. Ekonomtsev I. Orthodoxy. Byzantium. Russia. / I. Ekonomtsev – M.: Christian Literature, 1992.
9. Evlampiev I.I. History of Russian philosophy. / I.I. Evlampiev. – M.: Higher School, 2002, pp. 39-40.
10. Fedotov G.P. Saints of Ancient Russia. / G.P. Fedotov. – St. Petersburg: Satis Derzhava, 2004.
11. Schmemman A. The historical path of Orthodoxy. / A. Schmemann. – M.: Orthodox Pilgrim, 2003, p. 362.

Экспликация фонографических средств украиноязычных писателей Приднестровья

Експлікація фонографічних засобів україномовних письменників Придністров'я

Phonographic means of expressiveness in the works of the ukrainian-language writers of Pridnestrovie

Представленная статья посвящена детальному анализу фонографических средств экспрессивности в поэзии украиноязычных авторов Приднестровья. В работе описаны основные функции анализируемых единиц, а также рассмотрены особенности использования фонографических средств в литературном художественном тексте.

Представлена стаття присвячена детальному аналізу фонографічних засобів експресивності в поезії україномовних авторів Придністров'я. У роботі описані основні функції аналізованих одиниць, а також розглянуті особливості використання фонографічних засобів в літературному художньому тексті.

This article deals with the phonographic means of expressiveness in the works of the Ukrainian-language writers of Pridnestrovie. It outlines the main functions of the collected units and reviews the unique features of the phonographic means usage in the literary text.

Ключевые слова и фразы: фонетические средства, графические средства, графон, графические окказионализмы, ассонанс, аллитерация.

Ключові слова та фрази: фонетичні засоби, графічні засоби, графон, Графічні окказионалізми, асонанс, алітерація.

Keywords and phrases: phonetic means, graphic means, graphon, graphic occasionalisms, assonance, alliteration.

Елена ЛЕОНТЬЕВА

Elena Leontieva

*Приднестровский государственный университет
им. Т.Г. Шевченко*

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University

Художній твір – це унікальний простір, в якому знаходить своє вираження не тільки художній світ автора, а й культурно-лінгвістичне середовище, що оточує митця. Зцієї точки зору важливе аналізованих одиниць всіх рівнів мови у творчості україномовних письменників полілінгвістичного Придністров'я, в якій українська мова набула статус офіційної мови нарівні з молдавською та російською. А. В. Третьченко стверджує: «Історико-літературний процес в Придністров'ї являє собою унікальний феномен, що включає поліетнічну мовну модель, в якій взаємодіють культурні традиції народів, що населяють Придністровський регіон» [10, с.198].

Загальновідомим є той факт, що у літературному тексті не існує випадкових явищ, будь-яке відхилення від загальноприйнятої норми є усвідомленим вибором автора. Кожна трансформована одиниця відіграє важливу образотворчу, експресивну та естетичну функцію, і якщо аналіз мовних одиниць лексичного та граматичного рівнів характеризуються відносною повнотою та системністю, то аналіз одиниць найниж-

чого рівня – дискусійністю та неповнотою. Саме цей чинник і зумовлює актуальність нашої роботи.

У наш час графічні засоби вираження текстів різних стилів урізноманітнюються та набувають все більшого поширення, що значно трансформує саме уявлення про графон.

Аналізований термін було введено В. А. Кухаренко, яка розуміла його як «фіксацію індивідуальних вимовних особливостей мовця» [5, с. 17–18]. Наприкінці ХХ ст. аналізоване явище інтерпретували як стилістичний засіб, який експлікує індивідуальні чи діалектні відхилення від орфографічної чи фонетичної норми, графічно фіксуючи мовні особливості персонажів. На сучасному етапі розвитку лінгвістичної науки до поняття графон включають всі види та способи використання нестандартної орфографії, при якому до графічної форми слова включаються одиниці інших знакових систем: букви іншомовного алфавіту, а також паралінгвістичні або нелінгвістичні засоби.

Суттєві графічні трансформації будь-якої мовної одиниці здатні акцентувати видозмінені слова або створювати новий підтекст. Таке усвідомлене відхилення від графічного стандарту та орфографічної норми відображає функціонально-стилістичні та індивідуально авторські особливості тексту.

На виникнення та функціонування графонів впливає низка чинників, серед яких можна виділити дві групи: екстра- та інтралінгвістичні. Інтралінгвістичні фактори детермінують лише варіативність вимови, що перебуває у межах фонетичної норми. До екстра-

лінгвістичних чинників відносять вплив фізичного чи емоційного стану мовця, його територіально-соціальної чи національної приналежності, а також прагнення автора репрезентувати дитячий фонетичний дефіцит тощо. Причину зростання частотності функціонування аналізованих одиниць у текстах різних стилів Е. Р. Каюмова пов'язує «з якісно новим етапом розвитку сучасної комунікації, який характеризується, з одного боку, демократизацією, відносною нестабільністю та не обов'язковістю дотримання існуючих норм, з іншої – більшим обсягом інформації, що передається та, як наслідок, її «розподіленням» між різними каналами сприйняття, у тому числі й візуальними» [2, с. 58].

Видільно-актуалізаційна функція графонів не тільки графічно фіксує індивідуальні фонетичні особливості ліричного героя, посилює авторську оцінку або емоцію, формує семантичну багатоплановість слова, сприяє створенню комічного ефекту та підтексту, посилює виражальність та зображальність художнього мовлення, актуалізує увагу читача на важливих для автора смислових центрах, а й виступає продуктивним засобом мовної економії та експресивності, що є важливими ознаками художнього тексту.

Існують різні підходи до типології графонів. М. Н. Кулікова за основу класифікації бере особливості мовлення: особливості мовлення, зумовлені фізичним та емоційним станом і віковою несформованістю мовлення (дефекти мовлення, стан сп'яніння, стан афекту, дитяче мовлення); особливості мовлення, зумовлені зіткненням двох мов (іноземний акцент); особливості мовлення, зумовлені соціально-регіональною приналежністю (соціолекти, просторіччя, діалекти) [4, с. 11].

І. О. Горбачова поділяє всі графони на два види: рекурентні, пов'язані із постійними незмінними мовленнєвими особливостями, та оказіональні, що презентують емоційно напружене мовлення [1, с. 61].

У своїй роботі ми послуговуємося класифікацією, що базується на виділенні специфіки базового графічного компонента, покладеного в основу використаних графонів, та виділяємо такі типи: включення до слова графем інших знакових систем, мультиплікація, дефісація, капіталізація, факультативні лапки, а також виділення слів курсивом або жирним шрифтом. Незважаючи на те, що перші три типи графонів не представлені у текстах придністровських україномовних письменників, проте ми коротко зупинимось на їхньому описі, оскільки без цих компонентів розгалужена система графонів буде неповною.

Функціонування графем інших знакових систем у кириличному тексті створює візуальну ілюзію графічного символу та виступає компонентом мовної гри. Таким чином автори прагнуть зацікавити читачів, привернути їхню увагу до представленої інформації.

Цей тип графонів експлікує нові тенденції у мові, сприяє реалізації принципу мовної економії та виступає ефективним засобом підвищення експресивності тексту.

Дефісація – графічний символ, який дозволяє «розтягнути» слово в площині тексту, іноді порушити структуру слова, словосполучення, чи об'єднати декілька понять в одну конструкцію, зумовлюючи зміну значення, конденсування в одному об'єкті багатьох смислів або експлікації певної музичної інтонації.

Мультиплікація (редуплікація) – це графічний прийом, який полягає у повторенні букви чи буквосполучень із метою передачі тривалої вимови та важливості презентованої інформації. Такий тип графонів надає можливість використання нестандартних рішень і втілювання різних творчих ідей.

Уживаючи факультативні лапки для стилістичної оцінки слова чи словосполучення, автори найчастіше вказують на розмовний характер та подвійний смисл слова: Зникла під «бавовною» стежина, / Розмахались дерева гілками (Г. М. Васютинська). Час надійшов вже до школи ходити їм, / Але вони і майбутні їх вчителі / «Вчили уроки» страшної війни (Г. М. Васютинська). Купують нас у роздріб і навалом / За крадені «зелені» папірці (В. Д. Сайнчин).

Цей тип графонів у літературному дискурсі нерідко стає основою іронії, змінює семантичне наповнення слова, нашаровує інше, часто переносне, значення, створюючи яскраві, художньо насичені контексти та актуалізуючи підтекст.

Візуальне виділення певних елементів з-поміж інших, увиразнення тексту чи певного слова може досягатися завдяки застосуванню капіталізації (написання слів або їх частин з великої літери).

Великими літерами найчастіше представляють експресивні, на яких акцентує увагу автор твору, крім того капіталізація здатна презентувати карбований ритм, виразне уривчасте звучання (Наше ймення безсмертне – ПРИДНІСТРОВСЬКИЙ НАРОД (В. Д. Сайнчин) або навіть посилення голосу (Вивчайте МОВИ, їх покликання високе (В. Д. Сайнчин). Юля знову згадала ТОЙ сон, вона пам'ятала його в найдрібніших подробицях. Їй снилася жінка. Потім Юля з подивом впізнала в Олені цю жінку зі свого сну. Вона була одягнена в сонячне плаття, а в волоссі у неї були квіти (Т. І. Базилевська)).

Поєднання капіталізації з факультативними лапками у творчості україномовних письменників Придністров'я презентує не іронічне ставлення автора, а швидше нашарування підтексту на лексичну одиницю та результат осмислення автором певних явищ та реалій дійсності: «БЛАГАЯ ВЕСТЬ» прийшла до нас з Росії (В. Д. Сайнчин). Я слово «МАМО» більше не скажу (В. Д. Сайнчин).

Капіталізація може бути повною, коли всі літери у слові експлікуються великими літерами, або частковою, коли великими буквами презентується лише частина слова.

Основна задача шрифту – репрезентувати текст не відволікаючи увагу реципієнта від основної інформації, проте найбільш важливі компоненти тексту можуть бути представлені зі змінами у шрифті: курсив,

жирне накреслення літер або розрядка.

Курсив у художньому тексті нерідко імітує рукописний текст. Аналізований тип графонів створює відповідний семіотичний ефект, посилює семантичне навантаження виділених лексем як центрального компонента художнього тексту.

Виділення жирним або напівжирним шрифтом також дозволяє привернути увагу до певного уривку тексту: Збіглись всі на гірку діти, // Кольорові, наче квіти. // Жовті, голубі, бордові – // В діток куртки кольорові (О. В. Гешко).

Аналізовані типи графонів є продуктивним засобом експресивізації та увиразнення тексту.

Графони, які базуються на специфічному використанні пунктуаційних знаків. Пунктуація є системою графічних неалфавітних знаків, що виступає базовими засобами письмової мови. Головна функція пунктуації полягає у членуванні та графічній організації письмового друкованого тексту.

Розділові знаки інтерпретують як графічні знаки, що використовуються в письмовому мовленні з метою вказівки на його декламаційно-психологічне членування, а також для передачі таких особливостей його синтактико-семантичного читання, що не можуть бути виражені ні порядком слів, ні морфологічними засобами.

Крім експлікації ритміко-мелодійної будови мовлення, пунктуація посідає важливе місце у передачі ставлення автора до висловленого, репрезентації імпліцитної інформації, стимуляції бажаної емоційної реакції в читача.

Нерідко до графонів, які базуються на специфічному використанні пунктуаційних знаків, поети звертаються задля уникнення нецензурної лексики: В Бухарест під цим девізом // Позбігались ср...лизи (В. Д. Сайнчин).

Іноді автори, навмисно вживаючи надмірну кількість крапок, створюють простір для фантазії читачів, роблячи їх певною мірою співавторами художнього твору.

Потрібно нам тісніше згуртуватись,
Якщо сьогодні станем на коліна,
То більше з них
не зможемо піднятись.....
.....
(В. Д. Сайнчин).

Або презентує таким чином
квінтесенцію всього твору:
Ректор Поплавський на Україні
В своєму роді такий єдиний.
Хоча підгоптаний уже добряче,
То полюбляє дівчат гарячих,
Пораздягав всіх аж до нікуди
І все це шоу виніс на люди
.....
Чекайте люди, чи то ще буде (В. Д. Сайнчин).

Функціонування знаків оклику та питання заслуговують на особливу увагу. Насиченість тексту вказаними знаками свідчить про його емоційність. Знак оклику в реченні, що не є окличним, може виражати іронію або обурення: Перекроїли абсолютно все! (Т. І. Базилевська) Чого ж тобі, здавалося, ще треба?! (Т. І. Базилевська).

Редуплікація цих знаків свідчить про навмисну інтенсифікацію експресії: Звичайно, десятикласників, а тим більш десятикласниць, пригощати шампанським – не педагогічно, але !!! (Т. І. Базилевська).

Відсутність розділових знаків дає читачеві можливість варіювати темп прочитання та самостійно визначати смислові центри висловлювання.

Таким чином, розділові знаки є унікальною невербальною семіотичною системою, одиниці якої здатні експлікувати комунікативно-прагматичні значення й просодико-інтонаційні нюанси в письмовому художньому тексті.

У художніх текстах придністровських україномовних авторів графони виконують такі функції:

- встановлюють ієрархію значень та елементів всередині твору, тобто висувають на перший план особливо важливі компоненти повідомлення;
- забезпечують зв'язність та цілісність тексту, водночас сегментуючи твір для кращого сприйняття його адресатом, а також встановлюють зв'язки всередині тексту або між його окремими складовими;
- формують естетичний контекст та виконують функцію експресивності.

Крім представлених функцій О. В. Мельніченко зазначає, що «графони, втілюючи комунікативні стратегії глобалізації, контрастування та створення дискомфорту, виступають у ролі елементів, що організують та створюють загальний дискурсивний семіозис, сприяють процесу взаємодії комунікативних стратегій та актуалізують релевантні дискурсивні зв'язки» [6, с. 225].

Особливого значення графони набувають у поєднанні з іншими експресивно вживаними засобами мови – словотворчими, морфологічними, синтаксичними, а особливо з лексико-семантичними.

Художній текст нерідко інтерпретують як мовленнєвий конструкт, що становить певну звукову послідовність, з якої вибудовується послідовність слів, словосполучень, речень, фраз та всього тексту.

Алітерація та асонанс представляють потужний корпус фонетичних засобів стилістики сучасного україномовного поетичного тексту. За словами Г. В. Коваль, незважаючи на те, що «звукові повтори складають нижчий структурний рівень поетичного тексту, проте вони мають високу естетичну вартість та організують мовлення у звукову цілість» [3, с. 608].

Алітерацію визначають як «повторення однакових чи подібних за звучанням приголосних або звукосполучень з метою підсилення чи інтонаційної виразності тексту» [8, с. 18]. Аналізоване явище найчастіше використовується з метою створення звукового обра-

зу: Враз не злічити безмірних утрат, // Все переніс і стерпів наш солдат (В. Д. Сайнчин).

Алітерація у наведеному уривку передає семантику болю, який набуває розпачу, максимальної експресії, аж до трагізму: Прорвемось крізь кордони, // Блокадні перепони (В. Д. Сайнчин). Придністров'я, край мій рідний, // Джерело співанок мирних (Г. Є. Делімарська).

Повтор комбінації губного та плавного часто служить способом відтворення звуків плескоти води особливо у поєднанні з іншими звуками: Сиве гілля розхитує набати, // Полоще горе в плескоті ріки (Г. Є. Делімарська). Аналогічно, – // сірий плащ // Піде повільно сивий дощ, // Переплетує із сумом дивним (Г. Є. Делімарська).

Створенню звукового образу сприяє й алітерація в поезіях «Блокадна весна»: Вітри весінні вже гуляють в полі (В. Д. Сайнчин) та «Ранні роси»: Ранні роси, сиві коси (В. Д. Сайнчин). Повтор приголосного звука [в] та [с] породжує імітацію свисту весняного теплого вітру, занурюючи читача в зображувану картину, перетворюючи його зі звичайного слухача на учасника описуваних подій. Це значно підсилює експресивність та виразність поетичного тексту, робить його фонетично вмотивованим.

Асонанс – «стилістичний прийом звукопису, повторення однакових голосних у тексті» [7, с. 19]. Цей прийом надає віршованій мові милозвучності, підсилюючи її музичність та полегшуючи процес запам'ятовування твору: Ескімо – морозиво, / Холодить морозами, / Хто солодкого ковтне, / Той пізнає букву Е (Г. М. Васютинська) (ненаголошений [и] у своїй артикуляції наближається до [e]). Букву цю пізнаєш ти, / Є вона в словах «кרותи», / «Миша», «сир» і в слові «ми», / Ти завчи цю букву «И» (Г. М. Васютинська).

Частотне використання алітерації та асонансів дозволяє авторові підсилити музичність та ритмічність віршованих рядків, сприяє створенню звукового образу, а відповідно й підвищенню ступеня виразності та експресивності.

Повтор голосного [і] у творчості придністровських письменників не тільки надає твору більшої виразності, а й стає експлікатором почуття любові та ніжності: І теплі, ніжні, мамині долоні, // Які завжди від вітру зігрівали (В. Д. Сайнчин). Дві каплі роси на світанні // Зієднались у палкім коханні (В. Д. Сайнчин).

Наскрізний повтор звуку [і] створює особливу мелодійність, слова ніби переливаються одне в одне: Осінь інеем раннім іскриться, // Журавлі в дальній вирій зліта (В. Д. Сайнчин).

Нерідко на основі алітерації вдається створити яскравий звуковий образ: Носились вітри по Україні – // Білі, блакитні, жовті та сині (В. Д. Сайнчин). Вітри співають у чистім полі (В. Д. Сайнчин). Вітри весінні, вже гуляють в полі (В. Д. Сайнчин).

Завдяки поєднанню алітерації та асонансу читач ніби відчуває подих наростаючого вітру в полі: Два

вітри, сирітські доли, // У небі високім // Пролітали понад полем // Вік свій вікували (В. Д. Сайнчин).

На основі регулярного фонетичного та лексичного повтору іноді будується цілий текст. У таких випадках з певністю можна твердити про когерентну функцію аналізованих видів повторів: Білим сніжить на ланках, // Біле гілля на садах. // Біла стежка до села // Білу стрічку провела. // Білі хати, білий дім (В. Д. Сайнчин).

Кількаразовий повтор звуку [а] відтворює відчуття радощів, бадьорості, надії: Там, де спочивають вишиваним дивом: // Жде весільний гопачок, дозріває нива (Н. Є. Делімарська). В'юнки обабіч, рай діброви // Солодким спогадом манить; // На плаю матінки розмова // Втішаючи, благословить... (Н. Є. Делімарська).

Повтор голосного [и] допомагає авторові створити відчуття тривожності, передає динамічність руху в віршах: А коли над рікою // Повалив чорний дим // Рибничани горою // Встали всі як один (В. Д. Сайнчин). Повтор голосного [о], також виконує експресивну функцію: Є у тому серці роздуми про волю, // Про шляхи родинні і козацьку долю (Н. Є. Делімарська). Як хороше! Нескошені жита // Розсію десь, – як хороше бринять! // Кульбабі воля: по моїх літах за горизонти сонячного дня (Н. Є. Делімарська).

Асонанс не тільки допомагає надати поезії більшої виразності, а ще й малоє перед читачами конкретний звуковий образ. Найчастотнішим у творчості придністровських письменників є повтор голосного [і], що передає позитивні враження та відчуття, менш вживаними є повтор [о] та [и], останній з яких найчастіше передає тривожні почуття.

На особливу увагу заслуговують поєднання алітерації з асонансом. На думку Тележкіної О. О. таке їхнє функціонування сприяє «створенню живописного звуко-смыслового малюнку» [9, с. 85].

Фонетичні засоби в художньому тексті виконують такі функції: функцію когерентності (поєднання слів та ідей у висловлення та текст); евфонічну функцію (мелодійність тексту); функцію актуалізації (виділення елемента висловлювання); мнемотехнічну функцію (полегшення запам'ятовування); експресивну функцію (експлікація більшої виразності й образності) та емотивну функцію (презентація емоцій автора).

Проведений аналіз показав, що фонографічні одиниці ізолювано не здатні бути провідними у текстах україномовних авторів Придністров'я, проте роль їх зростає залежно від індивідуальних особливостей художнього твору. Використання аналізованих одиниць робить художній текст більш експресивним, виразним і фонетично вмотивованим.

Библиографические ссылки

1. Горбачёва И. А. Графон как средство репрезентации патологической речи литературных героев // Современные исследования социальных проблем. 2020, Том 12. № 4. С. 58–65
2. Каюмова Э. Р. Графическое оформление публицистического текста (на материале женских журналов) // Вестник

Череповецкого государственного университета. Серия «Филологические науки». № 1. Том. 1. 2012. С. 55–58

3. Коваль Г. В. Повтор у фольклорному тексті: поетика тожності // Народознавчі зошити. 2015. № 3 (123). С. 607–615

4. Куликова М. Н. Фонографическая стилизация речи (на материале перевода англоязычной литературы на русский язык) : автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2011. 20 с.

5. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие [для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М. : Просвещение, 1988. 192 с.

6. Мельніченко О. В. Роль графона в організації комунікативних стратегій глобалізації, контрастування та створення дискомфорту // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 14. Донецьк : ДонНУ, 2006. С. 221–226.

7. Українська мова. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / За ред. С. Я. Ермоленко. К. : Либідь, 2001. 224 с.

8. Українська мова: Енциклопедія / НАН України, Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні, інститут української мови; редкол.: В. М. Русанівський (співголова), О. О. Тараненко (співголова), М. П. Зяблюк та ін. 2-ге вид., випр. і доп. К. : Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2004. 824 с.

9. Тележкіна О. О. Мова української поезії II половини ХХ – початку ХХІ століття: фонетична, лексико-граматична і лексикографічна рецепція : Дис. ... док. філол. наук. Харків, 2020. 450 с.

10. Третяченко А. В. Художественно-стилевые особенности образа матери в творчестве Е.Гешко // С любовью к Слову : сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования (9–10 февраля 2021 г.) / отв. ред. О.В. Никифорова; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2021. С.198-200.

References

1. Gorbacheva I. A. Grafon kak sredstvo reprezentazii patologicheskoy rechi literaturnykh geroyev // Sovremennye issledovaniya sozialnykh problem. 2020, T. 12. № 4. S. 58–65

2. Kayumova E. R. Graficheskoye oformlenie publitsisticheskogo teksta (na materiale zhenskikh zhurnalov) // Vestnik cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki». № 1. T. 1. 2012. S. 55–58

3. Koval H. V. Povar u fol'klornomu teksti : poetika totozhnosti // Narodoznavchi zoshyty. 2015. № 3 (123). S. 607–615

4. Kulikova M. N. Fonograficheskaya stilizatsiya rechi (na materiale perevoda angloyazychnoy literatury na russliy yazyk) : avtoref. dis. kand. nauk : SPb., 2011. 20 s.

5. Kucharenko V. A. Interpretaziya teksta : ucheb. posobie [dla studentov ped. In-tov po spets № 2103 «Inostr. yaz.»] / M. : Prosveshchenie, 1988. 192 s.

6. Mel'nichenko O. V. Rol' grafona v oranzatsii komunikativnykh strategiy globalizatsii, kontrastuvannya ta stvorenniya diskomfortu // Lingvistychni studii : Zb. nauk. prats'. Vypusk 14 . Donets'k : DonNU, 2006. S. 221–226.

7. Ukrain's'ka mova. Korotkij tлумachnyj slovnyk lingvistychnykh terminiv / Za red. S. Y. Ermolenko. K. : Lybid', 2001. 224 s.

8. Ukrain's'ka mova: Entsiklopediya / NAN Ukrainy, Institut movoznavstva im. O. O. Potebni, Institut ukrain's'koyi movy; redkol. : V. M. Pusaniv's'kyj, O. O. Taranenko, M. P. Zyablik ta in. K. : Vid-vo «Ukr. entsykl.» im. M. P. Bazhana, 2004. 824 s.

9. Telezhkina O. O. Mova ukrains'koyi poeziji II polovyny XX – pochatku XXI stolittya : fonetichna, lexyko-gramatichna i lexykografichna retseptsiya : dys. ... dok. filol. nauk. Kharkiv, 2020. 450 s.

10. Tret'yachenko A. V. Chudozhestvenno-stilevye osobennosti obraza materi v tvorchestve E. Geshko // S lyubovyu k Slovu: sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiyem nauchnoj konferentsii, priurochenoj k 80-letnemu yubileyu doktora filologicheskich nauk, professora Lyudmily Alexeevny Klimkovej, spetsialista v oblasti leksikologii, dialektologii, onomastiki, slovoobrazovaniya (9–10 fevrala 2021 g.) / отв. red. O.V. Nikiforova ; Arzamasskij filial NNGU. Arzamas , 2021. S. 198-200.

Чёрный юмор с точки зрения социальной семиотики

Black humour from the perspective of Social Semiotics

В статье рассматривается чёрный юмор как источник данных о стереотипизации определённых социальных групп в современном российском обществе. Изучение текстов чёрного юмора с точки зрения их ориентации на конкретные социальные группы позволяет идентифицировать такие группы и изобразить их социально-символические образы в традиционном культурном мышлении.

The paper considers black humour as a data source of stereotyping certain social groups in contemporary Russian society. The study of black humour texts in terms of their targeting specific social groups makes it possible to identify such groups and portray their socially symbolic images in conventional cultural thinking.

Ключевые слова и фразы: чёрный юмор, социальная семиотика, мультимодальность, дискурс, новая научная парадигма, культура.

Keywords and phrases: black humour, social semiotics, multimodality, discourse, new scientific paradigm, culture.

Геннадий БЕРЕСТНЕВ

Gennady Berestnev

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Россия

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

1. Introduction

The phenomenon of very deep historical, cultural and cognitive roots, today black humour is of increasing interest to researchers. The elements of black humour can be traced back to the Second millennium BC Acadian riddles and to Latin poetry; they are typical of a variety of folklore traditions and of ritual sacrilege in certain religious systems; children's horror stories are also related to black humour. The «black» theme occupied an important place in the work of Russian classic writers, namely, N.V. Gogol and A.K. Tolstoy; later it emerged in the works of European authors, among them: J.-C. Juris-Karl Huysmans, André Breton, Charles Pierre Baudelaire, Alphonse Allais, etc. [see 12, p. 37]. The goals pursued in the studies of black humour are very diverse; however, they are always focused on the phenomenon per se or its subject. Black humour is investigated for its psychological functionality [31; 36], through the lens of philosophical ideas associated with it [5], for its game principles [4], thematic priorities [12], aesthetic properties [8], certain genre forms [3; 30], and linguistic traits in the work of individual writers [7]. In some cases, black humour is considered in terms of a person's deep psychological or cognitive abilities [2; 17].

The novelty of this work consists in viewing black humour from the socio-semiotic perspective, i.e. as a source of information about cultural stereotypes associated with certain social groups in contemporary Russian cultural thinking. The study is based on the over-2500-strong body of «black» texts of various genres.

The purpose of the study is to identify the social groups at which black humour is directed in the Russian linguistic-cultural tradition; the research also aims to establish specific characteristics determined in relation to these groups. There is yet another aim: the challenge was to analyze Russian black humour and make it understandable for people who belong to another culture and do not know Russian.

The theoretical basis of the research is determined by the dynamism of scholarly paradigm and semiotic nature of cultural phenomena, with black humour as part of the latter; by the socially conditioned signs of this kind; and by the possibility to reconstruct the semantics of such signs in the light of their social orientation. That said, we argue that social semiotics as a new scholarly discipline results from the evolution of the modern science's paradigmatic stance, and is consistent with the basic processes in this field.

The method of identifying the socio-semiotic stereotypes in question is largely defined as a special kind of reconstruction. In essence, the content structures of these stereotypes are recreated from individual conceptual components traced in black humour texts. The systemic principle is of crucial importance herein: the conceptual content reconstructed in this way is deemed significant if it is repeatedly reiterated in different contextual circumstances. Ideally, we should take into account either linguistic or visual coding of black humour.

The verification of such reconstructions should rest on an interdisciplinary basis, that is, the findings are considered credible if they are independently established within other scientific disciplines — linguistics, cultural studies, psychology, the history of religion, and philosophy.

The analysis of black humour texts regarding their social group focusing made it possible to identify such groups and recreate their socially semiotic portraits in common cultural conception. The identified groups appear to be united by such factors as profession, kinship, and age. Within the «profession» groups there are such actors as doctors, military men, pathologists, and executioners. Within the «kin-

ship» group, the nature of social semiotics is manifested through the relationship of spouses, parents and children, grandchildren (grandparents), sons-in-law, and mothers-in-law. The social group united by the age factor contains children, on the one hand, and, on the other, old people who embody the source of unmotivated evil.

An important part of the work is the summing up of the obtained results as well as additional data substantiating the reconstructions performed. Herein we assert that the reconstructions support the pessimistically tinted philosophical concepts observable in the black humour texts. It is also shown that the data obtained are confirmed by texts of other semiotic modalities, on the one hand, and by cultural circumstances, on the other. In addition, this part of the article sets the immediate tasks for suchlike socio-semiotic studies, the priority being the search for new symbolic modalities.

2. Paradigmatic features of modern humanities

Contemporary human sciences boast a number of features that demonstrate general trends in their development: changes in the direction of basic research interests and in the choice of subject, and the new objectives that these sciences set for themselves. Also noteworthy is an ever more active convergence of disciplines sharing the most productive categories, problems, and methodological principles, which leads to the emergence of interdisciplinary research paths. This process is defined as «expansionism» [19; 20]. Thus, the interaction of psychology and neuroscience resulted in the emergence of neuropsychology exploring brain systems, mental processes, and behavior of living beings; close cooperation of psychology, neurology, and linguistics brought about neurolinguistics studying the brain mechanisms of speech activity and ways to restore its impediment; modern cognitive linguistics has evolved as a result of combined efforts in the fields of psychology, the theory of knowledge, and linguistics.

Another distinctive feature of modern human sciences associated with the above processes is the rapidly changing paradigmatic principles and the fuzziness of their disciplinary boundaries. Thus, in cognitive linguistics, language has practically ceased to be a research subject, acquiring the status of a data source instead. Rhetoric as a fundamental discipline about the means and ends of persuasion increasingly converges with the theory of communication and is now being internally transformed, also trespassing on applied research fields (see, for example, [9]). The boundaries of such inherently interdisciplinary fields as ethnolinguistics and linguocultural studies are often blurred too; these disciplines converge with history, on the one hand, and with certain areas of anthropological studies, on the other.

Another paradigmatic feature of the humanities of today is their pronounced explanatorism, their striving for a thorough elucidation based on viewing objects from broad theoretical perspectives. Hence, cognitive linguistics explains linguistic facts from the point of view of a person's cognitive activity. Recent research shows that some psychological

phenomena (in particular, synchronicity) are considered in terms of the quantum theory (see, for example, [25, p. 126; 35, p. 179-184]) Moreover, theoretical convergence of physical and psychical realities in this framework appears to be especially promising. At this point, the quantum theory is defined as a more general and adequate one as compared to the theory of the external physical world – cf.: «Classical mechanics is a limited version of quantum mechanics» [13, p. 16]. L. Susskind and A. Friedman also note, «Usually, we first study classical mechanics, and then we approach the quantum mechanics. However, quantum physics is much more fundamental than the classical one» [33, p. 16].

Regarding the «paradigm tension points» in the human sciences, their anthropocentric nature is essential, which means that all the data received by the humanities are interpreted as various functional manifestations of a human being who is regarded as a cognitive, rational, emotional, communicative, creative, etc., individual. The investigation of these human functions allows the researcher to comprehend the very subject under study – man in all his diversity.

Lastly, modern human sciences are noted for their close attention to «live» reality, which encompasses psychological, semantic, communicative, cultural, and social components. It is one of the reasons why in linguistics, for example, the notion of «strong» semantics acquired special significance. As opposed to the «weak» semantics, which resides in the sphere of language and constitutes exclusively part of one's mentality, the «strong» semantics correlates meaning with the extralinguistic sphere, and is oriented toward it. This caused the merging of intralinguistic explanatory and extralinguistic encyclopedic dictionary concepts in lexicographic practice, and resulted in the arrival of new explanatory and ethnolinguistic dictionaries (see 34). With the help of new, increasingly sophisticated instruments, psychology elaborated methods for investigating human mental health using technology-based approaches to research the central nervous system activity. Recognition of the altered states of consciousness and the religious experience of a person led to the formation of a new psychological field called transpersonal psychology, whose specific task is to develop new effective psychotherapeutic practices (see [4; 32])

3. Paradigmatic features of social semiotics

In step with all these trends is the new synthetic discipline of social semiotics aiming to study the semioticity and the communication potential of various social phenomena. One of the discipline's main characteristics is its interdisciplinarity – cf.: «... it is a type of interdisciplinary analytical communication studies designed to explain the process of creating meaning as a social practice» [14]. The outlines of the discipline are also largely determined by its links with sociology, political science, and cultural studies; it is oriented towards the fields of power and ideology, and seeks to analyze the content patterns that are especially relevant for these spheres. The interdisciplinarity of social semiotics is fundamentally broad: it is not of a purely theoretical kind

and is largely oriented towards social practices.

The paradigmatic boundaries of social semiotics are indistinct. This is not due to its interdisciplinarity alone, its connection with the general theory of sign systems, linguistics, sociology, and culture; but it also concerns the transformation of the categorical base. Accepting the principles of structural semiotics, scholars in the field of social semiotics «developed and rethought some of the structural semiotics provisions, such as the concepts *of language, sign, interpretation (semiosis), and model of the sign*» [14, p. 2].

By its very essence, social semiotics represents a strong tendency to reach out for higher theoretical levels of comprehending social reality, thus opening up new vistas on the possibility to adequately explain its inherent nature. Actually, this assumption has laid grounds for investigating social phenomena from the standpoint of the general theory of signs. What is externally observed in society is viewed in social semiotics as a sign of the current ideological processes. The main sign system under observation is the language with its discursive practices; however, cultural «texts» of other types are also recognized as such systems. That is why the main method of social semiotics is «the interpretation of language within a sociocultural context, in which the culture itself is interpreted in semiotic terms» [15, p. 2].

Social semiotics is fundamentally oriented towards real events and facts of social life. This fact brought about the category of «semiotic resource» (under the influence of Halliday's ideas). The semiotic resource is defined as «actions and artefacts we use to communicate, whether they are produced physiologically—without a vocal apparatus; with the muscles were used to create facial expressions and gestures, etc.—or by means of technologies— with pen, ink, and paper; with computer hardware and software; with fabrics, scissors, and sewing machines, etc.» [21, p. 85]. Social semiotics' primary focus on reality is also manifested in the fact that the discipline explores various forms of social practices in order to understand the underlying ideology. An example of this kind (confirming, among other things, a well-known proposition about the world-creating capacity of language) is given in «Social Semiotics» by Hodge and Kress [16]. The authors describe an episode in which feminist activists erase a sexist (in their opinion) advertising slogan and replace it with a new text consistent with their ideology. The theoretical basis for this attitude is the proposition that «signs are always motivated from the perspective of the producer's interest and the characteristics of the text chosen for critical analysis» [18, p. 173]. Therefore, by identifying this motivation it is possible to understand the interests of both producers and further users of the sign.

As for the principle of anthropocentrism in social semiotics, it is expanded and transformed into the principle of socio-centrism. The main focus of scientific interest in this case is not an individual person but a set of people – certain social groups defined by the common grounds, such as gender, age, profession, sphere of interest, level of financial wellbeing, etc.

This raises the question of new perspectives of social se-

miotics. Their investigation can reveal certain ideological stances in society and, at the same time, explain deep cognitive processes in the human psyche.

4. Black humour as the subject of social semiotics

Among the prospective objectives of social semiotics, there are discursive formations of black humour, which vary in their codes (modality). Following the game principle (universal by nature and inherent in animals too), black humour also constitutes a specific psychological universal whose elements are also noted in animals².

In the most general sense, black humour is perceived as a mockery of various «dark» situations, frightening in normal human conditions. More specifically, it is the type of humour targeting at six major themes: death and everything associated with it, the destruction of a person's physiological integrity, fear of a certain danger, a threat to relatives, social catastrophes, and destructive necrophilia (acc. to E. Fromm – see [12]).

Considering discourses that represent black humour in terms of their orientation towards existing social groups allows us to identify such groups and recreate their socially symbolic portraits in the common cultural thinking.

These considerations make it possible to distinguish three social groups whose ideological features are distinctly defined in the black humour discourse.

4.1. Occupational group

This group mainly embraces four professions: doctors, the military, pathologists, and executioners. The common ground they share appears to be the possible connection of these professions with people's destructive actions or states in real life.

4.1.1. Doctors

In these contexts, doctors, by and large, emerge as cynics – it is their main social characteristic. They often make overly straightforward statements about the patient's illness or, conversely, talk about it indirectly, with an inappropriate ease. They apparently enjoy it and tend to involve game elements in conversation, which are in principle foreign to such communicative situations. Both ways, a comical effect is created. The black humour targeted at doctors can also be associated with more severe, but also inappropriate, manifestations of necrophilia on their part. Cf. 3:

(1) «Петров, поступили окончательные результаты Ваших анализов. Думаю, Вы покинете больницу в течение этой недели.»

«Доктор, огромное спасибо!»

«Боюсь, больной, Вы не совсем правильно меня поняли...»

«Mr. Petrov, we have received the lab results of your tests. I think you will be discharged from hospital this week.»

«Doctor, thank you so much!»

«I don't think you understood me correctly.»

(2) «Доктор, это правда? У меня уже нет

туберкулеза?»

«Абсолютно, милый, абсолютно!»

«Дайте я Вас расцелую за это!»

«Э, нет! Не надо!!!»

«Doctor, is this true that I have no tuberculosis any more?»

«Absolutely not, dear!»

«Let me kiss you for this!»

«Oh, no! Please don't!!!»

(3) Хирург возвращается домой с работы. Навстречу ему с радостным лаем бросается любимый пес. Хирург его гладит и приговаривает:

«Миленький, хорошенький... Зря подлизываешься. У меня сегодня не операционный день».

A surgeon returns home from work. His beloved dog rushes to him with a joyful bark. The surgeon strokes him and says:

«You're a good boy... But no use to suck – it wasn't an operation day.»

It should be noted that such a distribution of social roles of the doctor and patient in the black humour texts can be reversed. The doctor may appear an absolutely adequate person; Instead, the patient or a third party may get involved in the above-mentioned communicative ill practices. Such inconsistencies make up the basis of the ridiculous. Compare:

(4) «Доктор, доктор, как он?»

«Вы знаете, он в тяжелом состоянии, у него обширный инфаркт, переломы!»

«Я могу с ним поговорить?»

«Нет, к сожалению, это невозможно! Если вы что-то хотите ему сказать, скажите мне, я передам!»

«Спросите у него, сдала ли я на права?»

«Doctor, how is he?»

«You know, he is in serious condition, he has suffered a heart attack and bad fractures too!»

«Can I talk to him?»

«No, unfortunately, it's impossible! If you want to tell him something, I'll pass it on to him!»

«Ask him if I have passed my driving test, please.»

4.1.2 . Military

The military in the black humour texts are represented by two groups, each revealing its own distinctive features: they are middle-class officers and soldiers. The former are commonly perceived as rude and callous logical and emotional perverts. Sometimes they try to be sensitive and delicate, but inevitably fail; such attempts cause laughter. The rank-and-file are often typically cunning guys eager to dodge the service at any cost, or, on the contrary, they are portrayed as stupid or sloppy. The way the rank-and-file behave and the fatal consequences of such behavior constitute the ridiculous core in the joke. Compare:

(5) Урядового Иванова умер отец. Пришла телеграмма

в часть. Полковник вызывает старшину и говорит:

«Слушай, такое дело, ты скажи как-нибудь Иванову поделикатней.»

Старшина выстраивает роту и говорит:

«У кого живы отцы, шаг вперед. Иванов! А ТЫ КУДА ПРЕШЬ?»

A telegram arrives saying that private Ivanov's father has died. The colonel calls the sergeant-major and says:

«Find a delicate way to inform private Ivanov about the sad news.»

The sergeant-major lines up the squad and says:

«Those who have their fathers alive, step forward. Ivanov! What's it to you? Stay where you are!»

(6) Последние слова новобранца с боевой гранатой:

«До сколько, вы говорите, я должен досчитать?»

The last words of a novice recruit with a grenade:

«To how many, you say, do I have to count?»

4.1.3. Pathologists and executioners

At first sight, in the Russian sociocultural consciousness pathologists and executioners differ drastically: pathologists explain death while executioners perform it. Therefore, the first category of person ages follows death looking for its cause, while the latter directly precedes death causing it. However, they have much in common. By and large, they both legally deal with death, they actually preach it. Moreover, the existential aspect reveals the closeness of pathologists and executioners even more distinctly: people from both groups conscientiously fulfill their death-related duties and thereby «tower» over death. They are even capable of having kind feelings to those who they deal with or to the circumstances related to death. This incompatibility of death and positive emotional state of pathologists and executioners has a symbolic character in black humour, making the butt of the joke. Compare:

(7) Пришла весна. Зазвенела капель. Запели птички. Дворник Николай вышел на улицу. Сорвавшаяся с крыши сосулька убила дворника Николая.

Патологоанатом в морге задумался над графой о причине смерти и, улыбнувшись, написал: «Весна пришла!»

Spring has come. Birds are singing, icicles dripping. Nicolay the street cleaner goes out into the street. An icicle breaks off the roof and kills Nicolay the street cleaner.

The pathologist in the morgue is dreamily pondering on what to write down as the cause of death. Smiling softly he finally writes down, «Spring has come!»

(8) Палач всю ночь готовился к юбилейной – 1000-й казни, топор наточил до состояния бритвы. Утром на помосте приговоренный кладет голову на плаху. Взмах топора... Приговоренный:

«Что, уже все?»

Палач:

«Да.»

«А почему я ничего не чувствую?»

«А ты кивни...»

An executioner spent all night preparing for the jubilee – his

1000th execution. He had sharpened his ax really fine. In the morning, the condemned man on the scaffold puts his head on the block. A sweep of an ax ...

Condemned man:

«Is that all?»

Executioner:

«Yes.»

«Why don't I feel anything?»

«And why don't you try to nod...»

Within this group, it is noteworthy that within the sociocultural space doctors and pathologists are seen as a close-knit set – among other things, they are linked together by such a professional function as diagnosing. However, in black humour, pathologists are above physicians in this regard, because their diagnosis, by and large, is more accurate and reliable than the medical one. The contrast between two diagnoses, the doctor's and the pathologist's ones, produces a comic effect. Compare:

(9) «Я был у нескольких врачей и ни один не согласен с Вашим диагнозом.»

«Ну что ж, подождем вскрытия.»

«I've seen several doctors and none of them agrees with your diagnosis.»

«Well, OK, let's wait for the autopsy.»

4.2. Group determined by the kinship factor

Within this group, there are several indicative relations enjoying the status of socially semiotic constants. They are: relationships between spouses, parents, and children; grandchildren and grandparents; mother-in-law and son-in-law. It is important to note here that all these constants are also of trivial nature; in fact, they are peculiar sociocultural clichés only partially reflecting reality.

4.2.1. Relations between spouses

A characteristic feature of these relations in black humour is the indifference or even hatred between husband and wife, which is disguised in seeming tenderness and care. The risorial in such situations is caused by an unexpected truth often revealed by a simple-minded or thoughtless wife³. Compare:

(10) Умирающий муж говорит жене:

«Не плачь, родная! Ты наверняка еще выйдешь замуж...»

Она:

«Не говори глупостей! Вот если бы это случилось хотя бы на десять лет раньше...»

The dying husband says to his wife:

«Do not cry, my sweetheart! You are still likely to get married again...»

She says:

«Don't be silly! Had it happened at least ten years earlier...»

(11) «Мама, мой папа самый лучший! Он играет со мной в игры, дружит с моими друзьями, смотрит со мной детские передачи всегда весёлый и всегда улыбается. А почему другие папы не такие?»

«Потому что другие папы на работе, как положено, каски надевают, а твой папа не надевал.»

«Mom, my dad is the best! He plays games with me, makes friends with my friends, and watches children's programs with me! He is always cheerful and smiling. Why aren't other dads like him?»

«Because other dads follow safety rules at work and put their helmets on, and your father didn't.»

Newlyweds seem to enjoy much more open and radical relationships. However, in this pattern, the wife is rather depicted as aggressive than just stupid. She is the originator of a usually catastrophic family conflict. Compare:

(12) Через день после женитьбы молодая звонит своей маме:

«Мамочка, тут семейный скандал был, что делать, ужас...»

«Спокойно, милая, после свадьбы в каждой семье бывают неполадки, всё уладится.»

«Это все понятно... Но с трупом-то что делать?»

One day after the marriage, a young woman calls her mother:

«Mom, we have had a family scandal, Jesus, I don't know what to do, really ...»

«Calm down, my dear, after the wedding such things do happen. It'll settle soon.»

«Yes, I know, but... what shall I do with the corpse?»

4.2.2. Parents—children relations

These relations in the black humour discourse represent a rethinking of the basic attitudes of the participants typical of real life. Thus, parents are portrayed as strict towards their children; they are also cold, senseless and cruel. The children's naivety and playfulness are presented as sophisticated sadism. Parents can also demonstrate sadistic inclinations in game situations, for black humour usually treats the game as a dangerous occupation. Compare:

(13) «У тебя трое детей и они так хорошо себя ведут!»

«Это потому, что раньше их было четверо.»

«You've got three children and they behave themselves!»

«That's because there had been four before.»

(14) Вовочка забегает в комнату и кричит:

«Мама! Мама! Папа повесился!!!»

«Где!?»

«В спальне!»

Испуганная мать забегает в спальню — никого нет.

«С первым апреля, мама, он на кухне висит!»

Vovochka runs into the room screaming:

«Mother! Mother! Dad has hanged himself!»

«Where?»

«In the bedroom!»

The frightened mother runs into the bedroom, but here is no one in there.

«April Fool's day, Mom — he's hanging in the kitchen!»

(15) У мальчика не было ножек...

Сидит он в своем потертом инвалидном кресле и смотрит мультики... Вдруг заходит папа, подходит к телевизору и переключает на футбол.

«Папа, — говорит мальчик, — я хочу смотреть

мультимики».

«Так иди да переключи,» — говорит папа.

«Так у меня же ножек нету...»

«Нет ножек — нет и мультиков!!!»

A boy has no legs. He sits in his shabby wheelchair watching cartoons.

Suddenly, father comes in and switches the TV over to football.

«Daddy,» says the boy, «I want to watch cartoons».

«So go and switch the TV over,»- says Dad.

«But I've got no legs ...»

«Nolegs—nocartoons!»

(16) *На полу лежит мальчишка,*

Весь от крови розовый.

Это папа с ним играл,

В Павлика Морозова.

A boy is lying on the floor

Pink with blood all over.

That's his father played with him

A game of Pavlik Morozov.

The last example in this series requires additional comments. The clue to the comical effect is in cultural background. Pavlik Morozov is one of the most notable characters of communist mythology in Soviet Russia. Pavlik, who was fourteen years old, accepted the communist ideology and consequently came into conflict with the well-off people in his village, including his father. It is believed that for this «betrayal» his father killed him. This tragic collision forms a dismal basis for the father-and-son's game in this text. The narrative of the game in this joke is also dark and somber.

As Pleshakova has shown, linguistic, cultural, socio-political, and historical knowledge is crucial for understanding such texts (especially paradoxical ones) [28, p. 213-215]. Therefore, they may need to be provided with comments.

It is noteworthy, however, that black humour representing parents — children relationship can also be associated with a normal sense of love. In such cases love constitutes sociocultural characterization of parents and children, and the risorial is built on the circumstances beyond the immediate family relations. Compare:

(17) *Уютный вечер. Семья сидит у телевизора, пьет кофе. Звонок в дверь. Мать встает, идёт открывать. На пороге стоит здоровенный небритый амбал, под мышками у него два гробика. Он спрашивает:*

«Мамаша, это вы детей в пионерский лагерь отправляли?»

Она, хватаясь за сердце:

«Ааааах...»

«(Протягивая гробики) Возьмите, это они на трудовой практике сделали.»

A quiet evening. The family is having coffee in front of TV. The doorbell is ringing. Mother goes to open the door. She sees a huge unshaven bloke with two coffins under either arm. He asks:

Mother, did you send the children to the pioneer camp?

She gasps and groans:

«Ааааах...»

The bloke hands the coffins over to her:

«Here's what they have made at work practice.»

Children in black humour texts can also act outside any kindred relationship. In such cases, their behaviour is determined by cruelty, which can be motivated by their parents' strictness (and then cruelty is directed at them), but it can also be unmotivated, spontaneous. At the same time, children themselves get pleasure from their ruthlessness. In this way, the ideologeme «children are sadistic» is realized⁵. Compare:

(18) *Маленький мальчик кинжалчик нашёл,*

С этой игрушкой к отцу он пошёл.

Лезвие мягко вошло папе в спину —

Не отругает за шутку он сына.

A little boy a dagger found,

With this toy to his father he went.

The blade very softly entered Dad's back,

His son won't get no more reprimand.

(19) *Девочка Света нашла пистолет.*

Больше у Светы родителей нет.

A girl called Sveta has found a gun.

She used to have parents — now she has none.

(20) *Сидели в подъезде весёлые дети*

И пальцы ломали мальчику Пете.

Громко звучал звонкий радостный смех —

Нет ничего лучше детских потех!

Merry kids were having fun

Smashing Petya's fingers.

They would laugh and play and run

Singing funny jingles.

4.2.3. Grandchildren — grandparents attitudes

By and large, they are similar to those of spouses, as well as parents and children — namely, the visible love of grandparents to grandchildren actually disguises their actual coldness or indifference. And grandchildren, for their part, use their grandmothers and grandfathers causing them all sorts of trouble, but they also hide their own self-serving devices behind love words. See examples:

(21) *Маленький Костя с карниза сорвался*

Крик его вскоре внизу оборвался

Бабушка в комнату бросилась ланью —

Нет! Не задел он горшочек с геранью!

A little boy fell from the window,

And his cry soon died away.

Grandma rushed into the room —

Nooray! Her flowerpot's OK!

(22) *Парень присылает из армии домой гранату.*

«Дорогая бабушка! Если потянешь за это колечко, я смогу получить трое суток отпуска.»

A guy sends home a grenade from the army.

«Dear grandmother, if you pull this ring, I can get three days off.»

(23) *Костюм Смерти и капля актёрского мастерства ускорили освобождение бабушкиной квартиры.*

The costume of Death and a bit of acting helped to vacate

my grandmother's apartment much sooner.

All this allows us to conclude (perhaps with a certain degree of exaggeration) that the family in the socially symbolic space of black humour becomes «a real battlefield in which indifferent cynical, reckless and senselessly cruel relatives constantly mutilate and kill each other» [10]. Apart from that, this war is disguised in the most kind, gentle forms of care and love, making the struggle ever more Jesuitic.

4.2.4. The mother-in-law and son-in-law relations

The characteristic feature of this type of relations is one-pointedness. In the black humour discourse, the relation of a son-in-law to his mother-in-law is well defined, and it is distinctly negative; however, a mother-in-law's attitude to her son-in-law is not mentioned. Incidentally, the following non-strict rule operates: in their direct communication, a son's-in-law visible attitude to his mother-in-law is positive and emotionally favourable (he may even call her «mother»). Under other communicative circumstances, however, a true attitude towards her can be expressed.

(24) *Мужик в баре пьёт пиво. В это время врывается его друг, весь в слезах:*

«Вася, такая штука вышла... Друг! У тебя тёща под трамвай попала. Насмерть.»

Мужик медленно поворачивается к бармену:

«Горе-то какое... Налей-ка мне ТЁМНОГО пива.»

A man in a bar is drinking beer. His friend bursts in, all in tears:

«Vasya, there's bad news, my friend! Your mother-in-law got under the tram. She's dead.»

Vasya slowly turns to the barman:

«What a misfortune ... Pour me a DARK beer please.»

(25) *стоит у гроба своей тёщи*

совсем расстроенный максим

ведь через полчаса начнётся

зенит реал по энтэвэ

mother-in-law in the coffin lies stiff

Max by her side cannot cope with his grief

5 minutes left before real zenith

missing this match on TV's beyond belief.6

Maxim's frustration in this example is not due to his mother's-in-law death, but to the fact that he is missing an important football match – it's the only thing that bothers him by the coffin.

4.3. The 'age' group

Important old characters of black humour are the abstract old man/old woman and children (most often it's a boy). In this case, the former can be a source of evil for the latter. However, in such cases the external emotional background is an abstract complacency through which Schadenfreude sometimes breaks out. See examples:

(26) *Маленький мальчик по речке плывёт,*

Дедушка Сидор навёл пулемёт.

К небу взметнулся мальчишеский крик.

«Тоже Чапаев!» – хихикнул старик.

A little boy in the river is swimming,

Look, a machine gun Uncle Sidor is bringing.

The boy's scream shoots up to the skies.

«Чапаев indeed!» The old man smiles.

(27) *Маленький мальчик, погнавшись за мухой,*

Резко столкнулся с соседкой-старухой.

Уши оторваны прочь у ребёнка –

Злая попалась ему старушонка.

A little boy was chasing a fly,

He bumped in a biddy with all his might

The ears are torn away from the child –

The old bag was anything but kind.

Among the given examples, the text (38) deserves special attention, as knowledge of Russian history plays a key role in it. If a person is lacking this knowledge (for example, someone belonging to a different cultural milieu) he/she is unable to grasp the core of black humour here. However, obtaining the relevant cultural information makes it possible to restore the butt of the joke. In this text the key word is «Чапаев» – the name of the legendary hero of the Civil War in Russia (1918-1920). Influenced by the book by D.A. Furmanov, and even more so – by the famous film with the same title (*Чапаев*, 1934, directed by Georgy and Sergey Vasiliev), the version of his death was widely spread, according to which he drowned in the waters of the Ural River, shot from a machine gun by White Cossacks. Thus, the basis of black humour in this case is the ironical likening of the little boy to Чапаев from the point of view of Uncle Sidor's who shot the boy from a machine gun.

Children in black humour can act as a source of unmotivated evil, which is directed at all those who are in some way involved in the child's life. It is important to note, however, that in such cases children's evil deeds are not disguised in positive rhetoric, their destructive attitudes are directed not at their near and dear, but at strangers. Compare:

(28) *Маленький мальчик нашёл пистолет.*

Школа стоит, а директора нет.

A boy found a gun, and he made a quick shot,

The school is still there, but the headmaster's not.

(29) *Дети в подвале в индейцев играли,*

Копья, ножи, томагавки метали.

Не повезло первокласснику Стасу:

Кошки всю ночь ели свежее мясо.

Children played Indians in the cellar

Throwing in turns hatchets, spears and knives.

Stas-the-first-grader had bad luck, poor fellow:

Cats had a feast eating fresh meat all night.

(30) *«Мальчик, не включай центрифугу, я в ней работаю-ю-ю-ю-ю-ю-ю...»* (произносится с ускорением).

«Boy, do not turn on the centrifuge, I am working insi-i-i-i-i...» (pronounced with acceleration).

In black humour, the opposite is also possible: children try to save adults from danger, but they cannot do it because of the adults' frivolous attitude to children's warnings – so misfortune still happens. The comic effect in such cases is created due to contrast between the truthfulness of the warning and its subsequent genuine realization, which has a typical (usually iconic) verbal pattern. In general, from a socially semiotic point of view, children in such condi-

tions are portrayed as the favourable carriers of something unexpected and unworthy of the adults' attention. See examples:

(31) «Дяденька, осторожно, там на лестнице масло разлили.»

«Ерунда-да-да-да-да-да-да...»

«Sir, watch out, there's some oil spilt on the stairs.»

«Nonsense -ens-ens-ens-ens...»

(32) «Дяденька, не входите в лифт, он без дна!»

«Ерунда-а-а-а-а...»

«Sir, do not enter the elevator, there's no bottom to it!»

«Nonse-e-e-e-e-ense...»

In the 'age' group of black humour texts, there is another significant figure – an old woman, either weak-minded or burdened with daily problems (elderly men do not feature in this sense). The semantics of this figure in the social context is ambiguous: on the one hand, it as a source of danger, on the other, someone evoking sympathy. Compare:

(33) Звонок в аварийную горгаза:

«Сынки, что такое? Пилиту с утра включила, а газ не горит!»

«Бабуля, а вы спичку зажигали?»

«Ой, забыла, сейчас зажгу...»

A phone call to the Gas Emergency Service:

«Hi, dear, what's up? I turned the gas tap on, but there has been no flame since morning!»

«Ma'am, did you light a match?»

«Oh, I forgot. I'll do it straight away...»

In the corpus of black humour texts, there is a single example in which the figure of an old woman and the related context are associated with an opposing, negative ideology. See examples:

(34) Пьяная бабка за водкой пошла,

Случайно на рельсах копейку нашла.

Едет трамвай, вагоны качая,

Синие кишки на оси мотая.

To buy more booze went a drunken old bag,

She found a penny on the tram track.

There is that tram, the driver's not braking

As blue intestines on the axis are shaking.

The «old bag» mentioned here evokes contempt rather than sympathy which is due to the attribute «drunken», and «booze», both negatively connotated. The «old bag» is also not a respectable old woman, but rather a squalid person.

There is another case in which an old woman also does not evoke sympathy because she apparently violated generally accepted social norms in the past and exhibits anti-social behavior in the present. Once again, the joke is about an elderly woman with oddities she had acquired with age. Compare:

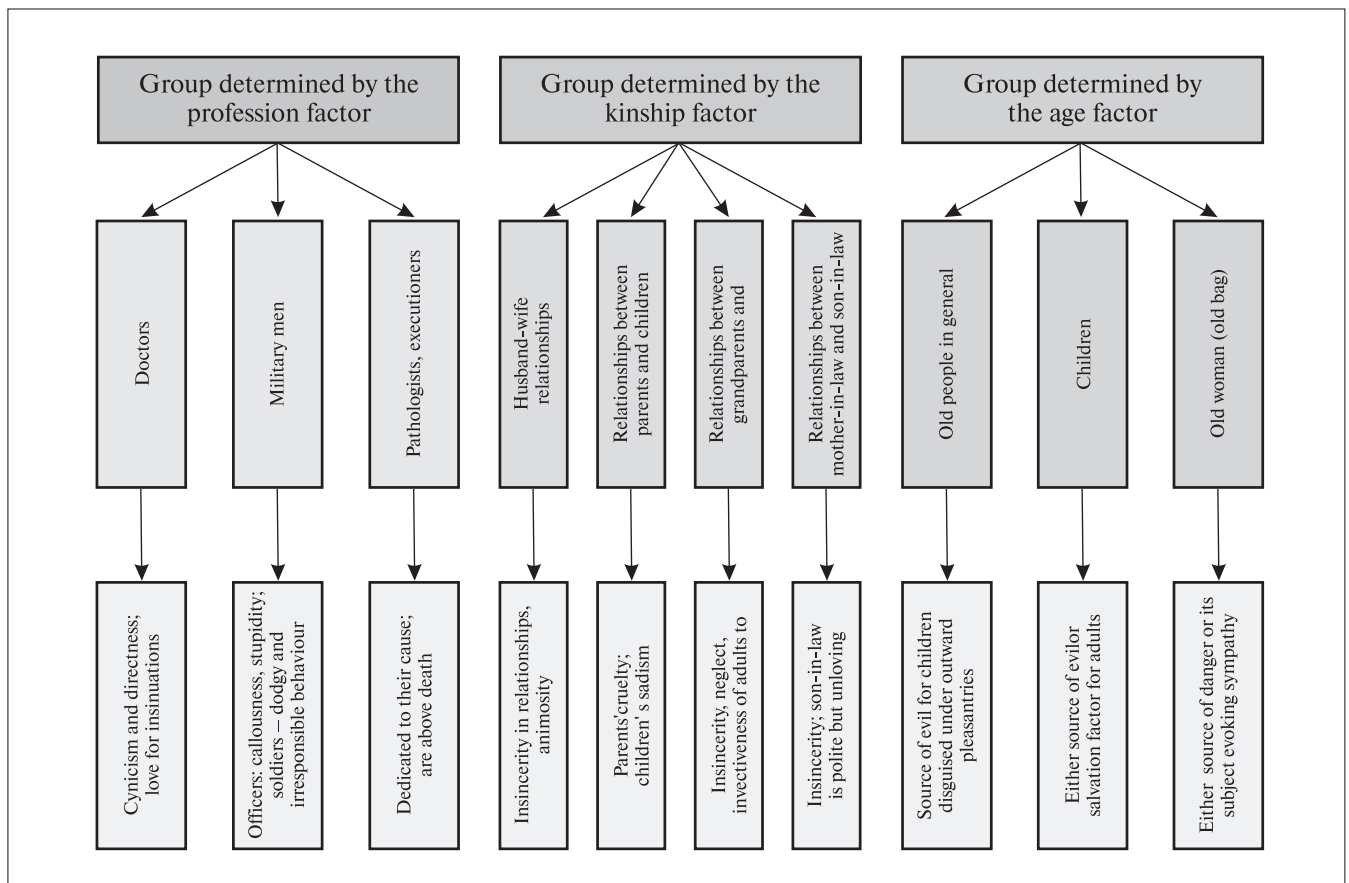

Figure 1. - The social groups in black humour contexts and their specific types in the Russian lingua-cultural tradition; the socio-semiotic semantics associated with these types.

(35) *В одном морге у покойников всё время руки исчезали. Покойника привезли, а через некоторое время он уже без рук...*

Решили работники морга устроить засаду и поймали с поличным какую-то бабку. Стали они её расспрашивать, зачем она это делает, и она им отвечает:

«Понимаете, я всю жизнь занималась хиромантией... А сейчас у меня такая проблема — никак не могу заснуть, если не почитаю что-нибудь на ночь...»

In a morgue, the hands of the dead bodies disappeared all the time. A corpse is brought and after a while it is already without hands.

The morgue workers decided to arrange an ambush and caught an old lady in the act. They began asking her why she did it, and she answered:

«You see, I'd been practising palmistry all my life. And now I have such a problem: I can't fall asleep without reading something before I turn in.»

Figure 1 shows the total set of the identified social groups in black humour and their specific types in the Russian lingua-cultural tradition, as well as the socio-semiotic semantics associated with these types.

5. Conclusion

What conclusions can be drawn about black humour and

its socio-semiotic potential in contemporary Russian linguistic culture?

First of all, it must be reiterated that black humour, apart from its cognitive, psychological and cultural components, has a pronounced semiotic constituent and can be regarded as an important subject of social semiotics. It is a cultural area that sheds light both on the stereotypes of the person's inner world and on the stereotypes of cultural perception of social reality.

Within the black humour framework, social semiotics allows recreating cultural portraits of the three most important social groups, which are determined by the profession, kinship, and age factors. Within these groups, subgroups are singled out. It is important that in the context of black humour discourse, the boundaries of these groups are rather blurred. Thus, one and the same «black» situation can relate to the individual's profession and his/her attitudes in terms of kinship relations, or age and similar attitudes. These circumstances are accounted for by multi-dimensional categorization of reality.

Investigating black humour texts from the standpoint of social semiotics allows us to speak more specifically of stereotyped human relations: if informal, they are nevertheless inherent in contemporary Russian cultural consciousness. Incidentally, these stereotypes are often portrayed in pessimistic hues (cf.: [5]) as there is a mistrust of good relations

¹ As early as 1950, Wolfgang Pauli wrote in one of the letters about the essential unity of the physical and mental worlds, in fact anticipating the paradigmatic changes in science that are currently observable: «It would be best if physics and psyche could be understood as complementary aspects of the same reality» (cited in: [25, p. 290]).

² Eugene Linden, author of «Apes, Men and Language» [23] noted that the vocabulary of chimpanzee Lucy, taught sign language by Jane and Mary Temerlin, included a word meaning «smile». He described this case. He came to a class with Lucy in his Lacoste shirt, the emblem of which is an embroidered alligator. When Lucy was asked about Eugene who it was, she climbed on his lap and, pointing excitedly at the green embroidery, not without a fraction of black humour replied that he was an alligator. Even more clearly the ability to make «dark» (or, more precisely — «dirty») jokes was demonstrated by another female chimpanzee, Washoe. One day, while walking on the shoulders of her tutor Dr. Roger Fouts, she pissed on him, and then showed a «funny» sign. She looked very pleased with herself [ibid., p. 91, 96].

³ The paper, including all the examples, is translated by L. Boyko. It is important to note here that some of these illustrations are particularly culture-bound, and the addressee's lack of cultural background (for example, because of his/her belonging to a different culture) does not allow him/her to appreciate these black humour texts. Special notes will accompany such examples.

⁴ The noted husband — wife attitudes in black humour also reveal gender stereotypes relevant to Russian sociocultural reality: compared to a man, a woman is considered to be more stupid, more naive, more talkative, and emotionally primitive. However, there is a reason to believe that it is a realization of male gender attitudes.

⁵ Studies show that, for all their focus on children, sadistic verses are nevertheless created by adult authors (see: [6, p. 29]). This means that from the social semiotics perspective the idea of children as sadists belongs to adults. Perhaps, this is a way to express the adults' fatigue of children's antics and, in general, of daily life problems.

⁶ Such texts have not been enjoying a long history in Russian culture. They are complete doggerel quatrains of ineluctably unrhymed iambic tetrameters written exclusively in lowercase, with no punctuation marks. The syllables per line are distributed as follows: 9-8-9-8. The authorship of pirozhki poems is most often uncovered (the author is seldom, if ever, indicated). Inhabiting the Internet space, such poetry is accessible to the wide public thus revealing a certain affinity to folklore and reflecting the main attitudes of mass ideology.

⁷ Meanwhile, Russian proverbs and sayings assert the value of real positive marital relations. This positivity is not superfluous, it rather establishes a profound essential harmony between husband and wife. Incidentally, the woman arguably plays by far the most important social role — cf.: *Man is the head, but wife is the soul; Living without a husband is like having no head; but living without a wife is like having no brain; Why look for a treasure if your family is all the pleasure; Living an accord is living a long life.*

in the family: the tender relationship of the spouses to each other is shown as false and insincere; grandchildren use their grandmothers (less often grandfathers) also being insincere towards them; children inflict evil on their parents, which is often reciprocated. Professions in which a person is expected to display understanding or compassion, either make him/her cruel and heartless, or somehow attract those who are not capable of understanding or sympathy.

Finally, it is noteworthy that the conclusions we have made are confirmed by two kinds of evidence. On the one hand, these are ideas presented in the texts of other semi-otic modalities. For example, they can be verbal tags of the corresponding phenomena, which reveal the pragmatic characteristics of these ideas; or they may be cultural texts, which are also deeply reflective. Thus, the negative attitude toward the narrow-mindedness of the military shows in the evaluative characteristics of such words as *soldafon* (Russian: pejorative, derived from *soldier*) meaning «a limited, rude, and uncultured military whose interests do not go beyond the limits of narrowly professional occupations and knowledge» [24, IV: p. 189]; and *boot* (Russian: colloquial, pejorative)—«an uncultured person, an ignorant man with very limited intellectual abilities» (ibid, p. 28). Russian proverbs and sayings feature dishonesty in marital relations and female feeble-mindedness. That additionally indicates the importance of the discussed ideas in the cultural consciousness of the people – cf. : *A flattering wife brings about strife – Жена льстит—лихо мыслит (лихое норовит); The wife who pleases will make you feel queasy – Жена улаживает – лихо замышляет; Female flattery is toothless, but it will gnaw on your bones – Женская лесть без зубов, а с костями сложет; Between the woman's «no» and «yes» you won't have a needle pass – Меж бабьим да и нет не проденешь иголки; A woman waits for no questions to give all the answers – Не ждёт баба спроса, сама всё скажет*. The traditional culture does not leave unnoticed the similarity between children and the elderly; however, the reason for this is not the opposition «source of evil vs. victim», but the irrationality of both – cf. : *A man lives stupidly two times: when he is old and when he is small – Человек два раза глуп живёт: стар да мал; The old and the young are stupid twice – Стар да мал – дважды глуп; The old are like the young and the young are stupid – Старый, что малый, а малый, что глупый; I had to sooth the old and the small (in the family) – Пришлось тешить старого да малого (т. е. в семье)*. The pragmatism of grandchildren in relation to grandparents is shown in these sayings: *The grandson stole the cow and the granddad did not know; while granddad slept, his grandson took the hide off – Дедушка не знал, что внучек корову украл; дедушка спал, а внук и кожу снял*. Similar social signs are also anthroponyms of any kind in the texts of the anglophone joke (cf. [29]).

On the other hand, the conclusions drawn on the basis of socio-semiotic analysis of black humour texts are confirmed by facts from real life and the related ideology. Thus, the cynicism of doctors – popular black humour characters – and their indifference to the sufferings of patients have solid grounds in the psychological assumptions they must

adhere to in their professional activities: doctor should avoid excessive involvement in the patient's experiences, fraught with emotional overloads and possible professional deformation. Therefore, their cynical attitude to the patient emerges as a sort of cognitive and psychological defense erected in these conditions (see [1, p. 104]).

Another example of this kind is a certain correspondence of the characteristics of women portrayed in black humour texts to their real psychological types determined by applied psychology in communicative circumstances. Namely, a woman is capable of performing other activities during communication, which can be considered as a frivolous attitude to this conversation; she easily interrupts the interlocutor without waiting for her turn to speak; she can simultaneously talk and listen.

Taken together, these findings provide the following insights for future research of black humour in the socio-semiotic perspective. It can be a search for new symbolic modalities for social and semiotic studies; a further development of their categorical apparatus and meta-language; identifying the structure and semantics of social ties under specific conditions; defining social spheres in which research of this kind is most relevant and in demand.

References

1. Abramova, G.S. & Yudchits, Yu.A. (1998). Psychology in Medicine. Moscow: Department-M./ Abramova G.S. & Yudchits Yu.A. Psihologiya v meditsine. Moskva: Kafedra-M./ Абрамова Г.С., Юдичиц Ю.А. Психология в медицине. Москва: Кафедра-М.
2. Bakanursky, A.G. (2003). Death and laughter. In «Δόξα / ДОКСА». Epistemological anthropological dimensions of laughter, 3, p. 82-89. / Bakanurskij A.G. Smert' i smekh. In «Δόξα / ДОКСА». Hnoseolohichni j antropolohichnivymirysmikhu.3, s. 82-89. / Баканурский А.Г. Смерть и смех. In «Δόξα / ДОКСА». Гносеологічні й антропологічні виміри сміху, 3, с. 82-89.
3. Belousov, A.F. (1998). «The sadistic rhymes». Preface to the publication. In Russian school folklore. From the phrases of the Queen of Spades to family stories. Belousov, A.F. (comp.). Moscow, p. 545-577. / Belousov A.F. «Sadistskie stishki». Predislovie k publikatsii. In Russkij shkol'nyj fol'klor. Ot «vyskazyvanij» Pikovoj damy do semejnykh rasskazov. Belousov A.F. (sost.). Moskva, s. 545-577. / Белоусов А.Ф. «Садистские стишки». Предисловие к публикации. In Русский школьный фольклор. От «высказываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. Белоусова А.Ф. (сост.). Москва, с. 545-577.
4. Berestnev, G.I. (2017). The game principle in black humor. In Criticism and semiotics, 1, p. 354-378. / Berestnev, G.I. Printsip igry v chyornom yumore. In Kritikaisemiotika, 1, s. 354-378. / Берестнев Г.И. Принцип игры в черном юморе. In Критика и семиотика, 1, с. 354-378.
5. Berestnev, G.I. & Tsvetkova, A.A. (2017). Black humor as a way of philosophizing. In Bulletin of I. Kant University. Immanuel Kant Baltic Federal University, 3, p. 13-27. / Berestnev G.I. & Tsvetkova A.A. Chernyj yumor kak sposob filosofstvovaniya. In Vestnik Baltijskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta, 3, s. 13-27. / Берестнев Г.И., Цветкова А.А. Чёрный юмор как способ философствования. In Вестник

Балтийского федерального университета им. И.Канта, 3, с. 13–27.

6. Berestnev, G.I. & Vertelova, I. Yu. (2017a). The language of sadistic verses. In «Language and Intercultural Communication». 10th International Research-to-Practice Conference. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House, p. 29–42. / Berestnev G.I. & Vertelova I. Yu. Yazyk sadistskikh stishkov. In «Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 10 Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Astrahan': Izdat. Dom «Astrakhanskij universitet», s. 29–42. / Берестнев Г.И., Вертелова И.Ю. Язык садистских стихов. In X Международная научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация». Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», с. 29–42.

7. Berestnev, G.I. & Vertelova, I. Yu. (2017b). Language features of black humor in D.A. Prigov's poetry (lexis and semantics). In *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* (East European Scientific Journal), 11 (27), p. 41–45. / Berestnev G. I. & Vertelova I. Yu. Yazykovye osobennosti chyornogo yumora v poezii D.A. Prigova (leksika, semantika). In *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* (East European Scientific Journal), 11(27), s. 41–45. / Берестнев Г.И., Вертелова И.Ю. Языковые особенности черного юмора в поэзии Д.А. Пригова (лексика, семантика). In *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* (East European Scientific Journal), 11(27), с. 41–45.

8. Borisov, S.B. Aesthetics of black humor in the Russian tradition. / Borisov S.B. Estetika «chernogo yumora» v rossijskoj traditsii. / Борисов С.Б. Эстетика «чёрного юмора» в российской традиции. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/borisov7.htm>

9. Bredemajer, K. (2005). Black rhetoric. The power and magic of words. Moscow: Alpia Business Books. / Bredemajer K. Chyornaya ritorika. Vlast' i magiya slova. Moskva: Al'pia Biznes Buks. / Бредемайер К. Чёрная риторика. Власть и магия слова. Москва: Альпия Бизнес Букс.

10. Butenko, I.A. (2011). From the history of black humor. / Butenko I.A. Iz istorii «chyornogo yumora». / Бутенко И.А. Из истории «чёрного юмора». Available at: <https://www.bestreferat.ru/referat-219442.html>

11. Davis, J.V. (2003). An overview of transpersonal psychology. In *The Humanistic Psychologist*, 31 (2–3), p. 6–21.

12. Evstaf'eva, M.A. (2017). Thematic field of black humour. In *Irkutsk Research Journal «Science in the Modern World»*, 9, p. 37–41. / Evstaf'eva M.A. Tematicheskoe pole chyornogo yumora. In *Irkutskij nauchnyj zhurnal «Nauka v sovremennom mire»*, 9, s. 37–41. / Евстафьева М.А. Тематическое поле черного юмора. In *Иркутский научный журнал «Наука в современном мире»*, 9, с. 37–41.

13. Fayer, M. (2017). Absolutely small: How quantum theory explains our everyday world. St. Petersburg: Piter. / Fayer M. Absolyutnyj minimum. Kak kvantovaya teoriya ob'yasnyayet nas hmir. St. Petersburg: Piter. / Файер М. Абсолютный минимум. Как квантовая теория объясняет наш мир. Санкт-Петербург: Питер.

14. Gavrilova, M.V. (2016). Social semiotics: Theoretical grounds and principles for the analysis of multimodal texts. In *Political Science: Academic Journal*, 3, Political semiotics. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences— Center for Social Scientific Information Research. / Gavrilova M.V. Sotsial'naya

semiotika: Teoreticheskie osnovaniya i printsiipy analiza mul'timodal'nykh tekstov. In *Politicheskaya nauka: Nauchnyj zhurnal*, 3, Politicheskaya semiotika. Moskva: Institut nauchnoj informatsii po obshchestvennym naukam Rossijskoj Akademii Nauk — Tsentr social'nykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy. / Гаврилова М.В. Социальная семиотика: Теоретические основания и принципы анализа мультимодальных текстов. In *Политическая наука: Научный журнал*, 3, Политическая семиотика. Москва: Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук — Центр социальных научно-информационных исследований. Available at: <https://lekt-sia.com/6xbbe3.html>

15. Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning*. Maryland: University Park Press.

16. Hodge, R. & Kress, G. (1988). *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.

17. Kebuladze, V.I. (2004). Phenomenology of black humour. In «Δόξα / ДОКСА». 5. Logos and praxis of laughter, p. 71–79. / Kebuladze V.I. Fenomenologiya chyornogo yumora. In «Δόξα / ДОКСА». 5. Logos i praksis smikhu, s. 71–79. / Кебуладзе В.И. Феноменология черного юмора. In «Δόξα / ДОКСА». 5. Логос i праксис сміху, с. 71–79. Available at: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa5/71-79.pdf>

18. Kress, G. R. (2003). *Literacy in the new media age*. New York: Routledge.

19. Kubryakova, E.S. (1994). Paradigms of scientific knowledge in linguistics and its scientific status. In *The Bulletin of Russian Academy of Sciences. Language and Literature series*, 53 (2), p. 3–15. / Kubryakova E.S. Paradigmy nauchnogo znaniya v lingvistike i ee nauchnyj status. In *Izvestiya Rossijskoj Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka*, 53 (2), s. 3–15. / Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её научный статус. In *Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка*, 53 (2), с. 3–15.

20. Kubryakova, E.S. (1995). Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigm analysis). In *Language and science of the late 20th century*. Moscow, p. 144–238. / Kubryakova E.S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine 20 veka (opyt paradigmalnogo analiza). In *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*. Moskva, s. 144–238. / Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). In *Язык и наука конца 20 века*. Москва, с. 144–238.

21. Leeuwen, T. van. (2005). *Introducing social semiotics*. New York: Routledge.

22. Levchenko, V.L. (2003). The protective function of laughter. In «Δόξα / ДОКСА». Epistemological anthropological dimensions of laughter, 3, p. 96–99. / Levchenko V.L. Zashchitnaya funktsiya smekha. In «Δόξα / ДОКСА». Hnoseologichni j antropologichni vymiry smikhu, 3, s. 96–99. / Левченко В.Л. Защитная функция смеха. In «Δόξα / ДОКСА». Гносеологічні й антропологічні виміри сміху, 3, с. 96–99.

23. Linden, Eu. (1981). *Apes, men and language*. Panova, E.N. (ed.). Moscow: Mir. / Linden Eu. Obez'yany, chelovek i yazyk. Panova E.N. (red.). Moskva: Mir. / Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. Панова Е.Н. (ред.). Москва: Мир.

24. MAS — *Malyj Akademicheskij Slovar'*. Dictionary of the

- Russian language in four volumes.(1985–1988). Evgenieva, A.P. (ed.). Moscow: Russkij Yazyk Publishing House. / Slovar' russkogo yazyka v chetyryokh tomakh. Yevgen'eva A.P. (izd.). Moskva: Russkij yazyk. / Словарь русского языка в четырех томах. Евгеньева А.П. (изд.). Москва: Русский язык.
25. Mensky, M.B. (2011). Consciousness and quantum mechanics: Life in parallel worlds (Miracles of consciousness from quantum reality). Fryazino: Vek2. / Menskij M.B. Soznanie i kvantovaya mekhanika: Zhizn' v parallel'nykh hmiraх (Chudesа soznaniya – iz kvantovoj real'nosti). Fryazino: Vek2. / Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности). Фрязино: Век2.
26. New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms (2004). 2nd ed., revised and enlarged. Apresyan, Yu.D. (ed.). Moscow-Vienna: Languages of Slavic Culture & Viennese Slavic Almanac. / Novyj ob'yasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Apresyan, Yu.D. (obscheye. rukovodstvo). Moskva-Vena: Yazyki slavyanskoj kul'tury & Venskij slavisticheskij al'manakh. / Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. Апресян Ю.Д. (общее руководство). Москва-Вена: Языки славянской культуры, Венский славистический альманах.
27. Pease, A. & Pease, B. (2008). Why he puts off everything till the last moment, and she always does not have enough time. Moscow: Eksmo. / Piz A. & Piz B. Pochemu on vse otkladyvaet na poslednij moment, a ej vseгда ne khvataet vremeni. Moskva: Eksmo. / Пиз А., Пиз Б. Почему он все откладывает на последний момент, а ей всегда не хватает времени. Москва: Эксмо.
28. Pleshakova, A. (2016). Meta-parody in contemporary Russian media: Viewpoint blending behind Dmitry Bykov's 2009 poem «Infectious». In *Legeartis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Warsaw: De Gruyter Open, 2013, I (1), June. – p. 202-274. DOI: 10.1515/lart-2016-0005
29. Samokhina, V. & Pasynok, V. (2017). Anthroponymic world in the text of the Anglophone joke. In *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava*. Warsaw: De Gruyter Open, 2017, vol. II(2), December 2017, p. 284-355.
30. Shmelyova, E.Ja. & Shmelyov, A.D. (2002). Russian anecdote: Text and speech genre. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. / Shmelyova E.Ja. & Shmelyov A.D. Russkij anekdot: tekst i rechevoj zhanr. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury. / Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. Москва: Языки славянской культуры.
31. Shmelyova, N.L. (2009). The concept of «black humor» and its functional-stylistic features. In *Almanac of modern science and education*, 8 (27), Part II. Tambov: Gramota, p. 210-212. / Shmelyova N.L. Ponyatie «chernyj yumor» i ego funkcional'no-stilisticheskie osobennosti. In *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 8 (27). II. Tambov: Gramota, s. 210-212. / Шмелева Н.Л. Понятие «чёрный юмор» и его функционально-стилистические особенности. In *Альманах современной науки и образования*, 8 (27), Часть II. Тамбов: Грамота, с. 210-212.
32. Spivak, D.L. (1986). Linguistics of altered states of consciousness. Leningrad: Nauka Publishing House. / Spivak D.L. Lingvistika izmenyonnykh sostoyanij soznaniya. Leningrad: Nauka. / Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Ленинград: Наука.
33. Susskind, L. Friedman, A. (2017). Quantum mechanics. Theoretical minimum. St. Petersburg: Piter. / Susskind L. & Friedman A. Kvantovaya mekhanika. Teoreticheskij minimum. St. Petersburg: Piter. / Саскинд Л., Фридман А. Квантовая механика. Теоретический минимум. Санкт-Петербург: Питер.
34. Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary. (2002). Tolstaya, S.M. (executive editor). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. / Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskij slovar'. Tolstaya S.M. (otvetstvennyj redaktor). Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. / Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Толстая С.М. (ответственный редактор). Москва: Международные отношения.
35. Wilson, R.A. (2016). Quantum psychology. How brain software programs you and your world. Moscow: Sofia. / Wilson R.A. Kvantovaya psikhologiya. Upravlenie soznaniem: Praktichno, ostroumno, увлекательно. Moskva: Sofiya. / Уилсон Р.А. Квантовая психология. Управление сознанием: Практично, остроумно, увлекательно. Москва: София.
36. Zhel'vis, V. I. (s.a.). Black humour: Anatomy of human destructiveness. / Zhel'vis V. I. Chernyj yumor: anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. / Жельвис В.И. Чёрный юмор: анатомия человеческой деструктивности. Available at: <http://www.majalis-vrn.ru/psikhologiya/chernyj-yumor-anatomiya-chelovecheskoj.html>

Духовное и телесное в эротизме: сравнение мировосприятия античного и средневекового человека

Spiritual and corporeal in Eroticism: comparison of the worldview of ancient and medieval man

Исследуются представления древних греков о красоте и чувственности, которые определяли содержание сексуально-эротических практик. Религиозный человек в качестве архетипа имеет веру. В отдельные эпохи в европейской культуре этот образ доминировал, но нельзя сказать, что он больше не существует. Религиозный образ складывается в условиях теоцентрического мировоззрения, поэтому более или менее «чистый» вид религиозности можно увидеть в период средневековья; хотя, характеризуя эту эпоху, нужно иметь в виду, что, как и в любое другое время, здесь достаточно противоречий, в том числе и во взглядах на эротизм. Эротизм как цельная картина складывается из отношения к полу, телу, браку, сексуальности, вожелениям и страстям. Общий жизненный поток захватывает эти отношения.

This study focuses on the ideas of ancient Greeks about beauty and sensibility, which were defining the substance sex-erotic practices. Religious man as the archetype has faith. In a certain epoch in European culture, this image was dominated, but we cannot to say that it is no longer exists. Religious image is formed in terms of a theocentric worldview, so that more or less «pure» form of religiousness can be seen in the Middle Ages. Describing this era, you need to keep in mind that there is enough of contradictions, including the views on eroticism as in any other time. Eroticism as a whole picture is formed of the relationship to gender, body, marriage, sexuality, desires and passions. The total life flow captures these relationships.

Ключевые слова и фразы: эстетический идеал, эротика, сексуальность, религиозный человек, эротизм, моногамия, конкубинаты, целомудрие.

Keywords and phrases: esthetic ideal, sensuality, sexuality, religious people, eroticism, monogamy, concubinatus, chastity.

Надежда ЧЕТВЕРИКОВА

Nadezhda Chetverikova

*Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена, Россия*

*«Russian State Pedagogical University named after
A. I. Herzen», Russia*

Поскольку современный человек имеет мало сведений об истории формирования эротических отношений и их роли в жизни вообще, особый интерес представляет обращение к смыслам, которые позволяют проникнуть в глубину этой важнейшей сферы самоосуществления человека.

Античный человек может быть понят как homo naturalis – человек натуралистический, поскольку натуроцентристское мировоззрение доминировало в этот период. Утверждение натуроцентристских установок, согласно которым человек есть часть природы, делает необходимым познание ее законов, её порядка, ибо это отвечает интересам самопознания человека. Доступным средством познания служит миф – нерациональное знание, которое в целостном виде изображает связь природы и человека, показывает, как изменения в природе влияют на человеческую жизнь. Для античного человека жизнь представляет собой «искусство существования», то есть такие «практики, посредством которых люди не только закрепляют те или иные

правила поведения, но и стремятся изменить своё индивидуальное бытие, превратить свою жизнь в произведение, обладающее определёнными эстетическими ценностями и отвечающее определённым критериям стиля [5, с. 13].

Сексуальные практики, как можно предположить, также выдерживались в определённом стиле, который признавал в качестве точки отсчёта законы природы. Прекрасное в природе служило опорой для эстетического наполнения сексуальных отношений, делая их эротичными, приносящими удовольствие. Одним из основных законов, без сомнения, было обеспечение непрерывного потока жизни новых поколений, поэтому над индивидуальными целями половой жизни доминирует общая природная цель. Несмотря на то, что, как предполагается некоторыми исследователями, половая жизнь античного человека имела для него некую самостоятельную ценность, безотносительно к репродукции, всё же он склонен был видеть главный смысл сексуальности именно в обеспечении продолжения и роста жизни; и эстетико-эротическая сторона лишь дополняла, обогащала этот смысл [1, с. 32-33]. Эротизм античного человека – это, прежде всего, забота о себе, о своём теле и здоровье [7, с. 291].

Античная культура признаёт в качестве эстетического идеала здоровое и красивое тело, и практики нацелены на то, чтобы сделать тело таковым, ибо оно в таком виде отвечает природной гармонии и в состоянии обеспечить жизнеспособное потомство. Что касается

непосредственно эротизма как чувственной индивидуальной практики, отличающейся от сексуальности, то можно отметить, что он, главным образом, связан с эстетическим наслаждением, которое считается одной из высоких ценностей. Это красота тела и наслаждение от его созерцания, причём не столько его деталями, говорящими о детопроизводительной силе, сколько о его пропорциях. В этом отношении и женское, и мужское тело имеют одинаковую эстетическую ценность [6, с.7].

Древняя Греция может считаться временем героической эротики, которая отождествляется с творческой силой. Героический фаллоцентрический экстаз «освещает мрак жизни» [6, с. 9]. Это говорит о том, что зависимость человека от природы осознавалась, именно от природы человеку (мужчине, глазами которого мы видим античную культуру) дан фаллос как показатель человеческого могущества, его самостоятельности по отношению к природе. Фаллос и его культ могут быть поняты как обогащение человеческой жизни посредством культурного использования своих сил, то есть такого, которое способствует развитию чувства гордости за свои возможности и конкретные деяния. Эротическое напряжение органической материи воспринимается греком как геройство вообще, и, следовательно, безукоризненно с моральной точки зрения. Сексуальность представляется здоровым свойством, желанием сближения и наслаждения, и поэтому она есть аналог созидания, творчества героев с сильной потенцией.

Красота и чувственность в глазах грека выступают как проявление божественного, некоторой избранности со стороны богов, поэтому красивый человек и людьми воспринимается как особенный, достойный, имеющий высокие морально-этические оценки. Кроме того, в античности присутствовало весёлое отношение к сексуальности, о чём свидетельствуют, например, оценки политической деятельности такого авторитета как Цезарь, о котором говорили, что он «муж всех знатных римлянок и жена всех своих друзей».

Можно считать, что в античности сексуальность чувствовала себя довольно свободно, о чём свидетельствует распространение в этот период нагого искусства. Фуко отмечает, что античная мораль не была строгой, однако круг сексуальной строгости всё-таки сложился вокруг четырёх тем: жизни тела, института брака, отношений между мужчинами и мудрой жизни [6, с. 292-295].

Нормы и правила, регулирующие сексуальность, имели место. Среди норм главное значение придаётся чувству меры, умеренности, как в деяниях, так и в наслаждениях. Фуко доказал, что в античности господствовала математическая матрица познания, поэтому мера служила, прежде всего, социополитическим образцом, по которому строились и иные отношения между людьми. Кроме того, мера в качестве образца переносилась на природу и космос. Другими словами, власть как социокультурный феномен избрала при

установлении порядка в качестве регулятора социальных отношений меру, то есть правильное числовое соотношение, которое распространялось на все сферы жизни, в том числе и на сексуальную сферу.

Это проявляется в понимании того, что деяния сексуального плана, удаляющиеся от их естественной производительной функции, считались вредными. Например, вредной часто объявлялась любовь, потому что она вносит в жизнь беспорядок, тревогу и угрозу. Любовь представлялась не столько благом, сколько извращением естественной сексуальности, сближения полов с целью размножиться. Платоновское понимание любви видит её неестественность в том, что она претендует на то, чтобы вывести человека за пределы конечной жизни – к бессмертию. Аристотель ищет в любви пользу, пытается рационализировать чувство, поставить его на службу жизни в виде укрепления семьи и общества. Цицерон резко осуждает любую чрезмерность, в чём бы она не проявлялась, но особенно ту её форму, которая обнаружилась в любви: «Стыдно смотреть на тех, кто ликует, дорвавшись до Венериных утех, мерзко на тех, кто ещё только рвётся к ним воспалённым желанием» [11, с. 321]. Любовь воспринимается как нечто нездоровое, безумное или легкомысленное: «Если бы любовь была чувством естественным, то любили бы все...» [11, с. 318]. Сенека, например, также признает порядок сексуального влечения естественным, в то же время страсть предлагает ограничивать: «Наслаждение природа подмещала к вещам необходимым, не затем, чтобы мы его домогались, но чтобы благодаря этой прибавке стало приятнее для нас то, без чего мы не можем жить; а появляется самозаконное наслаждение – и начинается сластолюбие. Так будем же при входе сопротивляться страстям, коль скоро...их легче впустить, чем заставить уйти» [4, с. 296-298]. Подчёркивается чрезмерный характер страстей, который осуждается и считается недопустимым: «насколько в наших силах, отойдем от скользкого места: мы и на сухом-то стоим нетвёрдо» [4, с. 298]. Фуко пишет, что моральное сознание античности считает сексуальность «естественной», и наслаждение само по себе также естественно, осуждается лишь чрезмерное наслаждение [5, с. 298]. Но что представляет собой мера? Кто её определяет? – Грек сам определяет меру воздержания, и общество, по-видимому, не препятствовало сексуальности, она могла осуществляться более или менее открыто, тем более что от неё зависит здоровье человека как разновидность заботы о себе. Формы субъективности или изменение способов поведения и способов их осмысления у античного человека отличаются признанием тесной связи человека с природой. В этом отношении сексуальность считается неотъемлемым и нормальным качеством человека. Признание себя вожделем считалось нормальным.

Можно сделать вывод, что в античности эротизм считался, скорее всего, маргинальным, ибо сексуальность как природой данное качество плавно вписыва-

лось в культурное развитие. То, что могло называться эротизмом — душевные переживания, чувственность, наслаждение общением — носило характер своеобразного празднества, театральности.

Для средневекового религиозного человека характерно переплетение грубо-телесного и спиритуального, как и вообще его миропонимание умещало в себе «непрестанную инверсию» [5, с. 25]. Несмотря на теоцентрические установки и принцип сотериологизма, организующего жизнь, эротизм уживался с верой. Античное натуралистическое отношение к сексуальности частично перекочевало в средние века, о чём свидетельствует история становления брачных отношений: в них очень трудно приживались юридические нормы. На протяжении долгого времени широкое распространение имели конкубинаты, тогда как моногамия составляла исключение. Можно предполагать, что сопротивление моногамии вызывалось существовавшим уже в то время отношением к половому акту как к самоценности, независимо от того, ведёт он к деторождению или нет [1, с. 43-44].

Известно, что в средние века дети не имели высокой ценности, как ныне; и есть свидетельства, например, у раннехристианского ортодокса Августина, об осуждении детской природы, которая признавалась изначально греховной, и дети считались посланными родителям за грехи. [1, с. 43-44].

Целомудрие, которое считается одним из нравственных идеалов религиозного человека, в это время признавалось труднодостижимым — ведь человек не ангел, и природа его несовершенна, поэтому к добрым и внебрачным связям отношение со стороны церкви было терпимым. Проповедник Жак де Витри приводит свидетельство о поведении добропорядочных женщин: «Ныне можно найти много матерей, которые учат своих дочерей сладострастным песням, распеваемым хором... Когда же такая мать видит, что её дочь сидит между двумя молодыми парнями, один из которых положил ей руку на грудь, а другой пожимает ей ладонь или обнимает за талию, она ликует, говоря, смотрите, каким вниманием пользуется моя дочь»... [1, с. 79].

Несовершенство женской природы у средневекового человека не вызывало сомнений, и проституция воспринималась как простительная слабость перед искушением и соблазном. Оппозиция идеала и повседневной жизни особенно ярко выражена в понимании этого явления. Хотя начинает складываться контроль над собственной эмоциональной жизнью, над страстями, однако границы стыдливости весьма размыты, и проституция находит себе место в картине мира при помощи рационально-практических соображений: она — для пользы жизни [1, с. 150-152].

Средневековая культура объясняла приемлемость проституции тем, что женщина не только сама греховна, но она и мужчину увлекает в грех, поэтому лучше вообще не жениться, а обращаться в публичный дом, когда «возжаждется». Й. Хейзинга определил эротизм

этой культуры как «простодушное бесстыдство», существующее благодаря доступной телесности и отсутствию табу на непристойности, как в словах, так и в делах. [9, с. 88]. Противоречивое соединение природного и культурного, духовного и телесного — отличительная черта мировосприятия средневекового человека, отразившаяся и в эротизме этого периода. Религиозный человек в качестве архетипа имеет веру. В отдельные эпохи в европейской культуре этот образ доминировал, но нельзя сказать, что он больше не существует [10].

Религиозный образ складывается в условиях теоцентрического мировоззрения, поэтому более или менее «чистый» вид религиозности можно увидеть в период средневековья; хотя, характеризуя эту эпоху, нужно иметь в виду, что, как и в любое другое время, здесь достаточно противоречий, в том числе и во взглядах на эротизм. Эротизм как цельная картина складывается из отношения к полу, телу, браку, сексуальности, вожделениям и страстям. Общий жизненный поток захватывает эти отношения. [8]

Религиозность набирала силу в решении антропологической проблемы на теоретическом уровне. Человек религиозный — человек чувственный, и чувство, которым он живёт — это любовь к Богу, выступающая как условие любви к человеку. Эротическая любовь также приобретает двойственный характер: её земное лицо трактуется как символ Божественного Эроса. Крупный мыслитель четвёртого века Григорий Нисский проделал большую работу по истолкованию эротического текста «Песни песней Соломона». Соблазн, изображённый в этом канонизированном тексте («На ложе моём ночью искала я того, кого любит душа моя»; «Превозносить ласки твои, больше, нежели вино»; «Два сосца твои как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями» и т.п.), Григорий Нисский изображает как восхождение на «божественное брачное ложе» для того, чтобы совершился таинственный брак человеческой души с Богом [4, с. 90].

Эротизм у Григория Нисского выглядит как бесстрастное духовное единение. Разнонаправленность жизни — земная и трансцендентная дополняется делением на родовую и индивидуальную. Родовое, сверхиндивидуальное для религиозного человека достигает своей цели через самоотречение любящего индивида, ибо он умаляет себя, тратит себя для будущих поколений. Христианская любовь символизирует любовь Бога к людям через вочеловечившегося Сына, который ради людей отрёкся от себя. Родовое побеждает индивидуальное парадоксальным любовным способом: любовь распространяется на всех людей в равной степени, она направлена к бессмертной душе, но при этом требует от любящего жертвы, отречения, умирания [7, с. 205]. Эротизм здесь посредничает между жизнью и смертью.

Таким образом, любовь верующего есть такое состояние сознания, когда постижение символа становится актом веры. Плотская эротическая любовь порицает-

ся религиозными теоретиками, поскольку тело обуе-
ваемо только любовью к миру и сиюминутными плот-
скими наслаждениями. Тело бrenно и не может дать
вечного блаженства, поэтому любовное наслаждение
должно быть сопряжено с целомудрием. Агиографи-
ческая литература, например, наделяет эротизм про-
тивоположными характеристиками, в зависимости от
того, посягает он на целомудрие или нет. В том случае,
когда человеку не удаётся противостоять соблазнам и
вожделению, он награждает эротизм животными эпи-
тетами: «исчадие леса», «звериное отродье» и т.д., как
бы подчеркивая своё падение до животного уровня.

В качестве вывода отметим, что представления об
античном эротизме раскрываются перед нами как
жизнь – сложная, неоднозначная. Вместе с тем, как
всякая жизнь, она стремится к самосохранению. Страх
перед жизнью и инстинкт самосохранения обнаружи-
ваются отчётливо в античной культуре, которая берёт
на себя функцию как бы завуалировать опасности с
помощью познания природы и самого себя, поскольку
познание поможет её оправдать.

В мировосприятии средневекового человека эро-
тизм это – опасная дорога назад, к дочеловеческому
состоянию. В этом состоит греховность человеческой
природы, в неумении прочно противостоять злу, ко-
торое олицетворяется чрезмерной чувственностью.
Эротизм средневековья представляет собой проти-
воречивое соединение понимания несовершенства
человеческой природы и в силу этого толерантного
отношения к страстям и вожделению, и в то же время
— осуждения этой слабости как недостойной челове-
ка.

Вышеизложенное убеждает нас в том, что эротизм
опосредует отношения рода и вида, жизнь и смерть,
земное и божественное. Религиозный человек строит
свою земную жизнь, подчиняя её идее личного бес-
смертия, поэтому комплекс эротического должен ему
в этом помочь. В силу своей трансцендентности Бог
не может вступить в непосредственный контакт с зем-
ным миром и человеком, живущим на земле, это и де-
лает необходимым появление посредника. Эротизм в
качестве посредника воплощает творческую потенцию
Бога и в то же время приживается на земной почве.

Библиографические ссылки

1. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.
2. Бычков В.В. Идеал любви христианско-византийского мира // Философия любви. – В 2-х т. – Т.1. – М., 1990.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
4. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – М., 1993.
5. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996.
6. Фуко М. Герменевтика субъекта. // Социологос. – М., 1991.
7. Фуко М. Пользование наслаждениями. // Человек и его ценности. Ч. 2. М., 1988.
8. Фукс Э. Иллюстрированная история эротического искус-

ства. – М., 1914.

9. Хейзинга Й. Осень средневековья. – М., 1992.

10. Эпштейн. М. Размышления Ивана Соловьева об Эросе. // Человек. – 1991. – № 1.

11. Цицерон. Избр. соч. М., 1975.

References

1. Bessmertny`j Yu.L. Zhizn` i smert` v srednie veka. M., 1991.
2. By`chkov V.V. Ideal lyubvi xristiansko-vizantijskogo mira // Filosofiya lyubvi. – V 2-x t. – T.1. – M., 1990.
3. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoj kul'tury`. – M., 1984.
4. Seneka L.A. Nravstvenny'e pis'ma k Luciliyu. – M., 1993.
5. Fuko M. Volya k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual`nosti. – M., 1996.
6. Fuko M. Germenevтика sub`ekta. // Sociologos. – M., 1991.
7. Fuko M. Pol`zovanie naslazhdeniyami. //Chelovek i ego cennosti. Ch. 2. M., 1988.
8. Fuks E`. Illyustrirovannaya istoriya e`roticheskogo iskustva. – M., 1914.
9. Xejzinga J. Osen` srednevekov`ya. – M., 1992.
10. E`pshtejn. M. Razmy`shleniya Ivana Solov`eva ob E`rose. // Chelovek. – 1991. – № 1.
11. Ciceron. Izbr. soch. M., 1975.

Спираль истории

Spiral of history

В статье рассматриваются действия 191 полка Российской Федерации во время гражданской войны в Таджикистане.

The article examines the actions of the 191 regiment of the Russian Federation during the civil war in Tajikistan.

Ключевые слова и фразы: гражданская война, армия, Курган-тюбе.

Keywords and phrases: civil war, army, Kurgan-tube.

Лариса НИКОЛАЕВА

Larisa Nikolaeva

Калининградский государственный технический университет, Россия

Kaliningrad state technical University, Russia

После подписания Беловежского соглашения, ликвидации СССР драматичной оказалась судьба Вооруженных сил СССР. Россия отказалась от войск и военной техники, базировавшейся в военных и пограничных округах Союза. В ряде бывших союзных республик происходил насильственный захват военной техники, переподчинение военных подразделений властям новых государств. Большие сложности возникли в тех военных округах, где шли межнациональные конфликты и гражданские войны: Приднестровье, Абхазия, Нагорный Карабах, Таджикистан. В этих регионах по взаимному соглашению России и новых государств, войска получили статус «Вооруженных сил СНГ», командовать ими стал бывший министр обороны СССР, маршал Шапошников Е. И. Статус военных контингентов был весьма расплывчатым, единого командования не было, а офицеры и солдаты оказавшиеся неожиданно за границей были дезориентированы. Само понятие «исполнение долга перед Родиной» звучало для них абсурдно, ведь они давали клятву служить государству, - Союзу Советских Социалистических республик, которое неожиданно исчезло. Никто не отдавал команды как действовать в сложившейся обстановке, никто не отдавал приказа вывести военные части с территории государств, которые в мгновения ока стали иностранными.

В двусмысленном положении оказалась вся 201 дивизии расквартированная в Таджикистане. Полковник Меркулов Алексей Евгеньевич командир 191 го Нарвского Краснознаменного Ордена Александра Невского мотострелкового полка с 1990 по 1997 г., 201 мотострелковой Гатчинской дважды Краснознаменной дивизии, ныне ордена Георгия Жукова. Дивизия сформированная в годы Великой Отечественной войны покрыла себя неувядающей славой. В этом полку служили генерал Рохлин Лев Яковлевич, узник совести, томившийся в тюрьме в Литве Юрий Мель, ко-

торый с бойцами участвовал в охране границы от Пянджского до Московского Погранотрядов.

Из рассказа Меркулова А. Е. о себе: родился в Воронеже, в 14 лет начал учиться в Суворовском училище в Ленинграде, продолжил военное образование в Омском командном училище, продолжил военную службу в рядах Советской Армии в прославленной Таманской дивизии, где начинал службу как командир батальона. Затем учёба в Военной Академии орденов Ленина, Октябрьской революции, Краснознаменной ордена Суворова им. М.В. Фрунзе, которую окончил в 1989 году. С 1990 года началась служба в 201 мотострелковой дивизии 191 Нарвском полку расквартированном в Курган- Тюбе (Таджикская ССР).

Историческая справка: город Курган- Тюбе известен с XVII века, по другим историческим источникам кишлак с таким названием существовал на этом месте еще в VII веке. Становление города и Курган-Тюбинского района относится к 1930 г., как центру Вахшской долины, получившей название «Золотой долины», за высокие урожаи тонковолокнистого хлопка, который шёл исключительно на экспорт. В 1977 году образовалась Курган-тюбинская область, территория 11,4 тыс. км., население более миллиона человек. Расстояние до Душанбе 90 км. Является самым крупным промышленным и сельскохозяйственным центром Таджикистана. В 1988 году слиянием Курган-Тюбинской и Кулябской областей была образована Хатлонская область. Через год области восстановлены в прежних условных границах ввиду нецелесообразности их объединения в условиях горного края. Вахшская долина осваивалась активно с 1930 года в основном репрессированными, в том числе немцами, политзаключенными, переселенцами из горных районов Гарма. Второе массовое освоение Вахшской долины приходится на конец 50-х начало 60-х годов. Строится Головная ГЭС и Вахшский азотнотуковый завод, прокладываются оросительные каналы и поднимается целина [1].

Со 2 сентября 1992 г. Курган- Тюбинская область стала ареной кровопролитных боёв, началась полномасштабная гражданская война. Курган – Тюбе стал печально известен всему миру, как город ставший полигоном в войне в республике, который испытал все её ужасы. В городе не было ни улицы, ни дома, где не было бы ожесточённых боев. В иные дни, власть

переходила из одних рук в другие за считанные часы. «Городом мёртвых» называли г. Курган-тюбе иностранные журналисты, которые посещали его в конце 90-х годов прошлого столетия [2].

На дворе в Таджикистана конец XX века идёт большая война между противоборствующими сторонами одной нации, одной веры. Ожесточенность борьбы между противоборствующими сторонами приводит в изумление мировую общественность.

С мая 1992 года 201 дивизия находится под давлением законных и незаконных властей Таджикистана. Она была переведена в юрисдикцию Российской Федерации, положение её было сложным в республике. Военная часть иностранного государства расквартирована на территории независимого Таджикистана. Приходилось проявлять максимум изворотливости, идти на компромисс, чтобы только сохранить оружие части, материальную часть, а главное жизнь военнослужащих и членов их семей. Здесь Меркулов А.Е. проявлял чудеса дипломатии. Часть семей военнослужащих удалось отправить до активных боевых действий в Россию, оставшиеся были переведены на территорию части, в военный городок, который дополнительно укрепили, приготовили к обороне.

Основные задачи для 191 полка остаются всё время две – стабилизировать обстановку по мере возможностей, соблюдать абсолютный нейтралитет и не дать втянуть часть в конфликт. Ситуация с 191 полком была крайне сложной; с юга возможное нападение со стороны Афганистана, с севера нападение вооружённой таджикской оппозиции. Выполнение приказа о разведение противоборствующих сторон и соблюдение нейтралитета давалось с большим трудом.

Один из самых тяжёлых дней для полка стал 27 июля 1992 года. На участке Сарипуль совхоза техникума им. Куйбышева Бохтарского района развернулось ожесточённое столкновение между противоборствующими сторонами таджикского общества. Военнослужащие 191-го полка выполняя роль разделительных сил, оказались в «котле». Меркулов А.Е. принял единственно правильное решение – всеми имеющимися средствами вытащил из засады своих военнослужащих, фактически спас жизнь своих бойцов. Тогда же власти в Душанбе решили предать Меркулова А.Е. суду, а противоборствующие стороны приговорили его к смерти. Сложнейшая ситуация была для 191 полка всё время гражданской войны в Таджикистане. На самом верху, на местах в Таджикистане вакуум власти на этом фоне приход к власти неконституционным путем оппозиции ОТО (Объединенной таджикской оппозиции). Позже разобравшись во всех обстоятельствах было вынесено решение о том, что полковник Меркуловым А.Е. принял правильное решение в сложившихся обстоятельствах. Несмотря на все угрозы и давление со стороны властей из Душанбе ни одна единица боевой техники, оружия не попала в руки обеих воюющих сторон. Большого мужества и хладнокровия потребовалось полковнику Меркулову А.Е.

когда боевик с боевой гранатой потребовал передать всё оружие части его отряду. На это требование Меркулов А.Е. ответил отказом. Подобных эпизодов за годы службы в Таджикистане было не мало, война шла не один год. Большой заслугой командира части явился факт, что ни один военнослужащий не дезертировал из части несмотря на экстремальные условия службы в полку сохранялся порядок, служба шла согласно военного устава.

По-настоящему гуманитарную миссию выполняли военнослужащие 191 полка принимая и размещая беженцев. Посёлок Ургут-махалья, расположенный недалеко от военной части стал местом сбора беженцев. Сюда пришло 16 тысяч беженцев, среди которых в основном были женщины, дети и старики. Их размещали в здание средней школы, автошколы, институте усовершенствования учителей. Военнослужащие полка делились хлебом с ними, укрывали от боевиков. Дальше беженцы отправлялись кто пешком, кто на подручном транспорте в Кулябскую область. Многие из числа тех беженцев вспоминали годы спустя полковника Меркулова А.Е., не забыв его фамилию, называли его «большой русский солдат». Таким образом воинская часть в течение многих дней превратилась в своеобразный эвакуационный пункт. Официальные власти не были озабочены судьбой людей и военным пришлось взять на себя эту обязанность. Не занимались судьбой таджикских беженцев в 1992-1993 годах международные организации, такие как МОМ (международная организация по миграции), Красный полумесяц, «Врачи без границ» и другие. Своё бездействие в 90-е годы они объясняли многочисленными причинами. В качестве главной считалась опасность для жизни сотрудников данных организаций [3]. В самом Курган - Тюбе оставалось много жителей, они подвергались обстрелам, были раненные. В условиях вакуума власти людей надо было обеспечивать водой, хлебом, светом, лечить раненных, предотвращать мародерство и грабежи. 191 полку пришлось заняться этими сугубо гражданскими делами.

Противоборствующая сторона потребовала выдать из числа беженцев боевиков. Меркулову А.Е. по этому поводу звонил руководивший республикой в то момент Акбаршо Искандаров. Обманном путём домолло Абдугаффар проник в расположение беженцев, выявил среди беженцев 150 человек, которые в его восприятие являлись боевиками. В посёлке Ломоносово 150 человек были расстреляны домолло (религиозный деятель) Абдугаффаром. Меркулов А.Е. и все военнослужащие полка тяжело переживали этот расстрел, они никак не могли совместить в сознание, что религиозный лидер мог без суда расстреливать людей, а до этого он читал в мечете проповедь о мире ниспосланном на землю богом. Кровавый урок преподанный военнослужащим 191 полка стал воплощаться в дела. Всех беженцев военнослужащие 191-го полка стали направлять сразу в горы, дальше от активных боевых действий, делились с ними продовольствием. Конечный пункт беженцев из

Курган-Тюбе лежал в Кулябскую область, где из-за наплыва большого количества людей складывалась критическая ситуация с продовольствием и осложнялась санитарно-эпидемиологическая ситуация. [4] (Ряшин В. Кулябское противостояние. Правда 6 октября 1992 г.) Надо отметить что запасы продовольствия в части были ограниченные, так как дорога с Душанбе была перерезана объединённой таджикской оппозицией и российские военнослужащие 191 полка находились в изоляции.

Миротворческая миссия предполагала решать несвойственную для военнослужащих задачу. С той и другой стороны после каждого боя оставались жертвы, трупы. Под палящим августовским солнцем была велика опасность возникновения эпидемии. Кроме того в жестокости противостояния люди забывают о последнем долге перед умершими быть похороненными по обычаям своего этноса. Поэтому на военнослужащих 191 го полка легла тяжёлая миссия собирать убитых и передавать их на нейтральной территории той и другой стороне.

Перед полком Меркулова А.Е. стояла и другая важная задача сохранить жизненно важные для республики объекты. Под их перечень попадали Кзыл-Калинский мост (который боевики многократно пытались взорвать), каскад Вахшской ГЭС, Вахшский Азотнотуковский завод, (где были складированы опасные химические реагенты в большом количестве), ТЭЦ, крупные заводы области. Задача эта была с честью выполнена военнослужащими 191 полка.

Уже позднее, когда в Курган-тюбе вошли правительственные силы перед военнослужащими 191 полка была поставлена задача – разминировать дороги, предприятия необходимые для жизнедеятельности города: молокозавод, маслозавод, городской водопровод, газораспределительную станция шоссейные дороги.

27 июля 1992 года оппозиция Таджикистана заявила, что если Вооруженные Силы СНГ не уйдут из Таджикистана, то она обратится за военной помощью к Афганистану, Ирану, Пакистану. Таджикско-афганская граница не охранялась как следует и была велика вероятность оказаться 191 полку один на один с вооружёнными силами сопредельного государства. Предвидя такую возможность Меркулов А.Е. провёл соответствующие мероприятия по организации обороны части. Была реальной возможность вмешательства иностранных государств в гражданскую войну в Таджикистане? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но пограничникам удавалось конфисковывать часть оружия поступающего через таджикско-афганскую границу в республику, которое использовалось в ходе сражений в гражданской войне. Об этих фактах было известно полковнику Меркулову А.Е.

В исторической памяти таджикского народа были свежи факты борьбы с басмачеством – гражданской войны 20-40 х годах прошлого столетия, из уст дехкан передавались рассказы о бесчинствах басмачей.

Вмешательство иностранных государств в гражданскую войну в Средней Азии в начале XX века доказано многочисленными историческими фактами. Казалось, что в XIX веке Великобритания навсегда окончила «Большую игру» с Россией, но английские войска вторглись в Туркмению, английские агенты разъезжая по региону подкупали чиновников ханской администрации, локайских и кунградских вождей племен.

В «14 пунктах» президента США В. Вильсона, опубликованных 8 января 1918 г. говорилось об установлении иностранного протектората над Средней Азией, а на карте, составленной Географическим департаментом США и озаглавленной «Предполагаемые границы», прямо отмечалось отторжение от России всей Средней Азии. По замыслу В. Вильсона «на Среднюю Азию придется предоставить какой-либо державе ограниченный мандат для управления на основе протектората». 1 мая 1918 года в Ташкент прибыл консул США Тредуэлл, он направил свою деятельность на объединение находящихся в Туркестанском крае представителей иностранных миссий с целью противодействия представителям советской власти. Они стали осуществлять подрывную деятельность против законной власти, вели разведывательную работу, настраивали вождей племён против русских [5].

Басмаческое движение началось в Средней Азии ещё в декабре 1917 года, тогда казаки Семиречья возвращавшиеся из Ирана вместе с отрядами Иргаша и Мадамин-бека свергли в г. Чарджоу правительство большевиков и установили власть Временного правительства Туркестана. Это было начало басмаческого движения, которое охватило всю Среднюю Азию, особенно долго басмачи сопротивлялись в Восточной Бухаре, где располагался г. Курган-Тюбе. Борьба с басмачеством шла на протяжении многих лет на всей территории Средней Азии. Впереди были бои с басмаческими бандами Кур-Ширмата, Ибрагим-бека.

Действующие разрозненно отдельные отряды басмачей представляли опасность для мирных жителей, не позволяли начать преобразования в Средней Азии. Обстановка серьёзно осложнилась когда в 1920 году в Дюшамбе (так в то время назывался Душанбе) оказались бухарский эмир Сеид Алимхан, бежавший из Бухары, и бывший министр османской Турции Энвер Паша, активный сторонник идей пантюркизма. Энвер паша сумел организовать разрозненные отряды басмачей в единую армию. Возглавляемая Энвер пашой войско теснило части Красной Армии – Гиссарскую экспедицию. Уже в конце зимы басмачами заняты города Восточной Бухары Дюшамбе, Файзабад, Куляб. Стремительное наступление басмачей по всей линии фронта стало угрожать городам Центральной России.

Руководимые М. Фрунзе части Красной Армии развернули наступление по двум направлениям от Байсуна –на Денау, Гиссар, Дюшамбе, Кафирниган, Файзабад, и от Термеза на Кабадиан, Курган-Тюбе, Куляб, Большджуан. Мощное и стремительное наступ-

ление частей Красной Армии, возглавляемое Фрунзе начатое 15 июня 1922 года было неожиданным для басмачей. Наиболее ожесточенные бои шли за город Курган-Тюбе [6]. Полковник Меркулов А.Е. как выпускник Военной Академии им. М.В. Фрунзе владел информацией о долгих кровопролитных боях Красной Армии. против басмачей под руководством Фрунзе М.В. В этой борьбе проявился полководческий талант Михаила Васильевича Фрунзе.

Полковник Меркулов А.Е. как выпускник Военной Академии им. М.В. Фрунзе владел информацией о долгих кровопролитных боях Красной Армии. против басмачей под руководством Фрунзе М.В. В этой борьбе проявился полководческий талант Михаила Васильевича Фрунзе.

История идёт по спирали. В конце XX века от действий 191 полка под командованием Меркулова А.Е. и в целом 201 мотострелковой дивизии Российской Федерации в значительной степени зависело как сложится оперативная обстановка на юге Таджикистана, как скоро установится мир на многострадальной земле Таджикистана.

Библиографические ссылки

1. Таджикская энциклопедия. Душанбе // Ирфон. - Т. 4. - С. 143.
2. Белых В. Бурдыев Н. Курган -Тюбе, город мертвых. - В сб. Таджикистан в огне. Душанбе, Ирфон. - 1993. - С. 89-195.
3. Николаева Л. Ю. Социальные проблемы миграционных процессов в Таджикистане. Душанбе, Ирфон, 2007. - С. 112-114.
4. Ряшин В. Кулябское противостояние. - Правда. - 6 октября 1992 г.
5. Иркаев М., Николаев Ю. Шарапов Я. Очерки истории советского Таджикистана. - Сталинабад. - Госиздат. - 1958. - С. 98-101.
6. Иркаев М. Гражданская война в Таджикистане. - Душанбе. - Госиздат. - 1966.

References

1. Tadzhijskaya e'nciklopediya. Dushanbe // Irfon. - T. 4. - S. 143.
2. Bely'x V. Burby'ev N. Kurgan -Tyube, gorod mertvy'x. - V sb. Tadzhiikistan v ogne. Dushanbe, Irfon. - 1993. - S. 89-195.
3. Nikolaeva L. Yu. Social'ny'e problemy' migracionny'x processov v Tadzhiikistane. Dushanbe, Irfon, 2007. - S. 112-114.
4. Ryashin V. Kulyabskoe protivostoyanie. - Pravda. - 6 oktyabrya 1992 g.
5. Irkaev M., Nikolaev Yu. Sharapov Ya. Ocherki istorii sovetskogo Tadzhiikistana. - Stalinabad. - Gosizdat. - 1958. - S. 98-101.
6. Irkaev M. Grazhdanskaya vojna v Tadzhiikistane. - Dushanbe. - Gosizdat. - 1966.

Методология постмодернизма и ее возможности в осмыслении современной культуры

В данной статье предпринимается попытка исследования методологических возможностей постмодернистской парадигмы, которая приобретает всё большую популярность в современной науке, особенно в области гуманитарных наук. Постмодернизм в качестве новейшей культурологической методологии предлагает новые подходы к изучению явлений социального бытия.

This article attempts to study the methodological possibilities of the postmodern paradigm, which is gaining popularity in modern science, especially in the Humanities. Postmodernism as a cutting-edge cultural methodology offers new approaches to the study of phenomena of social life.

Ключевые слова и фразы: методология постмодернизма, постмодернистская парадигма, современная социокультурная ситуация, институционализации права.

Keywords and phrases: methodology of postmodernism, postmodern paradigm, modern socio-cultural situation, the institutionalization of rights.

Светлана ЯШИНА

Svetlana Yashina

Калининградский государственный технический университет, Россия

Kaliningrad state technical University, Russia

Постмодернизм — понятие, используемое современной философией для обозначения характерной для культуры нашего времени мировоззренческой установки, которая исходит из следующих принципов:

Во-первых, утверждается отказ от всех классических установок философской и культурологической мысли, а именно способах существования субъекта и объекта деятельности. *Субъект мертва*, автор мёртв — главный тезис постмодернизма. Он означает, что в современной социокультурной ситуации человек теряет свою индивидуальность, разрушает свою субъективность, деконструируя себя из сознательной самостоятельной личности в «винтик» социокультурного порядка, в человека, не способного свободно осознать свои подлинные интересы. На место естественных прав человека приходят искусственно насаждаемые через средства массовой коммуникации потребности и интересы. Из свободной личности субъект становится искусственным культурным созданием, т.е. становится объектом. Интересно определение субъекта как ТЕКСТА, адресованного другому тексту.

Во-вторых, под сомнение ставятся такие фундаментальные понятия культурологии как «свободное волеизъявление личности», признание, вина, мотив. Человек в современном обществе неспособен высту-

пать как целостная органичная личность. Как субъект вменения и ответственности человек отсутствует, поскольку в каждой ситуации он предстаёт своей ДРУГОЙ ипостасью, человек настолько ПЛЮРАЛЕН, настолько многообразен, что невозможно однозначно идентифицировать личность. Сегодня он признаёт одно, завтра другое, тем самым разрушается понятие личности, оно становится бессмысленным в ситуации, где психика и сознание человека разрушено.

В-третьих. Существование правовой реальности также подвергается сомнению. Формулируется так называемый закон искусственной естественности, согласно которому то, что воспринимается нами как естественное, на самом деле есть искусственно созданное, сконструировано обществом. Следовательно, мы живём в окружении искусственной реальности. Особое внимание постмодернизм отводит идеологической обработке сознания личности. Человек живёт в искусственной реальности, к ней добавляется искусственная идеология (так называемая СКЛАДКА), и таким образом человек попадает в большие нарративы, т.е. в большие объяснительные схемы, принятые в данной культурно-исторической ситуации в качестве основной коммуникативной среды. Например, современное правосознание создаёт важнейший метанарратив, который погружает человека в мир правовых мифов (например, миф о правовом государстве). Культурная деятельность превращается в некий спектакль, благодаря которому все общество погружается в мир надуманных образов (симулякров).

В-четвёртых, оценивая смысл государственной политики и в целом государственности, в рамках постмодернизма, главная функция государства понимается как производство образов. Ранее государство

управляло через производство законов и норм, сейчас продуцирует правовые образы поведения. Эти образы (симулякры) создаются РЕКЛАМОЙ, ШОУ, СМИ, и выдаются за рекомендуемые образцы поведения. Право как таковое также разрушается, деконструируется, остается на «обломках» права только шоу-право. Что показывают на экранах ТВ — то и есть право.

В-пятых. Продолжая правовую проблематику, постмодернизмом вводится понятие теневого права. Оно обозначает, что в решении правовых вопросов действуют не нормы права, а неформальные взаимоотношения между участниками правовых решений, которые в современной жизни становятся чуть ли не нормой правовой культуры в области судебных разбирательств. Так, например, суд в современной ситуации добивается не истины, а закрепляет победу той или иной стороны в состязательном процессе. Нередки сделки с правосудием, согласованность судебных решений, примирение сторон, доминирование финансовых способов урегулирования правовых конфликтов.

Подводя предварительные итоги ознакомления с идеями постмодернизма в праве, необходимо отметить, что данная концепция права есть мировоззренческая реакция на качественные изменения, которые происходят сейчас в обществе. Несмотря на явно критическое отношение к праву как феномену социального и личностного бытия, данная концепция направляет свой критицизм против негативных явлений в культуре, в жизни современного общества, тем самым раскрывая серьёзные философские проблемы в развитии социальной науки.

Постмодернизм показывает кризис общечеловеческих ценностей в современную эпоху, подчёркивает проблемы, с которыми сталкивается современный человек в правовой жизни.

Какие же изменения происходят в мировоззрении современного человека, столь печально отразившиеся на понимании сущности и смысла своего бытия?

Постмодернистская методология фундируется на разнообразных мировоззренческих концептах, среди которых одним из наиболее «значимых» является принцип «Differance», или близкий по смыслу концепт «рассеивание».

Категория «Differance» («рассеивание») означает процесс распада, рассеивания исследуемых культурных объектов на «присутствующее» (элементы) и признание присутствия как «следа» (следствия) процедуры рассеивания. Другими словами, отношение к присутствующей реальности, различно. Различение (differance), а не отождествление, есть методологический фундамент любого исследования.

Таким образом, «Differance» означает, что «самотождественность ... явления есть результат его различия от других элементов» [1]. Как отличает Ж. Деррида, один из ярчайших представителей постмодернизма, «Differance» — это, ... «когда каждый элемент, именуемый «наличным» и являющийся на сцене настоящего, соотносится с чем-то иным, нежели он сам; хранит

в себе отголосок, порождённый звучанием прошлого элемента, и в то же время разрушается вибрацией собственного отношения к будущему элементу» [2].

Итак, «различие» («различение») предшествует присутствию, сущему, является их онтологическим условием. Что же означает данная методологическая посылка для постижения сущности современной социокультурной ситуации?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы прибегнем к метафорическому приёму, который использовал один из авторов «Difference» Ж. Деррида, а именно, метафоре «Колодца» и «пирамиды» [3]. Применим этот приём при исследовании феноменов правовой культуры.

«Колодец» — образ старой классической парадигмы исследования сущего, т.е. в нашем исследовании — бытия права. Из глубин сущности («колодца») мы черпаем «живительную воду», питающую «присутствие» познаваемых явлений. Иначе, объяснение присутствие права и его онтологических оснований означает поиск присутствия более глубинных, «скрытых в недрах колодца» причин его присутствия. Погружаясь в изучение права вглубь «скрытых» сущностей, исследование обречено на постепенное ускользание из сферы познания самого объекта, и, в конце концов, его потерю. Его присутствие объясняется присутствием более значимого и фундаментального, т.е. Другого. Однако это Другое (что в классической философии права принято называть сущностью или смыслом права) не отличается (differe), от изучаемого объекта, а скрыто присутствует в нём в «снятом» виде. Различие между сущим и сущностью, скрытой в глубине «колодца», есть лишь временное проявление их тождества. Таким образом, различие вторично, производно. Тождество, совпадение сущности и существования есть цель развития права и, одновременно, его первопричина. Этим и объясняется настойчивость философских поисков Абсолютного Блага, максим правового сознания, идеальных, «конечных» моделей правового бытия.

«Пирамида» — образ новейшей, постнеклассической парадигмы, являющейся «немым знаком бытия» и есть символ принципа «Differance», поскольку форма пирамиды означает не только «многообразие в основе», фундаментальность различения, сколько то обстоятельство, что настоящее; различающее себя от прошлого, будущего и, самое главное, сохраняющее силу самого отношения к тому, чем он сам не является» [4]. Образ «Пирамиды» есть памятник различию (Differance), по различию, не преодолевающегося в процессе развития общества, а как раз сохраняющее это различие в существующем «теле» культуры. «Пирамида» - немое напоминание, что в обществе возможны и другие «элементы», сопоставимые по возможности и онтологической значимости с правом. Если «колодец» символизирует преимущество права среди других форм упорядочивания общественных отношений — что мы и наблюдаем в современном мире, в котором все социально значимые (например, военные конфликты) и социально незначимые (на-

пример, проблема прав гомосексуалистов) действия и решения сопровождается отсылкой к праву и правам свободной личности, то «Пирамида» демонстрирует историческую привлекательность и действенность иных способов регуляции общественных действий, и, прежде всего, обычая, традиции и элементов религиозной культуры.

В этом смысле «пирамида» в отличие от «колодца» есть «немое», т.е. необъяснимое через «сущность», звучания присутствия иных (*diffare*), наряду с правом структур человеческого поведения.

Итак, метафоры «колодца» и «пирамиды» являются нам два подхода к исследованию права: классический и постмодернистский. Классический философский подход, «окутывая» право понятиями, универсальными сущностями и словесными формами, делает право закрытым элементом общественной системы, закрытой подсистемой, представляющей себя в силу этого самодовлеющей, самоопределяемой силой. Право тем самым становится абстрактным понятием, отрывается от конкретного жизненного пространства, порывает свою внутреннюю связь с другими социокультурными основаниями. С мировоззренческой точки зрения, такой способ воззрения на право ведёт к усилению процесса «отчуждения», «противопологания», к осмыслению права как некоей внешней силы, противостоящей субъекту. Этим объясняется общая тенденция снижения правовой культуры, ярко выраженная абсентистская и апатичная правовая позиция (особенно в России, где ранее право всегда соотносилось и фундировалось на Другом – Православии).

Закрытость права подразумевает также его понимание как «принуждения», как некий тип ограничения, что на первый план при изучении права выводит достаточно второстепенные признаки права (например, принуждение, силу), и соответственно «забвение» первостепенных его признаков. К ним мы бы отнесли «свободное признание права», «очевидность» его для мыслящего, наделённого разумом, и включенного в определенную культуру человека.

С практической (так и с теоретической) стороны «зарытость» права в «колодец» означает появление внутрисистемных противоречий, парадоксальных ситуаций, которые ведут к кризису права.

Так, в современных философско-правовых исследованиях особенное внимание уделяется всё нарастающей тенденции деперсонализации права в современном мире. Симптомами данного процесса рассматриваются:

а) Формализация права, которая проявляется в доминировании закона. «Примеры эти многочисленны, начиная от научно-практических комментариев к кодексам и дальше к Конституции», и «заканчивая огромным (исчисляемым тысячами) количеством подзаконных актов практически в любой отрасли права» [5]. Требования буквального прочтения норм права аналогично процедуре обоснования нормы другой нормой, более «нормальной», более точной. Симво-

лом этой манипуляции и является «колодец».

б) парадоксальность свободы как абсолютной правовой ценности.

Процесс формализации права скорее отрицает свободу, чем защищает её, не создаёт условия для существования свободной личности. Часто отмечается, что процесс «разрастания, усложнения и рассыпания (т.е. *Differance - авт.*) властных механизмов, поглощает личностное начало, вопреки формальной свободе, действительно ставшей достоянием каждого» [6].

Часто в качестве аргумента приводят идеи известного философа – постмодерниста Ж. Бодрийяра о парадоксальном положении современной личности, которая принуждена быть личностью, вынуждена быть свободной «Предоставив человеку право на свободу и собственную волю, с беспощадной логикой заставляет его спросить себя, в чём же состоит его собственная воля»; для современного общества характерно «заражение, эпидемия ценности свободы», что ведёт к переизбытку, девальвации. «Мы умеем произносить только речи о свободе и правах человека – об этой слабой и бесполезной ценности». Оценка Запада как «свалки свободы и прав Человека», в которой «свобода умерла самой настоящей смертью» основывается на тезисе, что «Запад желает свободы не как действия, но как виртуального согласованного взаимодействия» [7]. Так же Бодрийяр отмечает, что в современном мире личность одновременно выступает как субъект потребления и объект экономического спроса, свобода личности обменивается на материальные символы, победы души заменяются материальным комфортом.

в) Потеря субъекта права в юридической практике. Признётся приоритет судебной практики над законотворчеством, но при этом право (суд) оценивает человеческие поступки «не с точки зрения включённого участника действия», что позволяет «Другому (а не мне – авт.) быть источником практического решения» [8]. Юристы отказываются от своей собственной ответственности и активности в совершении суждения, подставляя теоретический контекст на место практического. «Суждение творит, обобщает, вырывает из контекста – следовательно, теряет» [9].

г) Снижение эффективности правового регулирования. Как отмечают постмодернистские исследования, «регулярность человеческих поступков, сохранение и воспроизводство рутины совместной жизни превосходно обходятся сегодня без мелочного вмешательства государства, с насущными нуждами теперь успешно справляется рынок. Вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро» [10].

д) Возрастание степени институционализации права. Право как социальный институт становится «социальной реальностью, которую воспринимают и с которой действуют как с внешней по отношению к отдельному человеку фактором. Цель института – повышение социального контроля, выработка системы правил как кодов поведения» [11].

Такая кодификация и рецептурность (Э.Ф. Фромм)

поведения современного человека ведёт к минимизации творческого личностного начала в деятельности человека.

е) «Комичность» правовой действительности.

Использование категории «комического» в анализе права демонстрирует такой социальный факт, как «насмешка над правом». Как отмечает Ж. Делез, современное мышление открыло возможность новой иронии и нового юмора по отношению к праву. В своём труде «Представление Захер – Мазоха», Делез пишет, что «нужно немало юмора, чтобы убедить нас повиноваться Абсолютному благу». В то же время «закон всегда мыслится через иронию, т.к. правовая мысль допускает обоснования правоты закона в бесконечно превосходящем его Благе». Юмор же есть «игра мышления, допускающего санкционирование закона бесконечно более справедливым, чем он» [12]. Юмор проявляется в нисхождении от закона к следствиям; закон ловят на слове, воспринимая его буквально; с законом можно юмористически обходиться.

Кроме вышеуказанных симптомов правового кризиса, с которым столкнулся современный мир, сущность кризиса сводится к следующей ситуации нашего времени: «Ситуация с правом может быть квалифицирована как парадоксальная: с одной стороны, факт мультикультурности современных обществ релятивизирует государственное право, повышает ценность обычного права и морали, а с другой стороны, он делает официальное право единственно приемлемым средством обеспечения целостности общественных систем. Активные философско-правовые исследования направлены в первую очередь на разрешение данной ситуации» [13].

Если осмыслить вышеприведенное высказывание с позиции «Differance», то мы бы предложили возможным следующее его толкование:

- право возникает в истории общества благодаря «рассеиванию» (размещению) в социальном пространстве различных форм регуляции общественной деятельности (прежде всего, обычая и морали).

- Наличие «Другого» есть онтологическое условие и культурные основания для присутствия права в данном пространстве. Именно методологическое «невнимание» к онтологическому характеру различий послужило причиной кризиса внутри самой философии права, в системе обоснования права.

Как было отмечено, в современном обществе повышается ценность обычая. Это в свою очередь означает, что право в поисках своих оснований всё более осознаёт необходимость присутствия рядом «Иного», отличного, иначе оно перестает быть самим собой. Таким «Иным», как правило, признаётся «дух права», «правовая традиция», «реальность живого правосознания». Другими словами, иное есть культурный контекст, анализ которого становится настоящим требованием современного философского исследования права. Например, в последнее время всё больше внимания уделяется культурному единству права и

религии. Достаточно известным становится трактат Дж. Г. Бермана «Право и закон: примирение права и религии» [14], в котором изложена потеря целостности общества, если систему ценностей права сделать более предпочтительной по сравнению с другим рядом духовных ценностей. Кризис права в данном случае проявляется в процессе «самокритики» права, распада правовой монополии. Процесс «рассеивания» (Differance) монополистического положения права в сфере регуляции общественного поведения сопровождается выходом на арену социально порядка других форм регулирования общественных отношений.

В противном случае общественная система утрачивает «внутрисистемные различия, исчезновение которых заставляет современную существующую целостность искать «жертву» (или «козла отпущения»), виновную в отсутствии культурных различий.

В изданной в Париже в 1982 г. книге Р. Жирара, которая так и названа – «Козёл отпущения» [15], проводится идея, что общество в ситуации потери культурных и социальных различий возрастает ответственность на «специально создаваемую» жертву, с целью демонстрации того, что различия всё же присутствуют, а, следовательно, присутствует и право. В качестве такой «жертвы» в современном обществе становятся такие группы населения как религиозные меньшинства, представители нетрадиционных сексуальных ориентаций и т.д. Право как бы «ищет» и обязательно находит (чтобы остаться правом) жертву, приписывая ей отличия, часто носящие искусственный характер. Как отмечает Р. Жирар, жертвам приписывается не отличие вообще, а отсутствие «правильных» отличий или недостаток отличительных признаков. В данном контексте категория «Differance» понимается как «россыпь элементов», которые, приобретая определённую самостоятельность, теряют всякую возможность отличаться друг от друга. Потребность в «жертве», ведущая к социальным конфликтам, есть очевидное действие принципа «Differance» в объяснении общественных явлений.

В философских исследованиях сущности кризиса права интересным является методологический приём «деконструкции», разработанный Ж. Деррида. Этот приём означает «развенчание логоцентристского дискурса западной культуры» [16], в основе которого критика абсолютизации теоретического, рефлексивного изучения права. В работе Ж. Деррида «Призраки Маркса» проводится сравнительное исследование значительных произведений западной культуры – «Гамлета» (призрак замка) и «Манифеста коммунистической партии» (призрак коммунизма).

«Призраки» в творчестве Шекспира есть символ «распадения королевств», «призраки» Маркса демонстрируют нам распадение великих объединяющих проектов человеческого разума. «Призрак» — это умерший, и «значит не присутствующий в этой жизни Другой ... Призрак присутствует ... в нашей жизни, но не бытийствует. Призрак — это Другой, обнаруживающий себя в каких-то измерениях нашей жизни» [17].

Это и есть мир «Difference».

Современное «распадение» мощнейшего государства, основанного на призраках, ведёт к оценке нашей эпохи (в том числе и правовых проектов нашего времени) как эпохи погребения и оплакивания. Оплакивание есть попытка онтологизировать останки великих правовых идей, «мертвящее дыхание безжизненного правового идеала» (Ж. Деррида) привело человечество к невиданным пароксизмам смерти и истреблению огромного количества людей.

В данном контексте понятие «Difference» направляет философско-правовое исследование в русло жизненного правового пространства, поскольку абсолютизация любого классического правового концепта есть абсолютная жизнь, что в то же время абсолютная смерть.

В наше время «оплакивания» идеалов требуется серьёзная работа по созданию новых образов философского и культурологического исследования. К такому дискурсу и относится концепт «Difference», образ «пирамиды», который не есть призрак, требующий оплакивания и жертвы, погребения вглубь колодца», а есть реальное тело живой культуры.

Библиографические ссылки

1. История философии. Энциклопедия. — Минск. - 2002.- с. 283.
2. там же, с. 283-284.
3. Деррида Ж. Колодец и пирамида. Введение в гегелевскую семиологию // М.: 1968.
4. там же, с. 285.
5. Гнатенко Е.А. Симптомы деперсонализации права в современном мире и православный персонализм // ж. Философия науки. — 2002. - с. 72-80.
6. Чичнева Е.А. Взаимосвязь права и религии в сравнительных исследованиях российского и западного права. // Философские науки. - 2003. - с.131.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла //цит. по История философии. - Минск 2002. - с. 836-837.
8. Арендт Х. Ситуация человека // Цит. по Мигун А.В. Понятие суждения в философии - Х. Арендт. Вопросы философии. 1991. - с.107-108.

9. там же.

10. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал 1994. - 4 с. 84.
11. Философия // под ред. Губина В.Д. - 1998. - с. 194.
12. Делез Ж. Представление Захер-Мазоха. Холодное и жестокое. - М.: 1992. - с. 261-265.
13. Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский И.В. Философия права. - М.: 2002. - с. 5.
14. Берман Дж. Право и закон: примирение права и религии. - М.: 1999.
15. Жирар Р. Козел отпущения. - Париж, 1982.
16. История философии. — Минск. - 2002. - с. 261.
17. там же, с. 849

References

1. Istorija filosofii. E`nciklopediya. — Minsk. - 2002.- s. 283.
2. tam zhe, s. 283-284.
3. Derrida Zh. Kolodec i piramida. Vvedenie v gegelevskuyu semiologiyu // M.: 1968.
4. tam zhe, s. 285.
5. Gnatenko E.A. Simptomy` depersonalizacii prava v sovremennom mire i pravoslavny`j personalium // zh. Filosofiya nauki. — 2002. - s. 72-80.
6. Chichneva E.A. Vzaimosvyaz` prava i religii v sravnitel`ny`x issledovaniyax rossijskogo i zapadnogo prava. // Filosofskie nauki. - 2003. - s.131.
7. Bodrijyar Zh. Prozrachnost` zla //cit. po Istorija filosofii. - Minsk 2002. - s. 836-837.
8. Arendt X. Situaciya cheloveka // Cit. po Migun A.V. Ponyatie suzhdeniya v filosofii - X. Arendt. Voprosy` filosofii. 1991. - s.107-108.
9. tam zhe.
10. Bauman Z. Spor o postmodernizme // Sociologicheskij zhurnal 1994. - 4 s. 84.
11. Filosofiya // pod red. Gubina V.D. - 1998. - s. 194.
12. Delez Zh. Predstavlenie Zaxer-Mazoxa. Xolodnoe i zhestokoe. - M.: 1992. - s. 261-265.
13. Chukin S.G., Sal`nikov V.P., Balaxonskij I.V. Filosofiya prava. - M.: 2002. - s. 5.
14. Berman Dzh. Pravo i zakon: primirenie prava i religii. - M.: 1999.
15. Zhirar R. Kozel otpushheniya. - Parizh, 1982.
16. Istorija filosofii. — Minsk. - 2002. - s. 261.
17. tam zhe, s. 849

